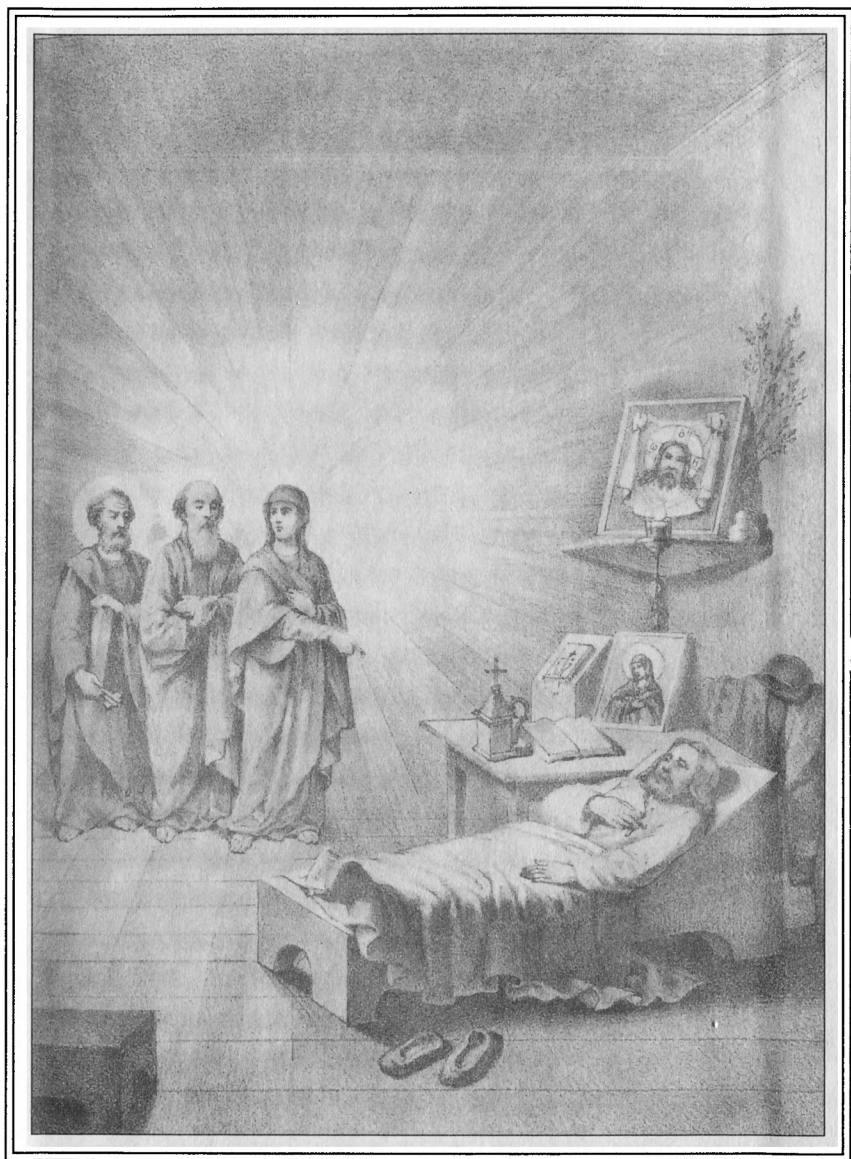

ЖИТИЕ СТАРЦА СЕРАФИМА

Баровской пустыни
иеромонаха
пустынножителя
и затворника

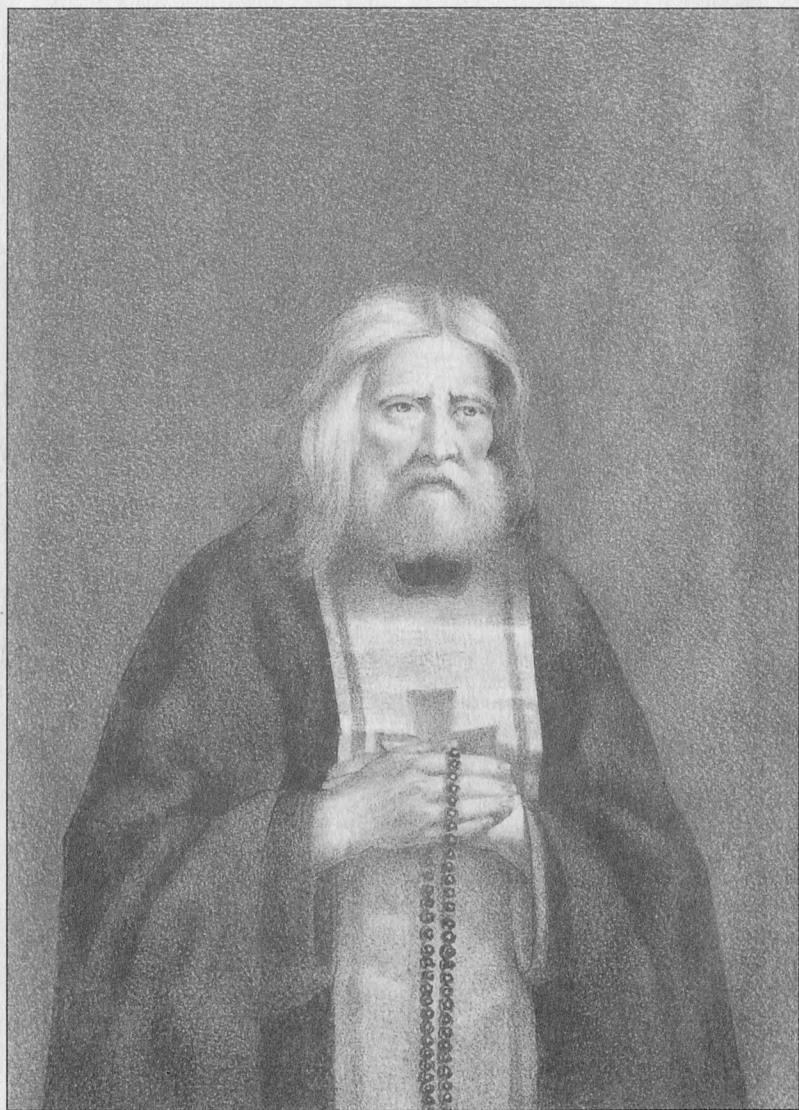

**ЯВЛЕНИЕ ПРЕСВЯТЫЯ БОГОРОДИЦЫ
к о. Серафиму (бывшему еще послушником)
во время тяжелой его болезни**

ВИДЕНИЕ СТАРЦУ СЕРАФИМУ ВО СВ. ХРАМЕ

**ВИД СТАРЦА, ОТЦА СЕРАФИМА,
в последние годы его жизни**

ЖИТИЕ
СТАРЦА СЕРАФИМА,

САРОВСКОЙ ОБИТЕЛИ ІЕРОМОНАХА.

ПУСТЫННОЖИТЕЛЯ И ЗАТВОРНИКА.

СЪ ПРЕДЛОЖЕНІЕМЪ ЕГО НАСТАВЛЕНІЙ И КЕЛЕЙНАГО МОЛИТВЕННОГО ПРАВИЛА.

Онъ жилъ во славу Божию.

Надпись на памятникѣ о. Серасима.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ

1863.

От С.-Петербургского Комитета Духовной Цензуры
печатать разрешается. Января 15 дня 1863 г.

Цензор *Архимандрит Сергей*

ЖИТИЕ
СТАРЦА СЕРАФИМА,
САРОВСКОЙ ПУСТЫНИ ИЕРОМОНАХА,
ПУСТЫННОЖИТЕЛЯ
И ЗАТВОРНИКА

С ПРИЛОЖЕНИЕМ ЕГО НАСТАВЛЕНИЙ
И КЕЛЕЙНОГО МОЛИТВЕННОГО ПРАВИЛА

Он жил во славу Божию.
Надпись на памятнике о. Серафима

ФОРУМ
Москва
2003

Житие старца Серафима, Саровской пустыни иеромонаха, пустынножителя и затворника. С приложением его наставлений и келейного молитвенного правила. – М., ФОРУМ, 2002. – 320 с., илл.

Это издание дает возможность познакомиться с первой подробной книгой о преподобном Серафиме Саровском, вышедшей в 1863 году – через 30 лет после его блаженной кончины и за 40 лет до причисления старца к лику святых. До 1863 года появилось лишь несколько кратких жизнеописаний Саровского подвижника (первое увидело свет в 1841 г.)

В книгу входят наставления и келейное молитвенное правило преп. Серафима, а также иллюстрации, взятые из выпуска 1863 г.

Задолго до блаженной кончины старца Серафима, иеромонаха Саровской пустыни, подвижническая жизнь его была известна не только в России, но и за пределами нашего отечества – по всей Православной Церкви. Приняв ангельский образ на 19-м году жизни, он почти пятьдесят пять лет жил безвыходно в Саровской пустыни и прошел там все степени подвижничества: нес сперва общие послушания монастырские, потом послушания по званиям иеродиакона и иеромонаха, подвизался в отшельничестве, подражал столпникам, был молчальником и жил в совершенном затворе. Среди этих разнообразных подвигов, сохраняя дух глубокого смирения, он стяжал богатство добродетелей и обилие даров благодати Божией. Умудренный опытами духовной жизни, постоянным благоговейным изучением Священного Писания и творений св. Отцов и назидательным чтением житий святых Божиих людей, просвещенный духом благодати, он в последние десятки лет душеспасительно поучал вере и наставлял в благочестии многие тысячи людей, ежедневно стекавшихся в Саров из разных стран, чтобы принять благословение о. Серафима и выслушать от него советы и наставления. Сверхъестественные, благодатные дары, которые обнаруживались в нем духом прозорливости и силою исцелений, придавали особенную действенность его наставлениям. Сладость его беседы, исцеление душевных и телесных недугов, по влиянию его молитв, и утешения

прибегающим к нему в скорби и печали, разносили славу о нем в дальние места. Весть о его подвижнической жизни и благодатных знамениях передавалась из одного места в другое и наполнила всю Россию.

Прошло тридцать лет после кончины старца Серафима, но память о нем еще жива. Не над могилою только его в Сарове, но и в разных концах России возносятся молитвы о его упокоении в лике святых. Советы и изречения старца Серафима помнятся и повторяются и теперь, как изречения великих подвижников древнего времени. Сведение о его жизни и подвигах и особых знамениях благодати Божией, явленных над ним и чрез него, заботливо были собираемы и сохраняемы для памяти потомства, и много раз уже обнаружены в печати для общего сведения.

Первые известия о жизни старца Серафима напечатаны в 1841 году. Это сочинение, с некоторыми дополнениями, имело несколько изданий. Через три года после первого издания помещено в «Маяке» новое сказание о жизни и подвигах о. Серафима. В последние годы издано третье описание жизни, дополненное лишь в приложении сказаниями о благодатных явлениях по молитвам о. Серафима; было и краткое начертание жизни приснопамятного старца, вышедшее в двух изданиях. Так велико было желание знать подробности жизни всеми чтимого подвижника!

Но все упомянутые издания, распространившиеся вследствие благоговейного уважения к старцу Серафиму людей всех сословий, не удовлетворяли, однако ж, ни свидетелей его подвигов в Сарове, ни других лиц, близко его знавших. В них не уяснены весьма важные обстоятельства жизни о. Серафима и особенно мало раскрыта его внутренняя духовная жизнь. Сверх того, много случаев благодатного влияния на обращавшихся к нему при жизни и по смерти сделались известны впоследствии. Это побудило нас за-

няться составлением более полного изображения жизни, подвигов и благодатных действий блаженно-го Серафима в его внешних сношениях и во внутренней, духовно-сокровенной жизни – чего давно желала и Саровская обитель, которой мы много обязаны за доставление верных сведений.

Посильный труд сей, составленный для общей пользы и назидания, предлагается вниманию благочестивых читателей, с искренним желанием, чтобы воспоминание о старце Серафиме живо и ясно явило нам примеры его жизни и повторило все дивные уроки, которые он давал проходящим.

I.

ОТ РОЖДЕНИЯ ДО ВСТУПЛЕНИЯ В САРОВСКУЮ ПУСТЫНЬ

Место рождение старца Серафима. – Его родители. – Время рождения. – Отрочество и воспитание до семнадцатилетнего возраста. – Склонность к иночеству. – Решимость поступить в монастырь. – Прощание с матерью.

Губернский город Курск памятен как место рождения отца Серафима. Жители города, по преданию, до сих пор знают это место и приезжающим указывают на него в числе местных особенностей, достойных внимания. Оно находится на Сергиевской улице, в близком соседстве с храмом преподобного Сергия. Тут стоял собственный дом родителей о. Серафима. Впоследствии, при новом распланировании города, сделанном по распоряжению императрицы Екатерины II, им отведено было в конце города, близ нынешних московских ворот, другое место, на котором имел свой дом и жил старший брат о. Серафима, Алексей.

Родителей о. Серафима звали *Исидором* и *Агафиею*, по фамилии *Мошнины*. Они принадлежали к почтенному купеческому сословию города. Отец Серафима имел свои кирпичные заводы близ Курска, занимался, в качестве подрядчика, постройками каменных зданий, церквей и домов, слыл за человека честного, имел усердие к храмам Божиим и обладал хорошими материальными средствами. В последнее время своей жизни он взялся построить в Курске иждивением прихожан, преимущественно же купца Карпа Ефремовича Первышева, по чертежу архитектора Растрелли, новый храм во имя преподобного Сергия,

Радонежского чудотворца, названный в 1833 году кафедральным собором. Основание ему было положено в 1752 году. И когда нижняя церковь, с престолом во имя св. Сергия, была совершенно готова, строителя застигла смерть, последовавшая в 1762 году. Передав богатство в руки жены, он поручил ей принять участие в строении храма и довести дело до конца.

Агафия, мать Серафима, еще более мужа своего памятна и личным благочестием, и благотворительностью ближним. При жизни и по смерти его она помогала бедным, особенно сиротам, не отказывая им и в таких случаях, когда просили ее устроить хозяйство бедной девушки при вступлении в брак, что требовало, конечно, значительного пожертвования. Согласно желанию мужа и своим чувствам, она в течение многих лет продолжала постройку Сергиевской церкви, лично наблюдая за ходом и успехами работ, и в 1778 году привела храм к окончательному устройству. Храм этот внутри и снаружи украшен лепной работой. Иконостас в нем занимает всю восточную часть до самого купола; резьбы из цельного дерева; приготавлился и отделялся, говорят, в течение 10 лет. Постройка храма столь прочна, что до настоящей поры незаметно на нем повреждения. Самая позолота со времени отделки храма ни разу не была возобновляема и доныне не теряет своей свежести. Такие обстоятельства и добродетели ставили семейство Мошниных в числе видных людей города Курска

Отец Серафим родился 1759 года с 19-го на 20-е число июля и наречен Прохором, в честь св. Прохора, единого от семидесяти апостолов и семи диаконов первенствующей Церкви, память которого ублажается в том же месяце 28 числа. Он не был у родителей единственным сыном: при его рождении у него был уже старший брат, Алексей, сын которого, Симеон, 76-летний старец, доселе живет в Курске, занимаясь токарной работой. Прохор наследовал добрые качества родителей и

особенно их благочестие. Отца лишился он в 1762 году, когда имел не более трех лет от рождения. Воспитательницей его в детстве исключительно оставалась мать его. Она учила юного сына более примером своей жизни, и, конечно, ее благотворительность и любовь к храмам Божиим и молитве положили в сердце о. Серафима семена той заботы о бедных и сиротах, той любви к благолепию храмов Божиим и усердия к молитве, какими отличался о. Серафим еще с юных лет. Между тем для внимательных к действию Провидения открывалось, что с младенчества Прохор был под особым руководством и охранением Промысла Божия. Ему было семь лет, когда мать его, осматривая строение Сергиевской церкви, взяла с собою и сына на самый верх строившейся тогда колокольни. Здесь Прохор потерялся из виду матери и, оставшись один, по неосторожности, упал на землю. В великом испуге Агафья сбежала с колокольни, воображая найти своего сына разбитым до смерти; но с удивлением и несказанной радостью она увидела его целым и невредимым. Дитя стояло на ногах. Пошли расспросы: с какой высоты он упал, отчего цел остался, и кончилось тем, что мать, со слезами радости, признала делом особенного Божественного охранения спасение сына от смерти и ушиба и возблагодарила Бога. Через три года новое событие обнаружило еще ясным образом особенное покровительство Божие над Прохором. Ему было десять лет; телесное сложение он имел хорошее, в душевных силах проявлялась острота ума, быстрая память, в поведении – кротость и смирение. В это время начали его учить церковной грамоте. Отрок показывал и охоту, и способность к учению; но учение должно было прекратиться: Прохор сделался так тяжело болен, что не надеялись на его выздоровление. В самое трудное время болезни, в сонном видении, Прохор увидел Пресвятую Богородицу, которая обещала посетить его и исцелить от болезни. Прохор, проснувшись, рассказал это видение своей матери. Сон показывал в отроке благочестивое

настроение души, восприимчивость к религиозным внушениям, а его осуществление, совершившееся очевидным образом, явило над Прохором высшее промысление. Во время одного из крестных ходов несли по городу Курску чудотворную икону Знамения Божией Матери по той улице, где был дом Мошниной. Пошел сильный дождь. Чтобы перейти на другую улицу, крестный ход, вероятно, для сокращения пути и избежания грязи, направился через двор Мошниной. Пользуясь этим случаем, Агафья вынесла больного сына во двор, приложила к чудотворной Иконе и поднесла под ее осенение. Заметили, что с этого времени Прохор начал поправляться в здоровье и скоро совсем выздоровел. Так исполнилось обещание Царицы Небесной посетить отрока и исцелить его. С восстановлением здоровья Прохор продолжал успешно свое учение, изучал Часослов, Псалтирь, выучился писать и полюбил чтение Библии и духовных книг.

Так как старший брат Прохора, Алексей, занимался торговлей и имел свою лавку в Курске, то и Прохора заставляли приучаться к торговле в этой лавке. «Родом я, – говорил он впоследствии, беседуя в Сарове с Н. А. М., – из курских купцов, и когда не был в монастыре, мы, бывало, торговали таким товаром, который больше барыша дает». Предметом торговли были вещи, необходимые в крестьянском быту, как-то: ремни, деготь, бечевки, дуги, шлеи лапти, железо и т.п., но к торговле и барышам не лежало его сердце: оно влекло его туда, где можно было стяжать себе сокровище духовное, вечное спасение души. Не опускал он почти ни одного дня без того, чтобы не посетить храма Божия. Не имея возможности, по причине занятий торговлей, быть днем у литургии и вечерни во храме Божиим, он вставал ранее и после домашней молитвы спешил к утреннему Богослужению, чтобы там вознести еще свои молитвы к Богу. В воскресные и праздничные дни он

особенно любил заниматься чтением духовно-назидательных книг, собирая иногда своих товарищей слушать чтение.

Хотя желание поделиться сокровищами духовной мудрости заставляло Прохора собирать около себя товарищей, но внутреннее, глубокое чувство влекло его к уединению, к беседе с самим собою. Сближения он искал только с теми, кто мог беседовать с ним на пользу души.

В то время в г. Курске жил какой-то Христа ради юродивый, которого имя теперь забыто, но которого тогда все чтили. Родом он был из Курска и с малолетства принял на себя сей трудный подвиг для спасения души. По благочестию своему Прохор сперва вошел в знакомство с ним, а после всем сердцем прилепился к нему. Христа ради юродивый также возлюбил Прохора и своим влиянием еще больше расположил душу его к благочестию и уединенной жизни, которую и сам вел среди общества родных и знакомых.

От матери не утаилось направление сына, просто-сердечно являемое; в душе она соглашалась с ним, одобряла его, радовалась. Лицо ее покрывалось заботой только тогда, когда она заглядывала в будущее и задумывалась над вопросом: какой род занятий в жизни выберет для себя сын ее? По прошествии еще немногих лет и этот вопрос начал проясняться. Прохор стал заговаривать о монастыре, признавал осторожно мысли матери и спрашивал, как бы предположительно: «Не пойти ли ему в монастырь?» Видит, что мать не противоречит его желанию, охотнее хотела бы отпустить, чем удержать его в мире, и желание монашеской жизни оттого еще сильнее разгоралось в нем. Тогда Прохор начал говорить о монашеской жизни с людьми знакомыми. Во многих он нашел сочувствие своему намерению и одобрение; а купцы Иван Иванович Дружинин, Иван Степанович Безходарный, Алексей Семенович Меленин и еще двое подавали надежду идти вместе с ним в оби-

тель и навсегда остаться в ней для спасения души. На семнадцатом году жизни намерение оставить мир и вступить на путь иноческой жизни окончательно созрело в Прохоре. И в сердце матери образовалась решимость отпустить его на служение Богу. Тем беспрепятнее она думала сделать это, что и сама не оставалась еще в совершенном одиночестве: с нею был другой сын ее, известный уже нам Алексей, по характеру довольно несхожий с Прохором, отличавшийся больше склонностью к мирским занятиям, чем к упражнениям духовным. Тогда семнадцатилетний Прохор Мошнин, следуя церковно-гражданским установлениям духовного регламента, взял себе увольнение от курского городского общества*, сделавший таким образом начальный шаг отречения от мира в пользу иночества. Трогательно было его прощание с матерью! По русскому обычаю, собравшись совсем, они посидели немного, потом Прохор, встав, помолился Богу и, поклонившись матери в ноги, просил ее родительского благословения. Агафия дала ему приложиться к иконам Спасителя и Божией Матери, потом благословила его медным крестом. Взяв с собою этот медный крест как знамение материнского благословения, как символ, в котором соединяются все обязанности инока, о. Серафим до конца жизни сохранил его, нося всегда открыто на груди своей. Таким образом мать и сын простились друг с другом. С горькими слезами провожала его вдовствующая Агафия; мысль удержать юношу при себе вращалась в ее уме; но опасность отвлекать человека от доброго намерения и страх принять на себя дурные последствия отвлечения успокоили волнение души. Прохор, верно, плакал не менее матери, но скорбь – естественное явление всякой разлуки – не останавливала его дома; мысль его стремилась туда, куда призывали его пути Божии.

---

* Монастырский архив, отдел XV, № 13

Перекрестившись на церковь Божию, молодой юноша с задумчивым видом, с тайной мыслью в сердце оставил, подобно Аврааму, свою родину и дом отца своего.

II.

ОТ ВСТУПЛЕНИЯ В ПУСТЫНЬ ДО ПОСТРИЖЕНИЯ В МОНАШЕСТВО

Намерение, с которым Прохор оставил родину. – Его путешествие в Киев. – Возвращение на родину и последнее пребывание в ней. – Приход в Саровскую пустынь. – Жизнь Прохора в звании послушника до пострижения в монашество.

Куда же пошел молодой семнадцатилетний юноша Прохор, оставивши родной дом, мать, брата и имение? Было ли у него определенное намерение насчет того, где поселиться? Без всякого сомнения, он имел в виду посвятить себя Богу в звании монашеском. Но где именно? в каком монастыре? – эти вопросы давно занимали его, озабочивали и теперь. Слава подвижнической жизни иноков Саровской пустыни, где подвизались уже многие из курских жителей, где и настоятелем в то время был курский уроженец Пахомий, склоняли его идти к сим подвижникам. Но предварительно ему хотелось быть в Киеве, чтобы в Киево-Печерской лавре, этом рассаднике русского иночества, посмотреть на труды киевопечерских иноков, получить советы, наставления, утверждение в своих мыслях и благословение от какого-нибудь подвижника, в духовной жизни твердого и опытного, и наконец помолиться и благословиться у св. мощей преп. Антония и Феодосия, первоначальников иночества и прочих угодников Божиих,

в Киеве почивающих. И так Прохор отправился, с благословением материнским на шее и с посохом в руках, в Киев. Вместе с ним шло еще пять человек курских купцов: это были те самые, которые вместе с Прохором возымели намерение, оставив мир, удалиться в пустынь. Все они после и пошли в монастырь, кроме купца Алексея Семеновича Меленина, у которого по непредвиденным обстоятельствам, остались после смерти родителей на попечении пять братьев и три сестры.

В Киеве Прохор с усердной молитвой и слезами припадал к св. мощам угодников Божиих, особенно преп. Антония и Феодосия, пламенно умоляя их благословить его намерение и наставить на путь спасительный. Обходя и отцев, там подвизавшихся, он прослышал, что недалеко от св. лавры Печерской, в Китаевской обители спасается затворник, по имени Досифей, жизни истинно богоугодной и имеющий дар прозорливости. Пришедши к нему, Прохор упал к ногам его, целовал их, раскрыл перед ним всю свою душу, просил наставлений и благословения. Прозорливый старец, уразумев его намерения и провидя в нем доброго подвижника Христова, указал ему для вселения на Саровскую обитель и благословил его, сказавши в заключение: «Гряди, чадо Божие, и пребуди в Саровской обители; место сие будет тебе во спасение; с помощью Божией, там окончишь ты и свое земное странствование. Св. Дух, сокровище всех благих, управит жизнь твою во святыне. В Сарове и настоятель Пахомий богоугодной жизни, последователь преподобных отцов наших Антония и Феодосия». Беседа блаженного старца Досифея окончательно утвердила юношу в добрых намерениях. Кажется, теперь никакие препятствия, никакие обольщения не сильны были отклонить его от решимости вступить в Саровский монастырь. Отговевшись, исповедавшись и причастившись св. Тайн, поклонившись еще раз св. угодникам Киевопечерским, он направил

стопы свои на путь и, охраняемый покровом Божиим, благополучно прибыл опять в Курск, в дом матери своей. Здесь он прожил еще несколько месяцев, даже ходил в лавку, но торговлей уже не занимался, а читал душе-спасительные книги в назидание себе и другим, которые приходили поговорить с ним, расспросить о св. местах и послушать чтения. Это время было временем его прощания с родными и с родиной. Мать, хотя и знала о решении Прохора вселиться в Саровской обители, даже соизволяла ему, но когда наступил последний час, когда Прохор стал прощаться с нею, она, благословляя его, говорила: «Ты бы меня прежде похоронил, а потом и шел в монастырь». Из договаривавшихся идти с ним вместе двое отправились теперь же, а прочие прибыли раньше его.

Общежительная Саровская пустынь основана в 1700 году иеросхимонахом Иоанном, арзамасским уроженцем, из села Нового Усада, известным своими монашескими подвигами и злополучной судьбой. Совершенствуясь постепенно, она при настоятеле старце Ефреме (1758-1777 гг.) поставлена была на степень высокого внутреннего и внешнего благоустройства. Прохор прибыл сюда 1778 года 20-го ноября, накануне праздника Введения во храм Пресвятой Богородицы. Стоя в церкви на всенощном бдении праздника, видя благочинное совершение службы Божией, слушая благолепное пение иноков, замечая, как все, от настоятеля до последнего послушника, рачительны к молитве, он восхищался духом, радуясь, что Господь указал ему здесь место для спасения души. Строителем в то время, как упомянуто, был старец Пахомий, постриженник Саровской обители, с юных лет посвятивший себя на служение Богу, инок кроткий, смиренномудренный, постник и молитвенник, образец иноков, коего народ называл святым человеком. Он происходил из курских купцов и в малолетстве знал родителей Прохора. С любовью принял

Пахомий юношу, в котором видел истинное стремление к иночеству, определил его в число послушников и в научение отеческому пути отдал старцу иеромонаху Иосифу, исполнявшему в обители послушание казначея. Сперва Прохор находился в келейном послушании старца. Он с точностью исполнял все монастырские правила и уставы по его указанию и в келье служил не только безропотно, но и всегда с усердием. Такое поведение обратило на него внимание всех и приобрело ему расположение старцев Иосифа и Пахомия. Тогда стали назначать ему, кроме келейного, по порядку общественные братские монастырские послушания. Так по началу он был в хлебне, отсюда переведен в просфорню. Потом поступил в столярню, далее сделан будильщиком. В столярне Прохор исполнял послушание довольно долго. Значительное время он состоял также, вместе с другим братом, будильщиком, и по этой должности, обходя до начала всякого богослужения кельи братий, извещал их скромным стуком в дверь, с произнесением молитвы Иисусовой о наступлении поры идти в церковь. После этих обязанностей он исполнял еще послушание пономарское. Бодрый силами, Прохор все монастырские послушания проходил, как свидетельствовали очевидцы, с великой ревностью.

Путь исполнения внешних послушаний, без сомнения, самый безопасный путь для молодых иноков: он избавляет от многих искушений, но не освобождает от внутренней борьбы, среди которой только и может укрепляться и возрастать в духовной жизни подвижник. Много искушений вытерпел и Прохор: дух печали, скуки, уныния действовал на него сильно, до изнеможения души его. «С духом печали, – говорил он впоследствии, – неразлучно действует и скука». Вот как о. Серафим описывает это состояние, любя беседовать словами св. отцов: «Скука, по замечанию отцов, нападает на монаха около полудня и производит в нем такое страшное беспокойство, что несносны ему ста-

новятся и место жительства, и живущие с ним братия, а при чтении возбуждается какое-то отвращение и частая зевота, и сильная алчба. По насыщении чрева демон скуки внушает монаху помыслы выйти из кельи и с кем-нибудь поговорить, представляя, что не иначе можно избавиться от скуки, как непрестанно беседуя с другими. И монах, одолеваемый скукой, подобен пустынному хворосту, который то немного остановится, то опять несется по ветру. Он, как безводное облако, гонится ветром.

Сей демон, если не может извлечь монаха из келий, то начинает развлекать ум его во время молитвы и чтения. Это – говорит ему помысл – лежит не так, а это не тут: надобно привести в порядок, и это все делает для того, чтобы ум сделать праздным и бесплодным».

Чем же молодой подвижник врачевал эту болезнь духа? «Болезнь сия врачуется, – говорит он по собственному опыту, – молитвою, воздержанием от празднословия, посылным рукоделием, чтением слова Божия и терпением; потому-то и рождается она от малодушия и праздности и празднословия» (см. Ант. сл. 26. Ис. Сир. 212).

«Трудно, – говорил он, – трудно избежать сей болезни начинающему жизнь монашескую: ибо она первая нападает на него. Потому прежде всего и должно предупреждать ее посредством строгого и беспрекословного исполнения всех возлагаемых на послушника обязанностей. Когда занятия твои придут в настоящий порядок, тогда скука не найдет места в сердце твоём. Скучают только те, у кого дела не в порядке. Итак, послушание есть лучшее врачевство против сей опасной болезни.

Когда одолевает тебя скука, то говори себе, по наставлению преподобного Исаака Сирина: ты опять желаешь нечистоты и постыдной жизни. И если помысл скажет тебе: великий грех убивать себя, – ты скажи ему: убиваю себя потому, что не могу жить нечисто. Умру здесь, чтобы не увидеть истинной смерти души моей в отношении к Богу. Лучше мне умереть здесь за чистоту,

нежели жить в мире жизнью злою. Я предпочел смерть сию грехам моим.

(Убью плотские мои страсти, потому что я согрешил Господу, и не буду более прогневлять Его). Что мне жить в удалении от Бога? Озлобления сии стерплю, чтобы не лишиться небесной надежды. Что Богу в моей жизни, если я буду жить худо и прогневлять Его?» (Сл. 22)

Далее он различает скуку от уныния, показывает, что самое уныние бывает двух родов: естественное и от злых духов, и учит, что должен делать человек, впадший, по несчастью, в то или другое состояние. «Иное скука, – говорит о. Серафим, – и иное томление духа, называемое унынием. Бывает иногда человек в таком состоянии духа, что, кажется, легче бы ему было уничтожиться или быть без всякого чувства и сознания, нежели долее оставаться в этом безотчетно мучительном состоянии. Надобно спешить выйти из него. Блудись от духа уныния, ибо от него рождается всякое зло» (Варс. отв. 73, 500).

«Есть уныние естественное, – учит св. Варсонофий, – от бессилия; и есть уныние от беса. Хочешь ли знать это? Испытай так: бесовское приходит прежде того времени, в которое должно дать себе отдохновение. Ибо когда кто предположит себе сделать что-нибудь, оно, прежде нежели исполнена будет треть или четверть дела, нудит его оставить дело и встать. Тогда не надобно слушать его, но надобно сотворить молитву и сидеть за делом с терпением. И враг, видя, что он поэтому творит молитву, удаляется, потому что не хочет давать повода к молитве» (Варс. Отв. 562, 563, 564, 565).

Наконец он описывает самое последнее в ряду сих душевных искушений – состояние малодушия и дает надежнейшее врачевство против него. «Когда Богу угодно, – говорит Исаак Сирин, – повергнуть человека в большие скорби, попускает ему впасть в руки малодушия. Оно рождает в нем крепкую силу уныния, в котором он испытывает душевную тесноту, и это есть пред-

вкушение геенны; вследствие же сего находит дух исступления, от которого происходят тысячи искушений: смущение, ярость, хула, жалоба на свою участь, развращенные помыслы, переселение из места в место и тому подобное. Если спросишь: какая сему причина? То скажу: твое нерадение; потому что ты не позаботился поискать уврачевания их. Ибо врачевание для всего этого одно, при помощи которого человек скоро находит утешение в душе своей. И что же это за врачевство? – смиренномудрие сердца. Ничем, кроме его, человек не может разрушить оплот сих пороков, а напротив того, находит, что сии превосмогают над ним (Исаак Сир. Лист 156 на обор.). Уныние у св. отцов иногда называется праздношью, леностью и разлением».

Мы видели выше, как молодой послушник в жизни своей побеждал сии, или подобные сим, искушения терпением и послушанием. Посмотрим теперь, как приводил он в действие другие против них средства.

Жизнь его в это время до пострижения в монашество ежедневно располагалась таким образом. В определенные часы он был в церкви на богослужении и правилах. Подражая старцу Пахомию, на церковные молитвы он являлся как можно ранее, выстаивал неподвижно все богослужение, как бы продолжительно оно ни было, и никогда не выходил прежде совершенного окончания службы. В часы молитв всегда стоял на одном определенном месте. Для предохранения от развлечення и мечтательности, имея глаза опущенными долу, он с напряженной внимательностью и благоговением слушал пение и чтение, сопровождая их молитвой.

Вне церкви, исполнив обязанности послушания, Прохор, удаляясь суетного общения с другими, любил уединяться в своей келье. Там, кроме молитвы, у него были занятия двух родов: чтение и труд телесный. Он читал книги и обще-христианские и духовно-подвижнические. Предметами его чтения были: священная Биб-

лия, особенно Псалтирь, св. Евангелие и послания Апостольские, творения св. отцов, напр. Шестоднев св. Василия великого, беседы св. Макария великого, Лестница преп. Иоанна, жития святых по Четии-минеи св. Дмитрия Ростовского, Добротолюбие и другие. Псалмы он читал и *сидя*, говоря, что утружденному это позволительно, а св. Евангелие и послание Апостолов всегда *стоя* пред св. иконами, в положении молитвенном, и это называл *бдением* (бодрствованием). Не для препровождения времени, не ради удовлетворения возбужденного любознания совершаемо было это чтение. Новоначальный подвижник искал в нем решения вопросов жизни, прочитанное прилагал к своему быту и вообще к человеку. Отсюда у него, при свете слова Божия, под влиянием подвижничества, в смирении и преданности воле Божией, вырабатывался и впоследствии образовался здравый и светлый взгляд на жизнь христианина вообще и в частности на пути иночества.

В часы отдохновения от дел духовных Прохор предавался телесному труду. В это время занятием его была столярная работа: подобно другим инокам, он вырезывал кресты из кипарисного дерева для благословения богомольцам. В столярном деле, особенно когда проходил это послушание, Прохор отличался большим усердием, искусством и успехами, так что в расписании чередных смен для неусыпаемого пения он один из всех назван Прохором *столяром*. Но, совершая келейное послушание, он ходил и на общие для всей братии труды: сплавлять лес, готовить дрова и т.п. Когда занимался рукоделием в своей келье или трудился на общих послушаниях, беспрестанно содержал в памяти и сердце сию молитву Иисусову: *Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешнаго*. Упражнением в работе восполнялись монастырские подвиги; ибо монаху, сверх духовных занятий, заповедуется правилами физический труд.

Относительно поведения за трапезой, принятия пищи и ночного отдыха, до нас сохранилось следующее собственное свидетельство о. Серафима: «Сидя за трапезой, не смотри и не осуждай, кто сколько ест, но внимай себе, питая душу молитвой. За обедом ешь довольно, за ужином подвоздержись. В среду и пяток, если можешь, вкушай по однажды. Каждый день непременно в ночи спи три часа: десятый, одиннадцатый и двенадцатый час до полуночи. Если изнеможешь, можно вдобавок днем спать. Сие держи несумненно до кончины жизни: ибо оно нужно для успокоения головы твоей. *И я с молодых лет держал такой путь.* Мы и Господа Бога всегда просим об упокоении себя в ночное время. Если так будешь хранить себя, то не будешь уныл, но здоров и весел».

С течением времени от слишком напряженного стояния, от недостатка в ночном отдыхе о. Серафим, как сам неоднократно сказывал, получил сильную головную боль. Болезнь эта разрешилась сама собою, когда он начал несколькими часами более давать себе отдых во время ночи. После сего о. Серафим, на основании собственного опыта, советовал немощным шесть часов в сутки отдавать сну, а более сильным телом и крепким душой – пять часов, повторяя при сем наставление отцов пустынников, что мы не тело, а страсти умерщвлять научаемся.

Подвиги послушания, молитвы, чтения и труда, однако же, совершенно удовлетворяли пустыннолюбивую душу молодого подвижника. Известно, что Саровская пустынь на расстоянии многих верст в окружности обнесена густым лесом или бором. У некоторых старцев отсюда родилась мысль по примеру древних подвижников и первооснователей Саровской обители удаляться из монастыря и там, втайне от людей, пред очами одного Бога, внимательнее предаваться благочестивым упражнениям. С благословения настоятеля Пахомия, таким образом поселились в разных местах, недалеко

друг от друга, каждый со своим учеником, в глубине монастырского леса, известные пустынники: игумен Назарий, иеромонах Дорофей, схимонах Марк. Видя такие примеры, Прохор стремился духом к большему уединению и подвижничеству. Душа его, подобно горлице, рвалась к уединению. Он получил от старца своего, отца Иосифа, благословение в свободные часы оставлять монастырь и уходить в лес. Там он нашел уединенное место, устроил сокровенную кущу и в ней совершенно один предавался богоразмышлению и молитве. «Ежели не всегда можно пребывать в уединении и молчании, живя в монастыре и занимаясь возложенными от настоятеля послушаниями, то хотя некоторое время, остающееся от послушания, должно посвящать на уединение и молчание: и за сие малое не оставит Господь Бог ниспослать на тебя богатую свою милость». Вот какое правило, внушаемое впоследствии другим инокам, теперь исполнял сам Прохор, удаляясь в пустынную кущу. Созерцание дивной природы возвышало его к Богу, а совершенное одиночество теснее соединяло с Ним в чувстве Божественного вездеприсутствия молитвою. По сказанию человека, бывшего впоследствии близким к старцу Серафиму, он совершал здесь *правило, еже даде Ангел Господень великому Пахомию*, учредителю иноческого общежития. Это правило совершается в следующем порядке: *Трисвятое*, и по *Отче наш: Господи помилуй 12. Слава и ныне: приидите поклонимся трижды. Псалом 50: Помилуй мя Боже. Верую во единого Бога...* Сто молитв: *Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешного* и по сем: *Достойно есть и отпуст.* Все сие составляет одно моление. Но таких молитв надлежало совершить, по числу суточных часов, двенадцать днем и двенадцать ночью. Это правило, принятое в обители, составленное по уставу преподобного Пахомия, Прохор исполнял, по наставлению старца Иосифа, с самого поступления в монастырь. Но в куще, среди

природы, так сказать, наедине с Богом, он сосредоточеннее и с большим умилением предавался молитвенному подвигу. С молитвой он соединял воздержание и пост: в среду и пятницу не вкушал никакой пищи, а в другие дни недели принимал ее только один раз. Кому не радостно было видеть такое подвижничество в послушнике, еще юном не только душой, но и возрастом? Видимо стало, что Прохор ставит себя твердо на пути иноческого жития. Все питали уважение и любовь к необыкновенному подвижнику. Не единственным, впрочем, подвижником между новоначальными во всем Сарове был в то время Прохор: были и другие молодые люди, явившие в себе высокие примеры ревности о благочестии. Таков, напр., был двадцатилетний послушник Василий, вступивший в пустынь 1787 г. из мещан гор. Темникова. На первом шагу он оказал знаки полной преданности воле отца настоятеля Пахомия, с отвержением воли собственной: что ни было приобретенного в мире, он, вступая в монастырь, все положил к ногам строителя, усердно отдавая с тем вместе и себя в совершенное послушание ему. Это удивило старца Пахомия, и он всегда имел этого послушника в особенном внимании. В последние годы жизни о. Серафима этот послушник был, под именем Нифонта, строителем Саровской пустыни. Были и другие рабы Божии, но жизнь иноческая, как и вообще житие истинно христианское, по слову Писания, сокрываются со Христом в Боге. Посему они тщательно укрывали свои благочестивые действия, втайне боролись со страстями своими, боясь и бегая славы человеческой. Но Прохор стоял на виду старших братий монастыря, и подвиги его были так постоянны и разительны, что трудно было укрыть их. Посему, представляя его, предпочтительнее пред прочими, в пример не столько рачительным в иноческих делах, старцы Иосиф и Пахомий, сверх любви к нему, как бы к своему чаду, являли и доверие. «Блаженной памяти отцы наши, строитель Пахомий

и казначей Иосиф, мужи святые, любили меня (говорил впоследствии о. Серафим), как свои души, и ничего ими от меня не потаено, и о том, что им было для своей души и для меня полезно, пеклися».

И как пеклися! В 1780 году послушник Прохор тяжело разболелся. Он слег на жесткое ложе; тело его распухло; больной лежал неподвижно. Неизвестно, какая у него была болезнь: врача при нем не было, некому было определить вид болезни. По внешнему признаку думали, что Прохор страдал водяной болезнью. Но никакому сомнению не подлежит, что то был недуг упорный и продолжительный, длившийся в течение трех лет, половину коих страдалец провел в постели. Больной всецело предал свое тело и душу Богу, молился, омывал слезами ложе свое; слово ропота никогда не сходило с уст его. Тут-то открылось, как все, и прежде других начальствующие в монастыре, уважали, любили и жалели Прохора. Во время болезни Прохору служил, как послушник, старец о. Иосиф, его наставник и руководитель в приготовительных иноческих трудах. Строитель Пахомий, старец о. Исаия также много пеклись о нем. Спустя много лет после сего (25 мая 1832), в беседе с одной особой, о. Серафим с чувством глубокой благодарности вспоминал об этой заботливости старца Пахомия. «У меня, – говорил он, – в тот раз был друг здесь в обители, иеромонах Пахомий. Когда я был болен, полтора года лежал в постели, он ходил за мною, почти неотлучно находился при мне». После мы увидим, как о. Серафим *на деле* выразил благодарные чувства к старцу Пахомию. В настоящий же раз не забудем, что Пахомий был настоятелем обители, а Прохор – послушник... и к нему-то ради недугов относились с таким усердием и заботой и строитель, и следующие после него старцы. Это обстоятельство обнаруживало в старших братиях обители высокую степень внимательности и попечения о младших, – как и должно быть во всяком благоустроенном, особенно церковном обществе. В последнем развитии не-

дуга стали опасаться за жизнь больного. Тогда о. строитель с решительностью предлагал ему пригласить врача или, по крайней мере, открыть кровь. Весьма замечателен аскетический ответ больного: «Я предал себя, отче свя-
тый, истинному врачу душ и телес, господу нашему Иису-
су Христу и Пречистой Его Матери; если же любовь ваша
рассудит, снабдите меня, убогого, Господа ради, небес-
ным врачевством (т.е. причастием св. Тайн)». Старец Ио-
сиф, по просьбе его и собственному усердию, особо отслу-
жил *о здравии* больного всенощное бдение и литургию. К
богослужению собрались братья из усердия помолиться о
страждущем; Прохор был исповедан и причастился
св. Христовых Тайн, которые были принесены в его ке-
лю, к одру его. Незадолго до кончины своей о. Серафим,
всегда говоривший истину и ненавидевший ложь, многим
особам рассказывал, что в этот раз, по причащении
св. Тайн, ему явилась в несказанном свете Пресвятая Дева
Мария с апостолами Иоанном Богословом и Петром, и,
обратясь к Богослову лицом, перстом же указывая на
Прохора, сказала: *этот нашего рода*^{*}. Потом Она возло-
жила правую руку свою на голову страдальца: тогда мате-
рия, которая наполняла тело больного, начала выходить
отверстием, образовавшимся в правом боку. В скором

---

* Слова сии при подобном же случае сказаны были и другому
недавно умершему подвижнику нашей Церкви. Это был архи-
мандрит Паисий, старец 80 лет, известный благочестивым
людям своей строго-иноческой жизнью. Во время пребыва-
ния своего на покое в Троицко-Сергиевской лавре он сделал-
ся тяжело болен. Божия Мать, явившись ему с Предтечею
Христовым Иоанном, исцелила его от недуга и также сказа-
ла: *этот нашего рода*. Рассказ сей передан нам тем же самым
лицом, кому поведал его тайно о. Паисий. Выражение *нашего
рода*, очевидно, указывает на то, что о. Серафим и архимандрит
Паисий были особенно усердными молитвенниками Бо-
жией Матери и потому сами стояли под особенным Ее покро-
вом и заступлением. Внимательный читатель может усмотреть
это из настоящей биографии о. Серафима.

времени тело совершенно освободилось от недуга. При-
знаки раны бывшей истоком болезни, всегда оставались
на теле о. Серафима. Современники его удивлялись скоро-
сти выздоровления, последовавшего после общей молит-
вы о нем и по принятии им св. Тайн. Но они ничего не
знали о чудесном посещении, которым только и можно
объяснить быстрый исход столь продолжительного и
упорного недуга. Много душевной пользы принесла Про-
хору эта болезнь: дух его окреп в вере, любви и надежде на
Бога. Между прочим, заботливость о нем монастырских
чинов новым чувством благодарности привязала к ним
его сердце. Прохор очень нередко и всегда с любовью по-
минал о хождении за ним о. Иосифа и прочих старцев и,
как увидим, после смерти их оказывал к ним особенное
благовение.

В период послушничества Прохора, при настоятеле
Пахомии, предприняты были в Саровской пустыни мно-
гие настоятельно нужные постройки. В числе их на месте
кельи, в которой болел Прохор, строилась больница для
лечения недужных и успокоения престарелых, и при боль-
нице церковь о двух этажах с престолами, в нижнем – во
имя св. Зосимы и Савватия, чудотворцев Соловецких, в
верхнем – во славу Преображения Спасителя. На сооруже-
ние церкви молодой послушник послан был из Сарова за
сбором денег в разные места. Послушания ради, в благо-
дарность за свое исцеление и по сочувствию к недугам,
для облегчения которых строилось здание, он с охотой
понес трудный подвиг сборщика. Странствуя по ближай-
шим к Сарову городам, Прохор был и в Курске, на месте
своей родины. Он не застал в живых благочестивую мать
свою и, посещая могилу ее, с усердием и горькими слезами
молился об упокоении души ее. Но у него был здесь род-
ной брат, оставшийся после матери полным хозяином ро-
дительского достояния. Этот брат, со своей стороны, ока-
зал Прохору нескудное пособие для строения церкви. Со-
вершив таким образом послушание сборщика, Прохор

показал новое усердие к устройению церкви при больнице. Долговременное и усердное упражнение в столярной работе приучило его к производству изделий более прочных и сложных, чем делание крестов. Он построил собственными руками для нижней больничной церкви в честь преподобных Зосимы и Савватия из кипарисного дерева престол, который и доныне стоит на своем месте. С того времени, как престол 17-го августа 1786 года был освящен, о. Серафим до конца жизни своей причащался св. Тайн в сем по преимуществу храме — для помятования всегда о явленном ему на сем месте великом благодеянии Божиим, о чем весьма часто и весьма многим сам говаривал.

III.

ОТ ПОСТРИГА ДО УДАЛЕНИЯ В ДАЛЬНЮЮ ПУСТЫНЬ

Время послушнического искуса Прохора. — Его возмужалость. — Описание наружного его вида. — Его душевные дары. — Посвящение всего себя Богу. — Вступление в монашество. — Ревностнейшее прохождение подвигов. — Посвящение в иеродиакона. — Служение в этом сане. — Любовь к нему настоятеля и старцев. — Его всегдашнее воздержание. — Видение в храме во время литургии в великий четверток. — Пустыннические подвиги о. Серафима. — Посвящение в иеромонаха. — Служение в этом сане. — Духовная зрелость о. Серафима для высших монашеских подвигов.

С поступления в Саровскую пустынь Прохор восемь лет провел в звании послушника. На языке иноков это время называется *искусом*, т.е. испытанием: способен ли

желающий иночества вступить на путь совершеннейшей жизни. Предварительный иску́с поставляется необходимым условием для всякого переходящего от мира к исключительному служению Богу как приготовление для сего служения. Прохор теперь возмужал: ему было лет 25 с лишком. Наружный вид его в это время имел заметные особенности. Он был роста высокого, около двух аршин и восьми вершков; несмотря на строгое воздержание и подвиги, лицо у него было полное, покрытое приятной белизной, нос прямой и острый, глаза светло-голубые, выразительные и проницательные, брови густые; волосы на голове светло-русые и также густые. Лицо его окаймлялось густой окладистой бородой, с которой на оконечностях уст, или рта, соединялись длинные, густые же усы. Сложение имел мужественное и обладал большими физическими силами. Из душевных способностей у него была счастливая память, светлое, бойкое, отчетливое воображение и, в связи с ними, увлекательный дар слова. Прохор, посвящая Господу все свои способности и силы, таким образом прошел уже все степени монастырского иску́са и в самой жизни выразил совершенную готовность и способность к принятию монашеских обетов. В тяжких телесных и душевных испытаниях, которые посылал ему сам Господь, душа его очистилась и сердце окрепло в благочестии. Еще на степени послушника он ревновал о строго-монашеском, даже аскетическом житии и, как мы видели, предначинал оное. Настоятель пустыни, твердо убедившись теперь в призвании Прохора, ходатайствовал пред духовной властью об удостоении его сана инокa. С соизволения Св. Синода 13 августа 1786 года совершено было пострижение его строителем иеромонахом Пахоимом. Восприимными отцами его при пострижении были достопочтенные старцы Иосиф и Исаия, занимавшие после настоятеля первые места в монастырской иерархии. При посвящении ему дано новое имя *Серафим* (пламенный). На это имя, по обычаю прошлого века, данное Прохору без его ведома и

изволения, можно смотреть как на выражение понятий о нем монастырского начальства: видели ревность Прохора к богоугодной жизни, предусматривали еще больший пламень по Боге и называли *Серафимом*. В братских ведомостях за 1786 год сказано, что Серафим пострижен в монахи, на вакантное место, в Гороховский Николаевский монастырь, в котором и числился значительное время. Но он никогда не жил в этом монастыре и постоянное местопребывание свое имел в Саровской обители. С принятием иноческого сана значение нового имени, напоминая отцу Серафиму о чистоте и пламенном служении Богу Ангелов, возвышало в нем желание с большею против прежнего ревностью служить Господу. Не принимая на себя новых подвигов, инок Серафим совершал прежнее течение, которое давно уже сроднилось с его душой и жизнью. Только со стороны стало заметно всем, что он держал себя уединеннее, более погружался в свою душу, крепче предавался исполнению своих обетов и соединенных с ними частных обязанностей.

Через год с небольшим после принятия обетов иночества, а именно в декабре 1787 года, монах Серафим, по ходатайству строителя Пахомия, посвящен был преосвященным Виктором, епископом Владимирским и Муромским, в сан иеродиакона. Ставленная грамота его на сей сан доныне цела между бумагами монастырского архива. Теперь, кроме подвигов иночества, о. Серафиму прибавились новые труды по званию иеродиакона. Но и сердце его теперь возгорелось вящею любовью к Богу. Он вполне предался новому своему, поистине уже ангельскому служению. Со дня возведения в сан иеродиакона он, храня чистоту души и тела, в течение пяти лет и девяти месяцев почти непрерывно находился в служении по обязанности иеродиакона. Ночи на воскресные и праздничные дни проводил все в бодрствовании и молитве, неподвижно стоя до самой литургии. По окончании же каждой Божественной

службы, оставаясь еще надолго в храме, он, по обязанности священнодиакона, приводил в порядок священную утварь и заботился о чистоте алтаря Господня. Господь Бог, видя благую ревность и усердие к подвигам, даровал отцу Серафиму силу и крепость, так что он не чувствовал почти трудов, не нуждался после них в слишком продолжительном отдыхе, был крепок здоровьем, часто забывал о пище, питье и, отходя с пути подвигов для отдыха, жалел, зачем человек, подобно ангелам, не может беспрерывно служить Богу. Строитель Пахомий теперь еще больше прежнего привязался сердцем к о. Серафиму. Без него старец не совершал почти ни одной службы: «Когда батюшка Пахомий служил, – сказывал впоследствии сам о. Серафим, – то без меня, убогого Серафима, редко совершал службу».

Если куда выезжал из обители старец Пахомий, один или с другими старцами, по делам монастыря или только для служения, часто приглашал с собой о. Серафима. В один из таких выездов о. Серафиму случайно пришлось участвовать в погребении известнейшей инокини Александры, в миру Агафии Семеновны Мельгуновой, основательницы Дивеевской обители. Незадолго до ее блаженной кончины умер в селе Лемети помещик Соловцов, благодетель Саровской обители. На погребение его отправились старцы Пахомий и Исаия, взявши с собой о. Серафима как иеродиакона. Проезжая через Дивеево, они посетили Агафию Семеновну и, нашедши ее в болезни весьма слабой, совершили над ней св. таинство елеопомазания. Больная, предчувствуя кончину, со слезами просила старцев не оставить дивеевских сирот ее.

Строитель Пахомий, утешая ее, говорил: «Ты, матушка, ни о чем не беспокойся: благодатью Божией ты напутствована всем по долгу христианскому. При жизни своей я не оставлю сирот твоих; после же меня, вот, о. Серафим не оставит их».

Больная отвечала на это: «Отец мой! Я о себе не беспокоюсь: при помощи Божией, я отхожу в вечность с надеждой. Но эти сироты останутся после меня в величайшей скорби, по преданности их ко мне, убогой. Поэтому-то я и молю тебя, отец мой, не оставь их во всем, понеси их тяготу и немощи по заповеди Божьей. Тебе известно, какая у них будет скорбь и потеря разлучиться со мной вечно».

Потом она вынула остаток своего достояния, состоящий из двух мешочков, один с золотыми, другой с серебряными монетами, и, вручая их о. Пахомию, сказала: «Прими этот сиротский участок для употребления в их пользу: сами они не могут еще употребить его благоразумно и как бы следовало на пользу общую, а вы по опыту знаете, куда и на что употребить». Возвращаясь из Лемети, старцы нашли монахиню Александру умершей и едва-едва успели к ее погребению. По обычаю после погребения была трапеза. О. Серафим не остался тогда в Дивееве даже покушать для подкрепления сил своих, но пешком воротился один в Саровскую обитель, которая отстоит от Дивеева на расстоянии 12 верст. Так он постоянно отличался воздержанием не только в обители, но и за ее стенами.

До такого состояния духовной трезвенности, постнического воздержания, неусыпной молитвы и постоянных трудов не иначе можно было прийти, как путем долговременного самоотвержения и непрестанным принуждением себя к иноческому доброделанию. Отец Серафим, можно сказать, с детства трудился над собой, воспитывал себя в этом духе, и вся прошлая жизнь его была, так сказать, лестницей к настоящей степени подвижничества. Но будущее готовило ему подвиги и труды гораздо выше. Обращаясь к прошлому, о. Серафим видел над своей главой особый покров Пресвятой Богородицы и попечение Божественного провидения. Теперь искушения едва ли бы могли отвлечь сердце его, привязанное к Богу, с пути строго-

го благочестия. Между тем промысл Божий нашел нужным, ввиду новых, труднейших подвигов, подкрепить ревность его духовными видениями. Чистота сердца, воздержание, постоянное возвышение души к Богу соделали его способным к созерцанию их. В записках, напечатанных в «Маяке» 1844 года (книга XXXII), говорится, что о. Серафим, в сане иеродиакона, по временам видал при церковных служениях св. ангелов, сослужащих и поющих с братией... Они принимали образы молниеобразных юношей, облеченных в белые златотканые одежды; но пение их нельзя уподобить никакой гармонии на земле. Дивное впечатление производили на душу его сии видения! *Бысть сердце мое*, говорил он, *яко воск тая* от неизреченной радости. И не помнил я ничего от такой радости; помнил только, как входил в св. церковь да выходил из нее». Особенно поразительно было одно видение, которое мы расскажем здесь приблизительно к словам самого старца Серафима, как этот рассказ изложен в упомянутых записках Саровского инокa того времени:

«Еще поведаю тебе, радость моя, преславное видение, мне, убогому, бывшее. Только дай слово, что ты слышанное от меня никому не откроешь».

Собеседник же, вероятно, сам автор записок, поклонившись старцу, дал обещание скрывать тайну. Но о. Серафим, предугадывая, что она может быть открыта после его (т.е. Серафимовой) смерти, подтвердил: «Ты с тем и умри, никому не говори». Собеседник поклонился святому старцу, в знак согласия с ним, в ноги, — и слезы невольно потекли от умиления из очей его*... Старец же продолжал:

«Случилось мне служить с отцом Пахомием и казначеем Иосифом во св. великий четверток. Божественная литургия началась в два часа дня пополудни, и обыкно-

---

* Рассказ этот, как заметно, против воли самого собеседника сделался известным после его смерти.

венно – вечернею. После малого выхода и паремий, возгласил я, убогий, у св. престола: *Господи, спаси благочестивыя и услыши ны*, и, вышедши в царские врата, навел на предстоящих орарем и возгласил: *и во веки веков*. Тут озарил меня свет, как луч солнечный. Обратив глаза на сияние, я увидел Господа Бога нашего Иисуса Христа – во образе Сына человеческого во славе, сияющего, светлее солнца, неизреченным светом и окруженного, как бы роем пчел, небесными силами: Ангелами, Архангелами, Херувимами и Серафимами. От западных церковных врат Он шел по воздуху, остановился против амвона и, воздвигши Свои руки, благословил служащих и молящихся. Затем Он вступил в местный образ, что близ царских врат. Сердце мое возрадовалось тогда чисто, просвещенно, в сладости любви к Господу».

От сего таинственного видения о. Серафим мгновенно изменился видом – и не мог ни с места сойти, ни слова проговорить. Многие это заметили, и, конечно, никто не понимал настоящей причины явления. Тотчас два иеродиакона подошли, взяли о. Серафима под руки и ввели во св. алтарь. Около двух часов стоял после того о. Серафим на одном месте неподвижно. Только лицо его поминутно изменялось: то покрывала его белизна, подобная снегу, то переливался на нем румянец. И долго еще он не мог ничего проговорить, созерцая в душе дивное посещение Божие и услаждаясь благодатными его утешениями.

Весьма замечательно, что видение сие пало на такое время литургии, в которое входом священнослужителей в алтарь изображается шествие их как бы в самое небо; тогда в тайной молитве священник просит Господа: *сотвори со входом нашим входу св. ангелов быти сослужащих нам и сослავословящих Твою Благодать*, когда поется и Ангельская песнь: *Святой Боже, Святой крепкий, Святой бессмертный, помилуй нас*. Это видение показало, что не все мы веруем, что силы небесные с нами невидимо служат при божественной литургии... И всякий,

молящийся в храме Божиим, должен думать, что он молится как бы на небе вместе с ангелами. Нет сомнения, что ревность отца Серафима такими небесными утешениями сильнее укреплялась в трудных подвигах иноческого доброделания. Они воскрыляли в нем больше и больше желание к житию созерцательному. Видение могло иметь и печальные последствия для нравственности отца Серафима. Подумай только он о себе, будто теперь уже свят, достиг высокого совершенства жизни и не имеет нужды в дальнейшем преуспении, -- тогда все его труды пред Богом превратились бы в тщету и ничтожество, рассыпались как прах, возметаемый ветром... Но о. Серафим имел хороших руководителей, к которым питал совершенное доверие и которые были его воспитателями в иноческой жизни. Служившие литургию старцы! Пахомий и Иосиф спрашивали: «Что такое случилось с ним?» Им казалось, не почувствовал ли он неожиданно слабости сил, которая так естественно могла случиться во св. великий четверг после продолжительного поста, при том уважении, какое питал к нему издавна о. Серафим. О. Серафим привык относиться к этим двум старцам с детской доверчивостью: он поведал им свое видение, как было. Опытные в духовной жизни старцы сложили рассказ сей в сердце своем. А отцу Серафиму внушили, чтобы он не возгордился, не дал в своей душе места пагубной мысли о каком-нибудь своем достоинстве перед Богом, и утвердили его в духовном настроении самоуничтожения и смиренномудрия.

Ограждаемый смирением, о. Серафим восходил от силы в силу в духовной жизни. Его смиренномудрие, иноческие труды, прежде сокровенные, теперь стали как будто заметнее, тверже. Мы уже видели, что еще послушником отец Серафим удалялся в Саровский лес и в сокровенной куще погружался в богомыслие. Теперь для него устроена была там же уединенная келья. Как иеродиакон, обязанный служением в храме и послушаниями по монастырю, о. Серафим не мог еще, да

и не созрел, может быть, настолько, чтобы совершенно сделаться пустынником. И так он дни, с утра до вечера, проводил в монастыре, совершая службы, исполняя монастырские правила и послушания. Вечером же, когда мог принадлежать самому себе, удалялся в пустынную келью и там ночное время проводил в молитве; а рано утром опять являлся в монастырь для исполнения своих обязанностей. Иные маломощные духом братья могли, пожалуй, завидовать, но никто не имел основания оскорбляться его подвигами; ибо отец Серафим не заставлял других трудиться за себя, свято исполняя все свои, и личные, и братские, обязанности относительно обители.

В 1793 году, июля 19 дня, отцу Серафиму исполнилось тридцать четыре года от рождения. Саровская обитель, по новому расписанию, от Владимирского ведомства перешла в ведение Тамбовской епархии. Начальство обители, видя, что отец Серафим по своим подвигам стал выше других братий и заслуживал преимущество пред многими при возведении на высшие степени в обители, ходатайствовало о посвящении его в сан иеромонаха. По этому случаю, после четырехлетнего служения иеродиаконом, о. Серафим вызван был в Тамбов, и 2 сентября 1793 года епископ Феофил рукоположил его в иеромонаха. По наблюдению современников, все описатели жизни о. Серафима утверждают одно и то же, что с получением высшей благодати священства он стал подвизаться в духовной жизни с вящей ревностью и удвоенной любовью. В сане иеромонаха он продолжал в течение долгого времени непрерывное священнослужение, приобщаясь ежедневно, с горячей любовью, с верой и благоговением св. Христовых Тайн.

Теперь мы пришли к последним дням пребывания о. Серафима в обители. Скоро будем мы и свидетелями смерти достопочтенного старца Пахомия. Припомним о некоторых обстоятельствах обители, бывших в его настоятельство, оставшихся до смерти в памяти о. Серафима и имевших на него нравственное влияние. В то время, к

которому относится жизнь о. Серафима до удаления в пустынь, не однажды в окрестных местах Сарова был голод. Но обитель не терпела недостатка в хлебе и с изобилием наделяла нуждавшихся. Особенно один раз голод был очень продолжительный; но обитель и в то время в течение многих месяцев питала ежедневно человек по тысяче. В одно время случилось так, что и для иноков обители не осталось ни муки, ни жита. Вся братия собралась в церковь. Строитель Пахомий, по случаю угрожавшего голода, соборно служил молебен Божьей Матери и всенощное бдение. Братия молились как бы перед смертью, не теряя, однако же, упования на Господа и Его Пречистую Матерь. Утром на другой день о. Серафим, по особому доверию строителя Пахомия, пошел в житницу и нашел, что все закромы наполнены разным хлебом и житом. С той поры во все продолжение голода по окрестностям в обители не было оскудения: сколько ни раздавали нуждавшимся, – житницы снова наполнялись. Эти события имели большое влияние на возвышение милосердия, одного из существенных свойств о. Серафима. В то же время они вновь способствовали к утверждению сердца его в непоколебимом уповании на промысл Божий и покровительство Пресвятой Богородицы.

Сколько лет провел о. Серафим в монастыре! Так много он трудился над очищением своего сердца! Сколько подвигов понес для спасения души! Мы уже видели, что эти труды не были для него бесплодны. Восходя в порядке по лестнице духовной жизни к христианскому совершенству, он достиг теперь значительной меры возраста мужа духовного. Дух его созрел для вселения в пустыни и для высших монашеских подвигов.

УЕДИНЕНИЕ И ПОДВИГИ В ДАЛЬНОЙ ПУСТЫНИ

Добровольное удаление о. Серафима в пустынь. – Причины и внешний повод к удалению. – Благословение настоятеля. – Описание пустыни. – Время провождения в ней и занятия.

Отец Серафим добровольно удалился в пустынь, но не без рассуждения и не без благословения настоятеля. Мы замечали в нем склонность к уединению, когда он носил еще имя Прохор. Наклонность эта была сильна, с нею трудно было бы жить в мире, и вот она нашла себе исход и удовлетворение с поступлением Прохора в Саровскую пустынь. Здесь он увидел, что многие иноки, не довольствуясь общежитием, живут в лесу в уединенных кельях. С начала жизни своей в обители он предался совершенно монастырским правилам, и стремление его к уединению еще более усилилось: ему дано было благословение, из подражания старцам, уходить в лес для иноческого сокровенного доброделания. Будучи иеродиакonom, он имел уже келью в пустыни и в ней проводил целую половину обыденной жизни своей. Склонность его к уединению искала умерщвления греховных помыслов в пустынном житии. И вот о. Серафим, сделавшись иеромонахом, возымел намерение совсем поселиться в пустыни. Пустынническая жизнь была *призванием* его, назначением свыше. Из прежней жизни о. Серафима мы заметили еще, что в нем сильно было стремление к удалению от мира для непосредственного единения со Христом. Пребывание в общежительной пустыни научило его самопознанию: здесь, как в горниле, молодой инок познал свои немощи и, окрепнув духом к совлечению их, сделался способным вести,

с помощью Божией, уединенную жизнь. Скитский житель, авва Иоанн, наставляет пустынноика: «Иметь ум совлеченный всего земного, и, сколько позволяет человеческая немощь, соединяться им со Христом» (Иоан. Касс. Бесед. 19, гл. VIII). Такая жизнь вполне по духу отца Серафима в теперешнем его состоянии.

От причин пустынноической жизни, из которых одна лежала в душе о. Серафима, другая составляла цель пустынноика, мы отделяем внешний повод, который высказал он, прося благословения удалиться в лес. Инок-христианин, понимающий тайну сокровенной жизни, всегда прикрывает свои цели и намерения какой-нибудь внешнестью, которая, впрочем, со своей стороны бывает истинною и побуждением к цели. Так было и в настоящем случае. От непрестанного келейного бдения, от постоянного пребывания на служениях в церкви, словом, от стояния в течение многих лет на ногах, с небольшим отдыхом во время ночи, о. Серафим впал в недуг: ноги у него опухли, открылись в них раны; он лишился на некоторое время способности священнодействовать. Болезнь эта, со своей стороны, была немалым побуждением к избранию пустынноической жизни. В братских ведомостях еще за 1796 год стояла отметка, что он по болезни не несет никакого послушания в монастыре. Но по причине болезни о. Серафиму надлежало бы просить себе отдыха от трудов иноческих, поселиться в больничных кельях, которые теперь уже были отстроены; а он просил у настоятеля о. Пахомия благословения удалиться в пустынь, т.е. хотел от меньших трудов перейти к большим и тягчайшим. Семидесятилетний старец Пахомий благословил его. Это было последнее благословение, полученное о. Серафимом от мудрого, добродетельного и почтенного старца. Строитель Пахомий в это время был уже нездоров и, не видя средств возвратить здравие, готовился к смерти. О. Серафим, сохраняя в благодарной памяти, как наблюдал его в болезни старец Пахомий, теперь сам служил ему с самоот-

вержением. Раз о. Серафим заметил, что к болезненным страданиям о. Пахомия присоединилась еще какая-то душевная забота и печаль.

«О чем, отче святой, так печалишься ты?» – спросил его о. Серафим.

Старец Пахомий отвечал: «Я скорблю о сестрах Дивеевской общины: кто их будет назирать после меня?»

О. Серафим, желая успокоить старца в предсмертные минуты, обещался сам назирать их и поддерживать все так же после смерти его, как было при нем. Обещание о. Серафима успокоило и обрадовало отходящего к Господу о. Пахомия; он поцеловал его радостно последним целованием и вскоре после сего опочил мирным сном праведника. На его место в том же 1794 году строителем определен достойный преемник, старец иеромонах Исаия, бывший восприемник о. Серафима при пострижении в монашество. О. Серафим горько оплакал потерю старца Пахомия, который любил его, как возлюбленное чадо свое о Господе, под руководством которого он прошел все степени монастырского жития и достиг до зрелости пустынножителя. Молитва его о своем отце, друге и благодетеле восходила к Богу, окрыляемая слезами и горячей верой. Утешением его в смертной разлуке с о. Пахомием было назначение старца Исаии, которого также глубоко любил и уважал о. Серафим.

Таким образом, после смерти старца Пахомия с благословения нового настоятеля Исаии, духовного отца своего, о. Серафим 1794 года 20-го ноября, в день прихода в Саровскую пустынь, удалился в пустынную келью. Для беспрепятственного проживания в ней ему выдавался, за подписанием строителя Исаии, билет, один экземпляр которого еще доселе сохраняется в Саровской обители. Вот текст билета: «Объявитель сего, Саровской пустыни иеромонах Серафим, уволен для пребывания в пустыне в своей (т.е. монастырской) даче; по неспособности его в обществе, за болезнью и по

усердию, и после многолетнего искушения (т.е. искуса) в той обители и в пустыне уволен, единственно для спокойствия духа Бога ради, и с данным ему правилом, согласно святых отец положением, и впредь ему никому не препятствовать пребыванием иметь в оном месте и оное утверждаю – строитель иеромонах Исаия. 1797, ноября 20 дня. Для верности печать прилагаю при сем».

Келья, в которой спасался старец, находилась в частом сосновом дремучем лесу, на берегу реки Саровки, на высоком холме, верст за 5 или за 6 от монастыря, на восход зимнего солнца. Она была построена из дерева и состояла из одной комнаты с печкой; в комнату нужно было проходить через сенцы, к которым приделано было крылечко. Вокруг кельи устроен был небольшой огород с грядками. Все это пространство обнесено было забором. Сверх того, у него по времени был заведен и пчельник, доставлявший мед самый вкусный. Холм, на котором стояла уединенная келья, находился в соседстве с другими возвышениями. По близости о. Серафима, на расстоянии двух верст ближе к монастырю, жили в уединенных хижинах другие отшельники Саровские: игумен Назарий, иеромонах Дорофей, схимонах Марк. Вся эта обстановка немного напоминала собой св. Афонскую гору, состоящую из разных возвышений, усеянную лесом, монастырями и кельями пустынножителей. Старец Серафим поэтому и назвал свой пустынный холм *Афонскою горою*. К тому же сей холм по подобию Св. горы на одной стороне круто опускался вниз долу. Другие самые уединенные места в лесу в духовном смысле у него назывались именами разных св. мест. Там были: святой град *Иерусалим*, *Назарет*, где Св. Дева Мария получила благословение от Архангела; *Вифлеем*, где Христос родился; река *Иордан*, где принял Он крещение от Иоанна; *Фавор*, на котором было чудное преображение; поток *Кедрский*, через который проходил Спаситель; *Голгофа*, на которой Он был распят; *Вертоград*, в котором погребен и воскрес; гора *Елеонская*, с которой Он вознесся

на небо и *сиде одесную Бога Отца*. Такие названия приданы были разным местностям Саровского леса для живейшего представления событий земной жизни Спасителя, Которому решился подражать старец Серафим и о Котором он хотел проповедывать всем, приходящим к нему ради посещения и назидания.

Многие действительно стали посещать о. Серафима в пустынной келье. Приходили и женщины... Начиная строгую пустынножизнь посещение женского пола считал для себя неудобным в том смысле, что иным из братьев, а еще более из мирян, оно могло служить камнем преткновения и соблазна. Но и отказать женщинам в назидании, ради которого они приходили к пустынножителю, могло быть делом негодным Богу. И так о. Серафим на том видимом и совершенно случайном основании, что женскому полу возбранен вход на св. Афонскую гору, решился распространить это запрещение на свой холм, названный *Афонским*. Он просил Господа Бога и Пресвятую Богородицу, чтобы его желание состоялось, и чтобы Господь, если оно не противно Его воле, дал Свое знамение на то преклонением древесных ветвей по Его изволению. Сколько он просил о том Господа, как глубока была его молитва, сколь сильно и искренно было само желание – то известно одному Богу да Пречистой Деве Марии и еще самому старцу Серафиму. В преданиях же, записанных в свое время, есть сказание, что Господь Бог действительно дал ему знамение Своего изволения. Рассказ сей мы приведем в том виде, как он дошел до нас в письмени.

«Наступил праздник Рождества Христова, 25 декабря. Старец Серафим, пришедши к празднику в монастырь, стал у поздней литургии в храм Живоносного источника и причастился св. Христовых Тайн. А после обеда, приняв пищу в монастырской келье, благополучно отправился ночевать в пустыню. На 26 число, на праздничный день Собора Пресвятой Богородицы, ночью он пошел в обитель к литургии и, дошед до того

места, где грунт земли круто спускается вниз долу, отчего гора и названа Афонской, увидел, что с обеих сторон тропинки огромные сучья с вековых сосновых деревьев завалили дорожку и ходу нет, а с вечера ничего такого не было. Но Богу все возможно! Первая мысль родилась у него о благодарности: старец Серафим упал на колени и благодарил Бога за данное, по молитве его, знамение, уразумев отсюда, что Господу Богу угодно, чтоб женам на его гору не было входа. Кое-как перелез он сучья, завалившие тропу, пришел в обитель, поспел к самой литургии и пошел в церковь Живоносного источника».

Так рассказывает о сем летописец времен Серафима. В тот день в храме Живоносного источника литургию служил собором строитель, старец о. Исаия. Пустынножитель Серафим стоял в алтаре. По перенесении св. Даров на престол, когда была пропета вторая половина Херувимской песни, о. Серафим, приблизившись благоговейно к престолу, сказал отцу строителю Исаии:

– Батюшка отец строитель! Благослови, чтобы на мою гору, на которой живу теперь, женам не было входа.

Строитель, намереваясь читать молитву предложения, по перенесении св. Даров на престол, отвечал на это с некоторым оттенком негодования:

– В какое время и с каким вопросом подошел ты, отец Серафим!

– *Теперь-то* и благослови, батюшка, – просил о. Серафим.

– Да как я могу, – сказал строитель, – за пять верст смотреть, чтоб женам не было входа?

– Вы только благословите, батюшка, – сказал о. Серафим, – и уже никто из них не войдет на мою гору.

Тогда подали образ Пресвятой Богородицы *Блаженное чрево*. Старец Исаия, благословляя о. Серафима св. иконою, сказал:

– Благословляю, чтоб не было женам входу на твою гору, а ты сам охраняй.

Приложившись к св. иконе, о. Серафим отошел спокойно на свое место и в обычное для священнослужителей время причастился св. Тайн. После обеда, возблагодарив старца Исаию за данное благословение, на ночь опять возвратился в свою пустынную келью.

Рассказ о сем до настоящей поры сохраняется с небольшими изменениями в самой Саровской обители. Знавшие лично о. Серафима говорят, что разговор со старцем Исаией происходил не во второй день Рождества Христова, а на пятой неделе Великого поста в субботу, в день Похвалы Пресвятой Богородицы; что уже через неделю после благословения о. Серафим, сходя со своей горы через овраг, нашел, будто бы кто нарочно сбил с деревьев сучья и завалил ими тропинку; что это обстоятельство он принял за изволение Божие на свою молитву. Разности в этих двух сказаниях так маловажны, что не уничтожают существо самого события. Устранивши разноречия, мы должны оставить за несомненное, что о. Серафим молил Бога и Пресвятую Богородицу о запрещении женщинам всходить на его гору; что было дано какое-нибудь знамение на его молитву; что настоятель, со своей стороны, благословил образом Пресвятой Богородицы его желание. Тогда о. Серафим сам завалил колодами тропинку к себе, и не только женщинам, но и вообще сторонним людям вход к нему совершенно закрыт был.

В этот период подвижничества о. Серафим носил постоянно одну одежду, самую простую и, так сказать, убогую: на голове была поношенная камилавка, на плечах балахон из белого полотна, руки в кожаных рукавицах, ноги обуты были в кожаные бахилы – вроде чулок, поверх которых надевались еще лапти. На балахоне висел крест, тот самый, которым благословила его благочестивая мать, отпуская из дома, а за плечами лежала сумка, в которой подвижник неразлучно всегда носил при себе св. Евангелие. Не было ли это в мыслях

о. Серафима видимым знамением и научением его в том, что он, как добрый подвижник Христов, всегда должен носить крест свой, отрекшись от мира, и что изображенное в Евангелии иго Христово благо и бремя Его легко есть? Изображая подвижническую жизнь о. Серафима, мы не сомневаемся, что ношение креста и Евангелия не имело другого смысла и уж ни в каком случае не было явлением бессмысленным.

Какие подвиги нес о. Серафим в своей пустынной келье; сколь разнообразны и тяжки они были; в какой мере они высоки были и спасительны – вполне то известно Господу Богу; то осталось глубокой тайной сокровенного сердца подвижника. Мы изобразим здесь лишь те деяния и труды, которые усмотрены были современниками, так сказать, сквозь ограду его пустыни. Но и в этих подвигах усматривается связь и последовательность: о. Серафим от меньших духовных дел и легчайших переходил к большим и труднейшим, пока, наконец, не принял нового направления жизни, состоявшего в совершенном затворничестве.

Видимые подвиги о. Серафима в это время состояли из трудов телесных, чтения книг и молитвословий.

Телесные труды, по различию времени теплого и холодного, были различны. В холодную пору нужно было отапливать келью; старец своими руками приготавливал дрова, носил в хижину и согревал ее. Кроме труда телесного, в этом случае он добровольно переносил холод и мороз; ибо одежда у него и на зимнее время оставалась та самая, в которой мы уже видели его. Летом же он возделывал гряды на своем пустынном огороде. Чтобы удобрить землю, он ходил в жаркие дни на болотистые места, там собирал мох и носил на гряды. Так как в низменные места он входил без одежды, препоясав только чресла свои, то насекомые жестоко уязвляли тело его, отчего оно опухало, по местам синело и запекалось кровью. Старец добровольно терпел эти язвы,

Господа ради, имея на то примеры в деяниях св. подвижников древнего времени Православной церкви. Каждое лето, удобряя землю мхом, о. Серафим возделывал без стороннего пособия гряды, сажал на них семена, поливал землю, очищал от худой, в пищу негодной травы и произрастал некоторые овощи, употребляя их для подкрепления сил своих. В жизни строгого подвижника эти занятия, упражняя тело, имели притом нравственное значение: они послужили старцу к уврачеванию боли в ногах, которая выставлена была поводом к удалению в пустыню. С телесным упражнением сил старец входил в состояние благодушия, которое изливалось в пении священных песней. Бывши всегда внимательным, владея счастливой памятью, он знал наизусть множество церковных песней, которыми и освежал свой дух среди однообразия телесных занятий. В разные церковные праздники и воскресные дни, вспоминая священные события, он пел разные священные песни. Но близкие к о. Серафиму замечали, что некоторые песнопения, имеющие наибольшее приложение к местности и уединенному его доброделанию, слышались чаще других и были любимым его пением. Таковы напр.: а) *Всемирную славу*, песнь, которую о. Серафим пел в честь Пресвятой Богородицы, считая Ее покровительницей своей пустыни; б) *Пустынным непрестанное Божественное желание бывает, мира сущим суетного кроме* – чудесный антифон, в прекрасной картине представляющий пустынную жизнь и воскрешающий душу пустычника к небесным вещам; в) *Иже от несущих вся приведый, Словом созидаемая, совершаемая Духом* – песнь, возносящая душу к великому делу любви Божией, творению мира и человека; г) *Водрузивый на ничесом же землю повелением твоим* и т.п. Так самые простые занятия возвышали дух подвижника к нравственному настроению и церковно-библейскому мирозерцанию. В каждом предмете, в каждом делании он видел сокро-

венное отношение их к духовной жизни и поучался. Отсюда замечались явления такого рода. Отец Серафим, занимаясь какой-либо работой в огороде или на пасеке (т.е. в пчельнике), или в лесу, незаметно для себя на некоторый срок прерывал ее; орудия работы падали из его рук, руки опускались, глаза придавали лицу чудный характер самоуглубления; старец своей душой погружался в самого себя, умом уходил в небо и витал в Богосозерцании. Никто не смел в эти вдохновенные минуты нарушить его сладкой тишины; с благоговением каждый взирал на старца и тихо скрывался из очей его.

Какой же, стало быть, религиозно-целостный взгляд на природу выработал в душе своей старец Серафим в своей иноческой жизни? И не был ли он, по всей точности, в наше время представителем самого существа древле-православного иночества, которое значительную часть своего духовного дела поставляло в духовных умосозерцаниях, так много способствующих к очищению ума и сердца?

Чтобы постоянно держать себя в степени пустынноческого созерцания, чтобы простираться все выше и выше в духовном совершенствовании, о. Серафим, сверх телесных трудов, предавался возвышеннейшим занятиям ума и сердца и читал много книг. Самой первой книгой для него было теперь Священное Писание, и в нем св. Евангелие, которое он и носил всегда при себе. Постоянная подвижническая жизнь, чтение многих отеческих писаний, изучение содержания богослужебных книг, молитвенное собеседование с Богом озарили ум его таким светом, что он ясно понимал смысл слова Божия. Постоянным правилом его в пустыни было ежедневно прочитывать с изъяснением для себя по несколько зачал из Евангелия и Апостола. Любил он также, для живейшего представления событий, читать св. Евангелие на тех местах, которые, как мы видели, носили в пустыни его названия св. мест. Так, в Вифле-

емском своем вертограде, созерцая умом Богомладенца, повитого в яслях нас ради, он пел, подражая силам небесным: *Слава в вышних Богу, и на земле мир, в человеках благоволение*. Остановившись на берегу Саровки, как бы при водах Иордана в Вифаваре, о. Серафим читал об Иоанне Крестителе, внимал проповеди его о покаянии и приближении царства Христова и вспоминал крещение Спасителя в Иордане. Нагорную беседу Христа Господа о девяти сладчайших обетованиях блаженства он слушал на одной горе, лежащей у Саровской реки, а там, на другой возвышенности, названной горою Преображения, он созерцал в мысленном соприсутствии со св. апостолами славу преобразившегося Господа. Забравшись в густоту дремучего Саровского леса, он вспоминал по Евангелию моление Господа о чаше, и, тронутый до глубины души внутренними Его страданиями, проливал слезные молитвы о своем спасении. В одном месте, при значительном разливе Саровки, как бы на берегу Тивериадского озера, он читал Евангелие о явлении Господа по воскресении ученикам, беседе с ними и о чудной ловитве рыб (Иоан. 21, 1-14). На так названной горе Елеонской он созерцал славу Вознесения Христова на небо и Его седение одесную Отца. Так и естественное откровение Божие, или природа, вместе с богооткровенным глаголом Св. Троицы служило благочестивому подвижнику в своей мере путем к духовному восхождению и совершенству. Тот не подивится нисколько настоящему сказанию, кто знает, что природа со всеми ее явлениями получила бытие свое от Бога и что в числе ее назначений лежит мысль Божия – способствовать восхождению людей к Господу.

Кроме св. Писания, о. Серафим искал себе мудрости в творениях св. Отцов Православной церкви, и на этот раз душа его ограничивалась писаниями собственно подвижнического содержания, таковыми, как творения Иоанна Лествичника, преподобного Варсонофия, Ефрема и Исаака Сириных, Маргарит и другие. Чтение

слова Божия и писаний духовных о. Серафим считал делом весьма важным в духовном совершенствовании христианина, в его восхождении к небу и соединении с Богом. Это он называл *снабдением души*, и свои мысли о сем изложил в особом трактате под названием: *чем должно снабждать душу* *.

Таким образом, в пустынном уединении о. Серафим прочитал все св. Писание с разумением. Теперь он искал в нем не одной истины, но и теплоты духа: слезы умиления нередко орошали его ланиты. Мир душевный и дар глубокого ведения слова Божия были наградой от Бога за сей труд. «Очень полезно, – говорил он, – заниматься чтением слова Божия в уединении и прочитывать всю Библию разумно. За одно такое упражнение, кроме других добрых дел, Господь не оставит человека Своей милостью, но исполнит его дара разумения».

Третьим занятием о. Серафима в пустыне были молитвословия. С ним находилась Псалтирь с воследованиями. Подвижник совершал по ней ежедневно монашеское правило по чину первых, строгих пустынножителей. Так, около полуночи, вставши от сна, он совершал правило Пахомия великого, читал утренние молитвы, пел полунощницу, утреннюю и читал первый час. При наступлении девятого часа он читал часы третий, шестый, девятый и проходил чин изобразительных. По вечеру он читал вечерню и малое повечерие. При наступлении ночи творил монастырское правило с молитвами на сон грядущим. Часто также, вместо вечернего правила, полагал по тысяче поклонов за один раз. Сон его во время ночи был непродолжительный. Сверх того, он занимался псалмопением сперва по уставу св. Пахомия великого, а потом, применительно к сему уставу, составил свое чинопоследо-

---

* Статьи учения о. Серафима, о которых упоминается в тексте и не приведено их содержание, помещены ниже, в особом приложении.

вание, которое известно под именем *келейного правила*, которое также показано в прибавлении. Эти молитвословия старец Серафим уходил совершать также на места, которые в духовном смысле носили названия св. мест. Так, часы третий, шестый и девятый с чином изобразительных, в которых сосредоточено воспоминание страданий и смерти Христовой, он любил совершать уединенно на своей Голгофе. Здесь он очами веры видел, как Господь наш Иисус Христос пригвожден был ко кресту, как Он, пострадав, умер на кресте и был погребен. Старец по собственному духовному опыту знал все препятствия, какие испытывает человек на пути молитвенного восхождения, и впоследствии, в беседах с другими, указывал верные средства к устранению их; ведал все образы и степени молитвы и сам восходил не только до подвига так называемой *умной* молитвы, но и до самой высокой на земле высоты молитвенного созерцания, в которой человек, подобно Стефану архидиакону, Григорию Паламе и другим, сподобляется небесных видений и откровения. «Когда ум и сердце, – говорил он, – соединены будут в молитве и помыслы не рассеяны, тогда сердце согревается теплотой духовной, в которой воссияет свет Христов, исполняя мира и радости всего внутреннего человека».

Проводя жизнь в уединении, трудах, чтении и молитве, о. Серафим соединял с этим пост и строжайшее воздержание. По началу своего поселения в пустыне он питался хлебом, более всего черствым и сухим; хлеб, обыкновенно, он брал с собой по воскресеньям на целую неделю. Есть сказание, что из этой недельной порции хлеба часть уделял он пустынным животным и птицам, которые были приласканы старцем, очень любили его и посещали место его молитвословий. Также он употреблял овощи, добываемые трудами рук его в пустынном огороде. С тем и устроен был огород сей, чтобы ему не обременять *ничем же* обители и, по примеру великого подвижника ап. Павла, питаться, *делаяще своими руками* (4, 12). Впоследствии

времени он приучил свое тело к такому воздержанию, что не стал вкушать и хлеба *насущенного*, а, по благословению настоятеля Исаии, питался одними овощами своего огорода. Это были картофель, свекла, лук и трава, называемая снить. В течение же первой недели Великого поста он вовсе не принимал пищи до причащения св. Тайн в субботу. Еще через несколько времени воздержание и постничество о. Серафима дошли до невероятной степени. Совсем перестав брать хлеб из обители, он жил без всякого содержания от нее в течение более двух лет с половиной. Братия, удивляясь, недоумевали, чем мог питаться старец во все это время, не только летом, но и зимой. Он же тщательно укрывал свои подвиги от воззрения людей. Но перед смертью, в разговоре от 20 мая 1832 года с одной доверенной особой, которая тогда же и записала свою беседу, о. Серафим открыл это, начав так:

«Ты знаешь снитку? Я рвал ее да в горшочек клал; немного вольешь, бывало, в него водицы и поставишь в печку – славное выходило кушанье!»

Я спросила его о снитке, что это значит? За притчу ли это принять, или что действительное? Он отвечал: «Экая ты какая! Разве не знаешь *травы* снить? Я это тебе говорю о самом себе. Я сам это себе готовил кушанье из снитки».

Я спросила его, как зиму он ее кушал и где брал?

Он отвечал: «Экая ты какая! На зиму я снитку сушил и этим одним питался, а братия удивлялись, чем я питался! А я снитку ел... И о сем я братии не открывал, а тебе сказал».

Я спросила: а долгое ли время он кушал ее?

Он дал мне точный ответ и на это. Но я забыла, без скольких именно дней он вкушал тысячу дней одну снитку. Только помню, что более двух с половиною лет, не вступно три года, он питался одною сею травой».

По будням, спасаясь в пустыне, о. Серафим накануне праздников и дней воскресных являлся в обитель,

слушал вечерню, всенощное бдение и за ранней литургией в больничной церкви св. Зосимы и Савватия причащался св. Христовых Тайн. Затем до вечерни он принимал в монастырской келье приходивших к нему, по нуждам духовным, из монастырской братии. Во время вечерни, когда братия оставляли его, он, взяв с собой хлеба на неделю, удалялся в свою пустыню. Всю первую неделю Великого поста он проводил в обители. В эти дни он говел, исповедывался и причащался св. Тайн. Духовником его с давнего времени был строитель – старец Исаия.

Так проводил старец дни свои в пустыни! Другие пустынножители, имена которых мы упоминали уже, имели при себе по одному ученику, которые и служили им. О. Серафим жил в совершенном одиночестве. Некоторые из Саровской братии пытались сожительствовать с о. Серафимом в пустыни и были приняты им; но ни один из них не мог вынести трудностей пустынножеского жития; ни в ком не нашлось столько нравственной крепости, чтобы явиться, в качестве ученика, подражателем подвигов о. Серафима. Благодетельные попытки их, принося пользу душе, не увенчивались полным успехом; и те, которые поселялись было с о. Серафимом, возвращались опять в обитель. Посему, хотя после кончины о. Серафима, нашлись некоторые люди, дерзновенно объявлявшие себя его учениками, но, при его жизни, они в строгом смысле учениками не были, и название *Серафимов ученик* в то время не существовало. «В пребывание его в пустыни, – говорили тогдашние Саровские старцы, – вся братия была его учениками».

Также многие из Саровской братии временно приходили к нему в пустынь. Одни просто хотели посетить его, а другие являлись по нужде в советах и наставлениях. Старец хорошо различал людей. От некоторых он удалялся, желая сохранить молчание, а имеющим нужды до него не отказывал в духовной пище, с любовью

руководствуя их к истине, добродетели и благоустрой-
нию жизни. Из постоянных посетителей о. Серафима
известны схимонах Марк и иеродиакон Александр, так-
же спасавшийся в пустыне. Первый бывал у него два
раза в месяц, а последний – однажды. О. Серафим охот-
но беседовал с ними о разных душеспасительных пред-
метах. На сердце их с особенной глубиной напечатле-
лась беседа его о непрестанной внутренней или умной
молитве, ее силе и значении, – учение, которое известно
стало о. Серафиму не из книг, а из собственного опыта
жизни. Краткий образчик этой беседы мы находим в
следующем наставлении о. Серафима *о молитве*:

«Истинно решившиеся служить Господу Богу долж-
ны упражняться в памяти Божией и непрестанной мо-
литве ко Иисусу Христу, говоря умом: *Господи Иисусе
Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешного*; в часы же
послеобеденные можно говорить сию молитву так:
*Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, молитвами Бого-
родицы помилуй мя грешного*; или же прибегать собст-
венно к Пресвятой Богородице, молясь: *Пресвятая Бо-
городице спаси нас*; или говорить поздравление Ангель-
ское: *Богородице Дево, радуйся!* Таковым упражнением,
при охранении себя от рассеяния и при соблюдении ми-
ра совести, можно приблизиться к Богу и соединиться с
Ним. Ибо, по словам св. Исаака Сирина, кроме непре-
станной молитвы, мы приблизиться к Богу не можем
(Сл. 69, лис. 142).

«Виды молитвы весьма хорошо изъяснил св. Симе-
он, Новый Богослов (Добротол. Част. I, лист. 61. Слово
о трех образах молитвы).

Достоинство же молитвы ясно определил св. Злато-
уст: «Велие, – говорит он, – есть оружие молитва, со-
кровище неоскудно, богатство никогда не иждиваемо,
пристанище не бурное, причина тишины и множеству
благих дел корень, источник и мати есть» (Маргар.
сл. 5 о непостижимом).

«В церкви на молитве стоять полезно с закрытыми очами, во внутреннем внимании; открывать же очи разве тогда, когда уныешь, или сон будет отягощать тебя и склонять ко дреманию; тогда очи обращать должно на образ и на горящую перед ним свечу.

Если в молитве случится плениться умом в расхищении мыслей, то должно смириться пред Господом Богом и просить прощения, говоря: согрешил, Господи, словом, делом, помышлением и всеми моими чувствами.

Посему всегда должно стараться, чтоб не предавать себя рассеянию мыслей; ибо чрез сие уклоняется душа от памяти Божией и любви Его, по действию диавола, как говорит св. Макарий: все супостата нашего тщание есть, да мысль нашу от памятования о Боге и страха и любви отвратить» (Сл. 2, гл. 150).

«Когда же ум и сердце соединены будут в молитве и помыслы души не рассеяны, тогда сердце согревается теплотой духовной, в которой воссиявает свет Христов, исполняя мира и радости всего внутреннего человека».

«О всем мы должны благодарить Господа и предавать себя Его воле; должны также представлять Ему все свои мысли, слова и деяния и стараться, чтобы все служило только к Его благоугождению».

Несмотря на редкость посещений, пустынножителям Марку и Александру приходилось находить о. Серафима совершенно погруженным в богомыслие. В таком случае, не решаясь нарушать его духовных занятий, они ожидали, неведомо для старца, окончания их. Случалось и так, что, подождав около часа, они не получали свидания с ним, уходили в свои места и, имея такой живой урок подвижничества пред собой, сами с вящим усердием предавались духовным подвигам.

Из посторонних посетителей о. Серафима в это время особенно известен один, нижегородской губернии, диакон, впоследствии иеромонах и подвижник Тимон. Он происходил из духовного звания, окончил полный

курс учения в нижегородской семинарии и был человек образованный. Влияние духовной науки развило в нем, кроме умственных дарований, чувство благочестия с характером аскетическим. Однако же обстоятельства понудили его жениться, хотя и сверх его желаний. Потом он хиротонисан был во диакона. Но в скором времени Господь разрешил его от уз брачных: немного проживши, супруга его скончалась. Оставшись свободным, этот о. диакон часто ходил в Саровскую пустынь. Тут он сблизился с пустынножителями о. Серафимом и Марком. Старцы, видя его искреннее усердие к богоугодному житию, охотно приняли его в свое руководство и были его наставниками и учителями. Слова их падали на добрую землю. О. диакон поступил в монашество и в сане иеродиакона был экономом при архиерейском доме. Нижегородский преосвященный желал посвятить его в иеромонаха. Но «аз, – говорил о себе Тимон, – никак не соглашался, потому что все желание мое было в пустыни жить одному, с единым Богом». Спустя много лет преосвященный послал его в городской монастырь строителем. Однажды, приехав в монастырь для служения, архиерей сказал, что неприлично быть иеродиакону строителем, и хиротонисал его во иеромонаха, хотя он и не искал этого. «Аз же, – говорил о. Тимон, – пожелал на покой в костромскую епархию, в Кривозерский монастырь, который и прежде знал». Святейший Синод его уволил от монастыря, а игумен Кривозерский благословил ему поселиться во внутренней пустыни, где он прожил один почти двадцать лет. Близ того места, где была внутренняя пустынь о. Тимона, стоял монастырский хутор и небольшая старая церковь. С хутора доставляли пустынножику пищу. Потом «грехов моих ради великих, – повествовал о. Тимон, – повелел Господь мне из пустыни выйти на хутор, жить там и основать монастырь. Но аз никак не хотел разлучиться с пустыней и попротивился Господу

своему. За то меня Господь наказал: разбил меня паралич, и аз лежал как мертвый. Приехали монастырские работники за лесом и, привезши мне пищи, нашли меня без памяти и без языка и всего разбитого и взяли меня и привезли на хутор. Но Господь Бог мой чудесно меня исцелил в скором времени, яко николи же был болен. И аз благодарил Господа Бога моего и более противиться воле Божией не стал и остался на том месте жить, и Господь благословил место сие. И аз, с помощью Божией, в скором времени устроил сию обитель». Обитель эта называется ныне Надеевской пустынью и состоит в Костромской епархии*.

---

* Об этом старец Тимон, иеромонах Парфений, нынешний строитель Гуслицкого монастыря, в известном сказании о своих странствиях (Москва, 1855 г., в 4 частях) рассказывает следующее:

«Однажды, избрав удобное время, я отпросился к старцу Тимону и отправился в путь. В то время я был так глух, что 300-пудового колокола звону не мог слышать, а разговаривал манием ли на письме. Но когда начал подъезжать к Надеевской пустыне, то открылись мои уши, хотя и не совершенно, и стал слышать человеческий разговор и церковное пение. Егда же приехавши в пустынь, увидел блаженного старца иеромонаха отца Тимона и святолепные его седины, премоного возрадовалась душа моя и вострепетало сердце мое. Он же меня благословил и ввел в келью свою, разверз медоточивые свои уста и начал меня поить от изобильных своих источников живой водой и с малых слов растопил мое сердце, яко воск, и сделал меня таким, что якобы никогда я не бывал раскольников, и в то же время перекрестил я лицо свое в три перста во имя св. Троицы и более уже не творил крестного знамения двумя перстами, даже до сего дня. Воистину дан сему старцу от Господа Бога такой дар премудрости, что ему никто не мог противиться и во всем моем многолетнем странствии подобного ему в словесном даре не видал. Потом аз много его благодарил и просил его святых молитв, чтобы до кончины живота моего не оскудела вера моя в Господа Бога моего Иисуса Христа и во святую Его Церковь (часть I, стр. 193-195).

Если же вне пустынной кельи своей старец неожиданно встречал кого-либо в Саровском лесу, то обыкновенно, не вступая в беседу, со смирением кланялся ему и удалялся прочь: «От молчания никто никогда не раскаивался», – говорил он впоследствии в своих наставлениях. На людей, лично не знавших о. Серафима, такая внезапная встреча с ним в пустынной местности, при его костюме, производила чудное впечатление, никогда не изгладимое и нередко поучала их добродетели, не менее самой его беседы. Строгости его жизни и отношений к другим соответствовали и первые опыты его учения в духе подвижническом, отличающиеся верностью мысли, краткостью и силой выражения:

«Совершенная любовь к Богу, – учил он, – соединяет любящих с Богом и между собой взаимно; ум, стяжавший духовную любовь, ничего не согласного с любовью не мыслит».

«Уединение, молитва, любовь и воздержание суть четырехсоставная колесница, возносящая дух на небо».

«Истощай тело свое постом и бдением – и отразишь мучительный помысл сладострастия».

«Как дело Божие править миром, так дело души – управлять телом».

«Похоть истребляется страданием и скорбью, или произвольной, или посылаемой Промыслом».

«Какой мерой меришь своему телу, в такой же мере воздаст тебе Бог праведное воздаяние ожидаемых благ».

«Бог есть неложный обещатель будущих благ; веруя Ему, подвижник желает будущего, как бы уже настоящего».

«Если ум, совершенно забывая здешнее, более и более старается узнать будущее, это знак, что он живет в благих ожиданиях».

«Хорошо бесстрастие: сам Бог дает и утверждает это состояние в душах боголюбивых».

«Не будь нерадив в деятельной жизни – и просветится ум твой; сам Бог обещает это: *сокровища невидимые, сокровенные отверзу тебе* (Исаия 45).

«Уединение и молитва – великие средства к добродетели: очищая ум, они делают его прозорливым».

«Подвижничество требует терпения и великодушия: ибо миролюбие искореняется только долговременным трудолюбием».

«Кто переносит с молитвой удары невольных искушений, тот делается смиренным, благонадежным и опытным».

«Терпение есть трудолюбие души, а трудолюбие состоит и в добровольных трудах, и в перенесении невольных искушений. Ум, получивший некоторую часть бесстрастия, иногда бывает непоколебим, но без дел неопытен».

«Кому дана вера, от того требуется воздержание, которое, укореняясь, рождает терпение – навык многотрудный. Знаком терпения служит любовь к трудам; опираясь на них, ум надеется получить обетование будущих благ».

«Обещание будущих благ привязывает ум к ожидаемому, так что мы забываем и отвергаем настоящее».

Видя столь искреннее, усердное и, поистине, высокое подвижничество старца о. Серафима, диавол, исконный враг всякого добра, вооружился против него разными искушениями. По своей хитрости, начиная с легчайших, он сперва наводил на подвижника разные *страхования*. Так, по сказанию одного почтенного летами иеромонаха Саровской пустыни, однажды во время молитвы он услышал вдруг за стенами кельи вой зверя; потом, точно скопище народа, начали ломать дверь кельи, выбили у двери косяки и бросили к ногам молящегося старца претолстый кряж (отрубок) дерева, который восьмью человеками с трудом был вынесен из кельи. В другие разы и днем, особенно же ночью, во время стояния на молитве, ему *видимо* вдруг представ-

лялось, что келья его разваливается на четыре стороны и что к нему со всех сторон рвутся страшные звери с диким и яростным ревом и криком. Иногда вдруг являлся пред ним открытый гроб, из которого вставал мертвец.

Так как старец не поддавался страхованиям, диавол воздвигал на него жесточайшие нападения. Так, он, по Божию попущению, поднимал его на воздух и оттуда с такой силой ударял об пол, что если бы не ангел-хранитель, самые кости от таких ударов могли бы сокрушиться. Но и этим не одолел старца. Вероятно, при искушениях он духовным оком своим, проникавшим в горний мир, видел самых злых духов. Может быть, духи злобы и сами видимо в телесных образах являлись ему, как и другим подвижникам... По крайней мере, заметно, что старец точно видал злых духов. Ибо один мирянин в простоте сердца спрашивал его:

«Батюшка! Видали ль вы злых духов?»

Старец с улыбкой отвечал:

«Они гнусны... Как на свет ангела взглянуть грешному невозможно, так и бесов видеть ужасно: потому что они гнусны».

Все видения, искушения и нападения врага старец побеждал силой крестного знамения и молитвами. После них долгое время он пребывал мирно в своей пустыне, благодаря Господа за сей мир и спокойствие.

Духовное начальство знало о. Серафима и понимало, как полезно было бы для многих сделать такого старца *аввою*, настоятелем где-нибудь в обители. Открылось место архимандрита в городе Алатыре. О. Серафима предназначили было туда настоятелем монастыря, с возведением в сан архимандрита. В прошлом и текущем столетиях Саровская пустынь не раз давала из своей братии хороших настоятелей в другие обители. Но старец Серафим убедительнейше просил тогдашнего Саровского настоятеля Исаию отклонить от него это назначение. Одно это обстоятельство не довольно ли доказывает, что о. Серафим

искал в монашестве спасения души и точно хотел быть подвижником в истинном и подлинном смысле сего слова? Строителю Исаие и братии Саровской жаль было отпустить от себя старца Серафима, усердного молитвенника и мудрого наставника. Желания обеих сторон сошлись вместе: все стали просить другого иеромонаха из Сарова же, старца Авраамия, принять на себя звание архимандрита в Алатырский монастырь, и брат, единственно из повиновения, принял на себя это звание. В другой раз о. Серафима предназначили строителем в Краснослободский Спасский монастырь. Но и в настоящем случае, по просьбе о. Серафима, по взаимной любви и согласию братии, его заменил иеромонах Иероним.

Видя смиренномудрие старца Серафима, диавол воздвиг на него большее гонение, поднял в его душе мысленную брань и поддерживал борьбу эту с таким натиском и силой, от которых пал некогда великий в отцах Феофил, эконоом Аданской церкви (см. Четьи-мин. 23 июля). В тяжком душевном обстоянии старец Серафим обратился к Господу подвигоположнику нашего спасения Иисусу Христу и Пречистой Его Матери, а сам решил усилить свои иноческие труды, чтобы, при помощи свыше, разрушить страшные козни диавола, повергавшие его в уныние. Благословясь, он принял на себя новый высший молитвенный подвиг.

В глухом лесу, на половине пути от кельи к монастырю, лежал необыкновенной величины гранитный камень. Вспомнив о трудном подвиге св. столпников, о. Серафим решил принять участие в подвижничестве сего рода. Для сего он восходил, чтобы не быть ни от кого видимым, в *ночное* время на этот камень для усиления молитвенного подвига. Молился он, обыкновенно, или на ногах, или стоя на коленях, с воздетыми вверх, подобно св. Пахомию, руками, взывая мытаревым гласом: *Боже, милостив буди ми грешному*. Чтобы уравнивать ночные подвиги дневным, о. Серафим и в келии имел камень. На нем он молил-

ся *во время дня* с утра до вечера, оставляя камень только для отдохновения от изнеможения сил и для подкрепления себя пищей. Такого рода молитвенный подвиг он нес по временам в течение тысячи суток. «Нам все старание должно иметь о душе, – говорил о. Серафим в наставлениях, – тело же подкреплять для того только, чтобы оно способствовало к подкреплению духа. Если самовольно изнурим свое тело до того, что изнурится в духе, то такое удрочение будет безрассудное, хотя бы сие делалось для снискания добродетели». Так светло смотрел о. Серафим на подвижническую жизнь! Так он и действовал! От стояния на камнях, от трудности этого молитвенного подвига тело его очень заметно изменилось, в ногах возобновилась болезнь, которая с этого времени до кончины дней не переставала мучить его. Отец Серафим понял, что продолжение таких подвигов повело бы к изнурению сил духа и тела, и оставил моление на камнях. Подвиги сии он проходил в такой тайне, что ни одна душа человеческая не ведала о них и не догадывалась. К бывшему после Исаии игумену Нифонту был тайный запрос об о. Серафиме от епископа Тамбовского. В бумагах обители сохранился *черновой* отзыв Нифонта, в котором настоятель отвечал: «О подвигах и жизни о. Серафима мы знаем; о тайных же действиях каких, также и о стоянии 1000 дней и ночей на камне никому не было известно». При кончине дней своих, чтобы не остаться загадкой для людей, по подобию других подвижников, в числе прочих явлений своей жизни он, в назидание слушателям, рассказал и о сем подвиге некоторым из братьев.

Один из слушателей этого рассказа, будучи подвигнут удивлением к подвигам моления на камнях, заметил, что это свыше сил человеческих.

Подвижник в объяснение совершенной возможности дела заметил со смирением: «Св. Симеон Столпник сорок семь лет стоял на столпе; а мои труды похожи ли на его подвиг?»

Собеседник же со своей стороны прибавил: «В этом подвиге, конечно, для тебя ощутительна была помощь благодати укрепляющей?»

«Да, — отвечал старец, — иначе сил человеческих не достало бы... Внутренне подкреплялся и утешался я этим небесным даром, нисходящим свыше от Отца светов...»

Потом, немного помолчав, прибавил: «Когда в сердце есть умиление, то и Бог бывает с нами».

В последних словах, против воли старца, высказался дух его моления. Он молился с *умилением*, и молитвы его были так близки к Богу, что он ощущал в себе присутствие Божие и укреплялся благодатным даром сего чувства.

Камни, на которых подвизался о. Серафим, доселе сохраняются, как увидим ниже, и некоторое время после смерти его оставались на своих местах, где лежали. Братия обители и богомольцы ходили видеть их, так что в пустынь Серафимову, вместо прежней тропинки, впоследствии открылась просторная дорога, по которой ездили экипажи. Многие отбивали и брали себе частички от его камней. В некоторых благочестивых домах встречаются эти частицы с изображением на них о. Серафима, стоящего на коленях в молитвенном положении.

Во все искушениях и нападениях на о. Серафима диавол имел целью удалить его из пустыни. Однако же все усилия врага остались безуспешны: он был побежден, отступил со стыдом от своего победителя, но в покое его не оставил. Изыскивая новые меры к удалению старца из пустыни, злой дух начал воевать против него через злых людей. 12-го сентября 1804 года подошли к старцу три неизвестные ему человека, одетые по-крестьянски. Отец Серафим в это время рубил дрова в лесу. Крестьяне, нагло приступив к нему, требовали денег, говоря, что «к тебе ходят мирские люди и деньги носят». Старец сказал: «Я ни от кого ничего не беру». Но они не поверили. Тогда один из пришедших кинулся на него сзади, хотел свалить его на землю, но вместо того сам упал. От этой неловкости зло-

деи несколько оробели, однако же не хотели отступить от своего намерения. О. Серафим имел большую физическую силу и, вооруженный топором, мог бы не без надежды обороняться. Эта мысль и мелькнула было мгновенно в его уме. Но он вспомнил при сем слова Спасителя: *все, взявшие меч, мечом погибнут* (Матф. XXVI, 52), не захотел сопротивляться, спокойно опустил на землю топор и сказал кротко, сложив крестообразно руки на груди: «Делайте, что вам надобно». Он решился претерпеть все безвинно Господа ради. Тогда один из крестьян, подняв с земли топор, обухом так крепко ударил о. Серафима в голову, что у него изо рта и ушей хлынула кровь. Старец упал на землю и пришел в беспамятство. Злодеи тащили его к сениям кельи по дороге, яростно продолжая бить, как звероловную добычу, кто обухом, кто деревом, кто своими руками и ногами, даже поговаривали и о том, не бросить ли старца в реку?.. А как увидели, что он уже был точно мертвый, то веревками связали ему руки и ноги и, положив в сених, сами бросились в келью, воображая найти в ней несметные богатства. В убогом жилище они очень скоро все перебрали, пересмотрели, разломали печь, пол разобрали, искали, искали и ничего для себя не нашли: видели только у него св. икону, да попало несколько картофелин. Тогда совесть сильно заговорила у злодеев, в сердце их пробудилось раскаяние, что напрасно, без всякой пользы даже для себя, избили благочестивого человека, какой-то страх напал на них, и они в ужасе бежали вон. Между тем о. Серафим от жестоких смертных ударов едва мог прийти в чувство, кое-как развязал себя, поблагодарил Господа, что сподобился ради Него понести раны безвинно, помолился, чтобы Бог простил убийц, и, проведши ночь в келье в страданиях, на другой день с большим трудом, однако же сам, пришел в обитель во время самой литургии. Вид его был ужасен! Волосы на бороде и голове были смочены кровью, смяты, спутаны, покрыты пылью и сором; лицо и руки избиты; вышиблено

несколько зубов; уши и уста запеклись кровью; одежды, измятые, окровавленные, засохли и по местам пристали к ранам. Братия, увидев его в таком положении, ужаснулись и спрашивали: что с ним такое случилось? Ни слова не отвечая, о. Серафим просил пригласить к себе настоятеля о. Исаию и монастырского духовника, которым в подробности и рассказал все случившееся. И настоятель, и братия глубоко опечалены были страданиями старца. Таким несчастьем о. Серафим вынужден был остаться в монастыре для поправления здоровья. Дьявол, воздвигший злодеев, по-видимому, торжествовал теперь победу над старцем, воображая, что навсегда изгнал его из пустыни. Первые восемь суток были для больного очень тяжки: не принимая ни пищи, ни воды, он не имел и сна от нестерпимой боли. В монастыре не надеялись, чтобы он пережил свои страдания. Настоятель, старец Исаия, на седьмой день болезни, не видя перелома к лучшему, послал в Арзамас за врачами. Освидетельствовав старца, врачи нашли болезнь его в следующем состоянии: голова у него была проломлена, ребра перебиты, грудь оттоптана, все тело по разным местам покрыто смертельными ранами. Удивлялись они, как это старец мог остаться в живых после таких побоев. По старинной методе лечения, врачи считали необходимым открыть кровь больному. Настоятель, зная, что больной и без того много потерял ее от ран, не соглашался на эту меру, но, по настоятельному убеждению консилиума врачей, решился предложить о том о. Серафиму. Консилиум опять собрался в келье о. Серафима; он состоял из трех врачей, с ними было три подлекаря. В ожидании настоятеля они опять осмотрели больного, долго на латинском языке рассуждали между собой и положили: пустить кровь, обмыть больного, к ранам приложить пластырь, а в некоторых местах употребить спирт. Согласились также насчет того, что помощь необходимо подать как можно скорее. О. Серафим с глубокой признательностью в сердце примечал их внимательность и попечение о

себе. Когда все это происходило, вдруг повестили: «Отец настоятель идет, идет отец настоятель!» В эту минуту о. Серафим уснул: сон его был краткий, тонкий и приятный. Во сне увидел он дивное видение. Подходит к нему с правой стороны постели Пресвятая Богородица в царской порфире, окруженная славой. За ней следовали св. апостолы Петр и Иоанн Богослов. Остановясь у одра, Пресв. Дева перстом правой руки показала на больного и, обратясь пречистым ликом своим в ту сторону, где стояли врачи, произнесла: «Что вы трудитесь?» Потом опять, обратясь лицом к старцу, сказала: *Сей от рода моего*, и кончилось видение, которого присутствующие не подозревали. Когда вошел настоятель, больной опять пришел в сознание. Отец Исаия с чувством глубокой любви и участия предложил ему воспользоваться советами и помощью врачей. Но больной, после стольких забот о нем, при отчаянном состоянии здоровья своего, к удивлению всех отвечал, что он не желает теперь пособия от людей, прося отца настоятеля предоставить жизнь его Богу и Пресвятой Богородице, истинным и верным врачам душ и телес. Нечего было делать, оставили старца в покое, уважая его терпение и удивляясь силе и крепости веры. Он же от дивного посещения исполнился неизреченной радости, и сия радость небесная продолжалась часа четыре. Потом старец успокоился, вошел в обыкновенное состояние, почувствовал облегчение от болезни, сила и крепость стали возвращаться к нему; встал он с постели, начал немного ходить по келье и вечером в девятом часу подкрепился пищей, вкусил немного хлеба и белой квашеной капусты. С того же дня он опять стал понемногу предаваться духовным подвигам.

Еще в прежнее время о. Серафим, занимаясь однажды работами лесу, при порубе дерева был придавлен им и от этого обстоятельства потерял свою естественную прямогу и стройность, сделался согбенным. После нападения разбойников от побоев, ран и болезни согбенность еще больше увеличилась. С сего времени он начал ходить, подкреп-

ляясь топориком, мотыгой или палкой. Так эта согбенность, это уязвление в пяту служили всю жизнь венцом победы великого подвижника над дьяволом.

Со дня болезни старец Серафим провел в монастыре, не видя своей пустыни, около пяти месяцев. Когда здоровье возвратилось к нему, когда он почувствовал себя опять крепким к прохождению пустынножизни, то просил настоятеля Исаию снова отпустить его из монастыря в пустынь. Настоятель же, по внушению братии, и сам искренне жалея старца, упрашивал было его остаться навсегда в монастыре, представляя возможным повторение подобных крайне несчастных случаев. Отец Серафим отвечал, что ни во что вменяет такие нападения и готов – подражая св. мученикам, страдавшим за имя Господне, – даже до смерти перенести всякие оскорбления, какие бы ни случились. Он боялся только душевных разбойников, твердо помня слово Спасителя: *не бойтесь убивающих тело, души же не могущих убить; а бойтесь более того, кто может и душу и тело погубить в геенне* (Мф. 10, 28). Уступая христианской неустрашимости духа и любви к пустынножительству, о. Исаия благословил желание старца, и старец Серафим снова возвратился в свою пустынную келью. Неизвестно, каково было состояние его духа в первые минуты вторичного поселения в пустыне; но, зная его безграничную любовь к уединению, мы не ошибемся, если представим его в следующих словах св. Василия Великого:

«О, уединенное житие! Дом учения небесного и божественного разумения училище, в котором Бог есть все, чему учимся. Пустыня – рай сладости, где и благоуханные цветы любви то пламенеют огненным цветом, то блестят снеговидной чистотой, с ними же мир и тишина. Живя в низменных местах, они пребывают недвижимы от ветра. Там фимиам совершенного умерщвления не только плоти, но, что славнее, и самой воли; и кадило всегдашней молитвы, сладко сгорая, непрестанно вскипает огнем любви божественной. Там различные цветы добродетели, бли-

стая различными украшениями, процветают благодатью неувядаемой красоты. О пустыня, услаждение святых душ, рай неисчерпаемой сладости! Ты – вещь, в которой силу горящего пламени святые отроки устужают молитвой и горением веры угашают горящий вокруг себя пламень, в котором горят и стрелы, и оковы, но окованные не сгорают. Только узы греха разрешаются, и душа возводится к пению божественных хвалений, вызывая: *расширил еси уста моя! Тебе пожру жертву хвалы*».

Таким образом, диавол и в этой борьбе со старцем, с новым поселением его в пустынь, претерпел совершеннейшее поражение. Но ему готовился удар еще больший и страшнейший, нежели какого он мог ожидать. Крестьяне, избившие старца, были найдены. Это были крепостные люди помещика Татищева, Ардатовского уезда из села Кременок. Что же? Отец Серафим и сам простил их, и настоятеля упрощал не делать с них никакого взыскания. Также и помещику он писал, чтобы не наказывать их. «В противном случае, – говорил о. Серафим, – я оставлю Саровскую обитель и удаюсь ни для кого не ведомо в другие святые места». Также и с настоятелем говоря, он соглашался лучше, чтобы его удалили из обители, нежели им нанесли какое-либо наказание. Так о. Серафим был незлобив! Такие обиды мог прощать врагам своим! Какое лучшее этого посрамление можно было нанести врагу, воевавшему против старца? О. Серафим, по заповеди Господа, простил врагов своих, предоставив отмщение Господу Богу. Гнев Божий действительно возгорелся над ними: в непродолжительном времени пожар истребил жилища их. Вразумление Божие в этом несчастии было так очевидно, по крайней мере, для самих разбойников, что они пришли и со слезами раскаяния опять просили у о. Серафима прощения и св. его молитв.

Из всей же своей продолжительной и разнообразной борьбы с диаволом старец Серафим вынес основа-

тельный и верный взгляд на жизнь и труды пустынножителя, которыми приносил большую пользу другим во спасение души. Так, один инок, намереваясь поселиться в совершенном уединении, пришел к о. Серафиму в пустынь и, волнуемый разными мыслями насчет пустынножительства, спросил его:

«Отче! Говорят некоторые, что удаление от общительства в пустыню есть фарисейство; что пренебрежением оказывается пренебрежение братии, или еще, бросается на нее осуждение. Как ты думаешь?»

Старец отвечал:

«Не наше дело судить других. А удаляемся мы из общества братства не из ненависти к нему, а более для того, что мы приняли и носим на себе чин ангельский, которому невместительно быть там, где словом и делом прогневляется Господь Бог. И потому мы, отлучаясь от братства, удаляемся только от слышания и видения того, что противно заповедям Божиим, как это случается неизбежно при множестве братии. Мы бегаем не людей, которые одного с нами естества и носят одно и то же имя Христово, но пороков, ими творимых, как и великому Арсению сказано было: *бегай людей и спасешися* (Четьи-мин. 8 мая)».

Другому иноку, после тщательного испытания, было дано настоятелем благословение начать пустынножескую жизнь. Настоятель писал и письмо к отцу Серафиму, прося его принять к себе этого инока и наставить на путь пустынной жизни. О. Серафим весьма ласково принял его и благословил ему построить себе пустынную келью неподалеку от своей. Когда инок стал еще прежде сего просить у него наставлений касательно пустынножительства, то старец, по глубочайшему смирению, а еще скорее по великому благоразумию и опытности в этом деле, отвечал: «Я сам ничего не знаю». Потом, как бы желая удовлетворить любознанию инока, присовокупил: «Спаситель сказал: *научитесь от Меня, ибо кроток и смирен сердцем, и найдете*

покой душам вашим (Мф. 11, 29). По разуму св. Иоанна Лествичника, не от ангела или человека, но от самого Господа мы должны научиться».

Вообще, он неохотно советовал другим поселяться в пустыни и в предостережение объяснял, что живущий в пустыни должен быть как бы распятым на кресте; что в монастыре иноки борются с противными силами, как с голубями, а в пустыне – точно как со львами и леопардами. А потому, если и склонился на сторону пустынножительства, то никому не благословлял уединяться одному, а советовал отходить на пустынные подвиги двум или даже трем единомысленным братьям. В доказательство он приводил всегда следующие слова из Писания: *двоим лучше, нежели одному, потому что у них есть доброе вознаграждение в труде их. Ибо если упадет один, то другой поднимет товарища своего. Но горе одному, когда упадет, а другого нет, который поднял бы его. И шутка, вдвое скрученная, не скоро порвется* (Екк. 4, 9-12). *Озлобившийся брат неприступнее крепкого города, и ссоры подобны запорам замка* (Притч. 18, 19).

Лучшим свидетельством верности и основательности взглядов о. Серафима на жизнь иноческую и пустынную служат его аскетические статьи, текст которых приведен ниже, каковы напр. о подвигах, о помыслах и плотских движениях, о хранении сердца, о мире душевном, о хранении мира душевного и т.п.

Господь Бог в награду за подвиги и победу над диаволом украсил о. Серафима даром прозорливости, действия которого обнаружилось в первый раз именно здесь, в дальней пустыни. Один боголюбивый посетитель Саровской обители, пленившись ее священным благолепием, положил в душе своей решительное намерение вступить в нее для спасения себя в звании иноческом; но, возвратившись домой, он увлекся мирской жизнью, потом вступил в брак и имел двух детей. Совесть, однако же, напоминала ему обеты сердца, и он, прибыв снова в Саров, как греш-

ник, кланялся в ночи саровским старцам в церкви после богослужения, прося их обсудить его вину, дать совет и благословение на поступление в обитель. Один из старцев присоветовал ему обратиться к о. Серафиму, который в то время спасался здесь, в дальней пустыни. Пришедши сюда и увидев о. Серафима, вышедшего из кельи с заступом в руках, боголюбивый посетитель бросился к нему в ноги, умоляя дать ему благий совет в его душевном расстройстве и помолиться Господу, чтобы Он принял его на желанный путь иноческий. Выслушав его безмолвно, о. Серафим спросил: «Исполнишь ли ты по обету все иноческие правила?» Когда же он, забыв на этот раз о жене и детях, клялся быть даже до смерти верным исполнителем монастырских правил, изъявляя, сверх того, готовность и усердие понести какую-нибудь эпитимию, то старец Серафим, провидя возможность исполнения его обещаний, сказал: «Если ты точно по обету своему исполнишь все иноческие правила, то гряди с миром в путь твой!» С сими словами он благословил пришельца и отпустил от себя. Это был один из первых опытов прозорливости старца. Вскоре после беседы умерла жена, а за нею последовали и дети человека, желавшего иноческой жизни. И он, не связанный с миром никакими житейскими узами, пришел в Саровскую пустынь, в ней пострижен был в монашество и умер истинным иноком.

Весьма понятно, что о. Серафим по своим подвигам, по духовной опытности пользовался всеобщим уважением в Саровской обители. Преемник строителя Пахомия, старец Исаия, духовный отец и восприемник о. Серафима, очень почитал его, любил и дорожил его беседами. В удовлетворение таких чувств он, когда был свеж, бодр и наслаждался здоровьем, нередко сам ходил в пустынь к о. Серафиму. В 1806 году Исаия, по старости лет и от трудов, понесенных для спасения себя и братии, сделался особенно слаб здоровьем и по собственному прошению уволился от обязанности и звания настоятеля. Жребий занять

его место в обители, по общему желанию братии, пал на о. Серафима. Вот уже третий раз старец избирается на начальственные должности по монастырям; но и на этот раз, по своему смирению и из крайней любви к пустыни, он отказался от предлагаемой почести. Тогда голосом всей братии настоятелем избран был старец Нифонт, исполнявший до того времени послушание казначея. Поступив в число братии, бывший настоятель Исаия еще год прожил на сей земле и все это время находился в болезни. Не могли по причине недугов своих ходить за шесть верст в пустынь к о. Серафиму, не желая и его отвлекать от сладкого пустынножительства, старец Исаия никак не хотел, однако же, лишиться утешения беседовать с ним. Братия, по усердию, возили в тележке бывшего своего настоятеля, больного старца, в пустынь, и о. Серафим своей беседой успокаивал восприемника и духовного отца своего и улаживал последние минуты его жизни. 4-го декабря 1807 года, на 67 г. от рождения, доблестный старец опочил сном праведника, оставив по себе во всех добрую память. Потеря такого собеседника, духовного отца и начальника глубокой скорбью поразила любвеобильное нежное сердце о. Серафима. Мысли о тленности настоящей жизни, о неизбежности и нечаянности смертного часа, о страшном суде Божиим, в образе почившего старца и духовного друга живее представились сердцу о. Серафима. Теперь уже не было в живых самых близких и лучших друзей и руководителей старца. Кости Иосифа, который учил его отеческому пути, давно почивали в могиле. Праведная душа старца Пахомия, которого о. Серафим считал не только благодетелем, но и духовным другом своим, тоже витала в загробном мире. Умер и старец Исаия, любивший о. Серафима как свое духовное чадо и почитавший в нем высокого подвижника и мудрого собеседника. Во всю жизнь свою о. Серафим с искренним усердием молился Богу об упокоении этих трех достопочтенных отцов. Всякий раз, проходя мимо кладбища, он считал обязанностью зайти

на могилы их, преклонить колени у священного праха и вознести молитву о них Господу живых и мертвых. В беседе с начальницей Ардатовской общины Евдокией он дал ей следующее наставление: «Когда идешь ко мне, зайди на могилки, положи три поклона, прося у Бога, чтобы он упокоил души рабов своих: *Исаии, Пахомия, Иосифа, Марка* и проч. и потом припади ко гробу, говоря про себя: простите отцы святые и помолитесь обо мне». Так он внушал и другим молиться о своих духовных руководителях и вообще о Саровских подвижниках, называя их, по высоте и горячности молитв, *огненными столпами от земли до небес*; так молился и сам. В смерти строителя Исаии о. Серафим много утешался мыслью, что его место занял старец Нифонт, человек редких свойств, ценивший и любивший его. Тем не менее, со смертью Исаии последующая жизнь о. Серафима приняла новое, в аскетическом смысле высшее духовное направление.

V.

МОЛЧАЛЬНИЧЕСТВО. ВОЗВРАЩЕНИЕ В ОБИТЕЛЬ И ЗАТВОР

Новый подвиг о. Серафима. – Молчальничество. – Его различные проявления. – Сущность молчальничества по понятиям самого старца. – Ответ на вопросы братии о сем. – Молчание, переход к затвору. – Обстоятельства затвора. – Саровский собор старцев. – Приход о. Серафима в обитель и затвор. – Убранство затворнической кельи. – Ношение большого креста. – Одежда и пища в затворе. – Молитвенные труды. – Чтение и толкование св. Писания. – Причащение св. Тайн. – Дубовый гроб в сенях. – Один из сокровенных подвигов старца. – Ослабление затвора. – Посещение старца

епископом Ионою и тамбовским губернатором. – Хождение к старцу братии и его наставления к ним. – Открытие дверей кельи для посторонних. – Описание приема, какой он делал посетителям. – Наставление и краткое молитвенное правило его. – Обращение со знатными лицами. – Приход к старцу простых людей. – Замечательные случаи прозрения, исцелений и других деяний старца, относящихся к настоящему времени. –

Окончание затвора.

Старец Серафим после смерти строителя Исаии не изменил прежнего рода жизни, оставаясь жить в пустыни, но придавал новый характер своему подвижничеству, принял на себя иноческий труд молчания. «Паче всего должно украшать себя молчанием, – говорил он, – ибо, говорит св. Амвросий Медиоланский, молчанием многих видел я спасающихся, многоглаголанием же ни единого. И паки некто из отцов говорит: молчание есть таинство будущего века, словеса же – орудия сущности мира сего». С этих пор жизнь его становится еще безмолвнее прежнего: ибо не одна уже пустынь, но собственные уста старца закрывают ее от нас.

В каких же видах является теперь наблюдателю жизнь о. Серафима? Вообще теперь он принял за руководство себе деяния двух древних подвижников – Арсения великого и Иоанна молчальника и пустынника. В частности – если к нему приходили в пустынь посетители, он к ним не являлся. Случалось ли ему самому неожиданно встретить кого в лесу, старец падал ниц лицом и до тех пор не поднимал очей, пока встретившийся не проходил мимо. В этих видах он сохранял свое безмолвие около трех лет. За несколько времени до исхода этого срока он перестал посещать и обитель по воскресным и праздничным дням. Один брат носил ему и пищу в пустынь, особенно в зимнее время, когда у о. Серафима не было своих овощей. Пища приносилась однажды в неделю, в день воскресный. Труд-

но было назначенному брату совершать это послушание в зимнее время! Дороги в пустынь о. Серафима не было. Бредет он, бывало, во время вьюги по снегу, утопая в нем по колени, с недельным запасом в руках для старца-молчальника!.. Вошедши в сени, носивший брат обыкновенно произносил молитву. Старец, сказавши про себя *аминь*, отворял дверь из кельи в сени. Сложив руки на груди крестообразно, он становился у дверей, потупив лицо долу на землю: сам ни благословит брата, ни даже взглянет на него. А пришедший брат, помолившись по обычаю и поклонившись старцу в ноги, полагал пищу на лоточек, лежавший на столе в сенях. Со своей стороны о. Серафим клал на лоточек же или малую частицу хлеба или немного капусты. Пришедший брат внимательно замечал это. Сими знаками старец безмолвно давал знать, чего принести ему в будущее воскресенье: хлеба или капусты. И опять принесший брат, сотворив молитву, кланялся старцу в ноги и, попросив молитв его о себе, возвращался в обитель, не услышав от о. Серафима ни единого слова. Все это были только видимые, наружные знамения молчаливства. Существо же подвига состояло не в наружном удалении от общительности, но в безмолвии ума, в отречении от всяких житейских помыслов для чистейшего посвящения себя Господу. Такое молчаливство, по описанию самого старца, имело многие плоды. Оно решительно обезоруживало диавола для борьбы с пустынножителем. «Когда мы в молчании пребываем, – говорил о. Серафим, – тогда враг, диавол, ничего не успеет относительно к потаенному сердца человеку: сие же должно разуметь о молчании в разуме. Оно рождает в душе молчальника разные плоды духа. От уединения и молчания, – говорил он, – рождаются умиление и кротость: действие сей последней в сердце человеческом можно уподобить тихой воде Силоамской, которая течет без шума и звука, как говорит о ней пророк Исаия: *воды Силоама, текущие тихо* (Исаия 8, 6). В соединении с другими занятиями духа молчаливство

возводит человека к благочестию. Пребывание в келье в молчании, в упражнении, в молитве и поучении день и ночь закону Божию делает человека благочестивым: ибо, по словам св. Отцов, келья инока есть печь Вавилонская, в которой три отрока Сына Божия обрели. Молчание приближает человека к Богу и делает его как бы земным ангелом. Ты только сиди в келье своей во внимании и молчании и всеми мерами старайся приблизить себя к Господу, а Господь готов сделать тебя из человека ангелом: *вот на кого Я воззрю*, говорит Он, *на смиренного и сокрушенного духом и на трепещущего пред словом Моим* (Исаия 66, 2). Плодом молчания, кроме других духовных приобретений, бывает мир души. Молчание учит безмолвию и постоянной молитве, а воздержание делает помысл неразвлекаемым. Наконец приобретшего сие ожидает мирное состояние». Вот как старец Серафим проходил подвиг молчальничества! Вот чего хотел он достигнуть путем сим, *возложив всю печаль свою на Господа* (1 Петр. 5, 7).

Многие из братии очень жалели об удалении старца от общежития с ними. С возложением на себя молчания он лишал их своих советов и руководства. Ближайшие к нему даже спрашивали его, зачем он уединяется, когда бы, пребывая в близком общении с братиею, мог назидать их словом и примером, не терпя ущерба и в благоустроении души своей? Старец отвечал, говоря словами св. Отцов: «Возлюби праждность безмолвия предпочтительно насыщению алчущих в мире, сказал св. Исаак Сирий. И св. Григорий Богослов рек: прекрасно богословствовать для Бога, но лучше сего, если человек себя очищает для Бога».

Молчальничество не было однако же таким подвигом, на котором старец Серафим решился бы покончить жизнь свою. Чрез него, как бы лестницею, получив большее совершенство, он перешел к высшему подвижничеству, называемому *затвором*. Поводом к этому послужило следующее обстоятельство. В описываемое время

настоятелем был, как уже известно, о. Нифонт, муж богобоязненный, добродетельный, отечески любивший братию, входивший во все потребности и нужды каждого брата, ревнитель устава и порядков церковных. Отец же Серафим со времени смерти старца Исаии, наложив на себя труд молчания, жил в пустыни своей безвыходно, точно как в затворе. Прежде он хаживал по воскресеньям и праздникам в обитель причащаться св. Тайн. Теперь, со времени стояния на камнях, у него болели ноги; ходить он не мог. Было неизвестно, кто его причащает св. Тайн, хотя мы ни на минуту не сомневаемся, что он без вкушения Тела и Крови Христовой не оставался. Не подавало ли это обстоятельство кому-нибудь и соблазна, к которому люди так склонны?.. Вот строитель сзывает монастырский собор из старших иеромонахов и вопрос о причащении о. Серафима предлагает на рассмотрение. Решили же дело так: предложить о. Серафиму, чтобы он или ходил, буде здоров и крепок ногами, по-прежнему в обитель по воскресеньям и праздничным дням для причащения св. Тайн или же, если ноги не служат, перешел бы навсегда жить в монастырскую келью. Общим советом присутствовали в монастырскую келью. Общим советом присудили спросить через брата, носившего пищу по воскресеньям, что изберет о. Серафим. Брат в первый же приход к старцу исполнил решение Саровского собора, но о. Серафим, выслушав безмолвно предложение собора, отпустил брата, яко же обычно, не сказав ни слова. Брат, как дело было, передал строителю, а строитель велел ему повторить соборное предложение в следующее воскресенье. Принесши пищу на будущую неделю, брат повторил предложение... Тогда старец Серафим, благословив брата, вместе же с ним отправился пешком в обитель. Приняв второе предложение собора, старец показал, что он не в силах был, по болезни, ходить, как прежде, по воскресным и праздничным дням в обитель. Это было весной 8 мая 1810 года. Вступив в монастырские ворота после 15-летнего пребывания в пустыне, о. Серафим, не заходя в свою ке-

лью, отправился прямо в больницу. Это было днем до наступления всенощной службы. Когда ударили в колокол, о. Серафим явился на всенощное бдение в храм Успения Богородицы. Сколько лет уже не бывал старец в обители! Братия удивились, когда мгновенно разнесся слух, что о. Серафим решил жить в обители. Но удивление их возросло еще более, когда произошли следующие обстоятельства. На другой день, 9 мая, в день Святителя и Чудотворца Николая, о. Серафим пришел, по обычаю, в больничную церковь к ранней литургии и причастился св. Христовых Тайн. По выходе же из церкви он направил стопы свои в келью строителя Нифонта и, принявши от него благословение, водворился в прежней своей монастырской келье; к себе никого не принимал, сам никуда не выходил и не говорил ни с кем ни слова, то есть он принял на себя новый, труднейший подвиг затворничества. Молчание о. Серафима, видимо, переходом было к затвору. И совершенно уединенная жизнь его, проходима в молчании пустынном, не была ли уже началом затвора или и даже самым затворничеством? В келье монастырской о. Серафим, очевидно, продолжал то, что уже начато года с три тому назад в пустыни, с которой, быть может, он и затвор соединил бы, если бы не повстречались описанные обстоятельства.

О подвигах о. Серафима в затворе известно еще менее, чем о его пустынножительстве. В келье своей он не хотел иметь, для отсечения своеволия, ничего, даже самых необходимых вещей. Икона, пред которой горела лампада, и отрубок пня, служивший в замене стула, составляли все. Для себя же он не употреблял даже огня. В это время, для умерщвления плоти, *да дух спасется*, он носил на плечах своих под рубашкой на веревках большой пятивершковый железный крест, который, вероятно, и назван веригами в прежних его жизнеописаниях. Но собственно вериг и власяницы о. Серафим не носил и другим не советовал надевать их. «Кто нас оскорбит сло-

вом или делом, и если мы переносим обиды по-евангельски – вот и вериги наши, вот и власяница! Эти духовные вериги и власяница выше железных, которые надевают на себя нынешние люди. Правда, многие из св. Отцов носили и власяницу, и железные вериги, но они были мужи мудрые и совершенные и все это делали из любви Божией, для совершенного умерщвления плоти и страстей и для покаяния их духу. Таковы были из наших русских православных святых: препод. Феодосий печерский, Феодосий толемский, Василий блаженный и другие. Но мы еще младенцы, и страсти все еще царствуют в нашем теле и противятся воле и закону Божию. Так что же будет в том, что мы наденем и вериги, и власяницу, а будем спать, пить и есть столько, сколько душе хочется? Мы не можем и самонаималейшего оскорбления от брата перенести великодушно. От начальнического же слова и выговора впадаем в совершенное уныние и отчаяние, так что и в другой монастырь выходим мыслью, и с завистью указывая на других из своих собратий, которые в милости и доверенности у начальника, принимаем все его распоряжения за обиду, за невнимание и недоброжелательность к себе. Как, стало быть, мало или вовсе нет в нас никакого фундамента к монашеской жизни! И все это оттого, что мы мало о ней рассуждаем и ей внимаем. Можно ли же в таком состоянии духа и жизни покушаться на подвиг, свойственный мудрым и совершенным отцам, носить вериги и власяницу?»

Одежда о. Серафима теперь была та же самая, что и в пустыни. Питьем его была одна вода, а в пищу он употреблял только толокно да белую рубленую капусту. Воду и пищу доставлял ему брат, отец Павел, вблизи живущий. Подошедши к келье, брат, сотворив молитву, ставил пищу у дверей. Затворник, чтобы никто не видал его, накрывал себя большим полотном и, взяв блюдо, стоя на коленях, как бы принимал пищу из рук Божиих, уносил ее в келью. Там, подкрепив себя пищей, посуду ставил на прежнее место, опять скрывая лицо

свое под полотном. Покров, набрасываемый на лицо, объясняется примерами древнейших пустынножителей, которые куколем скрывали вид свой, *во еже не видети суеты*. Случалось и так, что старец вовсе не являлся брату, и носивший пищу опять уносил все, что было предложено: старец оставлял себя без вкушения пищи.

Молитвенные труды его в затворе были велики и разнообразны. Как и в пустыни, он совершал теперь *свое* правило и все ежедневные службы, кроме божественной литургии. Сверх того он предавался подвигу умной молитвы, читая в сердце попеременно то молитву Иисусову, то Богородичну. Иногда, стоя на молитве, старец погружался в продолжительное умное созерцание Бога: он стоял пред св. иконою не читая никакой молитвы и не кладя поклонов, а только умом в сердце созерцая Господа... Высока и глубока эта безмолвная, затворническая молитва!

В течение недели он прочитывал весь Новый Завет по порядку: в понедельник – Евангелие от Матфея, во вторник – от Марка, в среду – от Луки, в четверг – от Иоанна, в остальные дни – Деяния и послания св. апостол. Деяния св. апостолов он толковал вслух, довольно продолжительное время. Многие приходили и слушали его слово в сладость, утешение и назидание. Иной же раз он сидел над книгой, не перебирая листов, будучи весь погружен в созерцание чистой возвышенной мысли Св. Духа. Ни один орган тела его не шевелился: очи неподвижно устремлены были на один предмет.

В течение всех лет затвора старец во все воскресные и праздничные дни причащался св. Тела и Крови Христовой. Для сохранения во всей чистоте затвора и молчаливчества пренебесные Тайны, по благословению строителя Нифонта, приносили ему из больничной церкви в келью после ранней литургии.

Чтобы никогда не забывать о часе смертном, чтобы яснее представить и ближе видеть его пред собой, о. Се-

рафим упросил сделать для себя гроб и поставить его в сенях затворнической кельи. По его желанию гроб был приготовлен; его выдолбили, а также и крышку к нему, из цельного дуба, и он, некрашенный, всегда стоял в сенях. Здесь старец часто молился, готовясь к исходу от настоящей жизни. О. Серафим в беседах с Саровскими братьями часто говорил насчет этого гроба: «Когда я умру, умоляю вас, братия, положите меня в моем гробе».

Из сокровенных подвигов этого времени нечаянно сделался известен один, в котором с духовным деланием старец соединял телесный труд, освежая грудь свою чистым воздухом. Это открыл случайно брат, исполнявший в монастыре послушание будильщика. Однажды утром, вставши ранее обыкновенного, послушник отправился на кладбище близ соборного храма, где почивают достоблаженные и приснопамятные пустынники. Находясь среди памятников, брат заметил у кельи о. Серафима человека, который двигался быстро взад и вперед. Воображение инока встрепелось. Он оградил себя крестным знаменем и с молитвой стал всматриваться в ночное видение. Оказалось, это был сам подвижник, старец Серафим. Читая чуть слышно молитву Иисусову, он переносил тихонько небольшую поленницу дров с одного на другое ближайшее к келье место. Обрадованный видением затворника, который давно никому не являлся, будильщик бросился к нему в ноги и, целуя их, просил его благословения. Старец, благословив его, сказал: «Оградись молчанием и внимай себе».

Старец провел в затворе около пяти лет, потом несколько ослабил внешний вид его. Келейная дверь у него была открыта: всякий мог прийти к нему, видеть его; старец не стеснялся присутствием других в своих духовных занятиях. Некоторые, вступив в келью, предлагали разные вопросы, имея нужду в советах и наставлениях старца; но, приняв на себя обет молчания пред Богом, старец на вопросы не давал ответов, продолжая обычные занятия.

Тамбовские архиереи, любя Саровскую пустынь, с усердием посещали ее обыкновенно раз в год в августе месяце на храмовый праздник Успения Богородицы. В одно из таких посещений епископ Иона (впоследствии экзарх Грузии), желая видеть о. Серафима, пришел было к его келье, но старец, твердо исполняя свои обеты пред Богом и опасаясь человекоугодничества, не нарушил своего молчания и затвора. О. Серафим в настоящем обстоятельстве мог руководствоваться еще примером Арсения Великого, которому подражал в подвигах затвора и молчания. Феофил, архиепископ александрийский, желая прийти к Арсению, послал наперед узнать, отворит ли он ему двери? Арсений отвечал: «Если для тебя отворю, то и для всех отворю». Феофил сказал: «Лучше мне не ходить к нему». Так и о. Серафиму еще не наступило время – хотя и недалеко уже оно было – оставить затвор. Игумен Нифонт предлагал было снять двери с крюков, думая, вероятно, не отошел ли старец уже к Господу, но преосвященный Иона не согласился на это, говоря: «Как бы не погрешить нам?» Оставив старца, он удалился в мире из обители. Через неделю после этого случая прибыл в Саров тогдашний тамбовский губернатор Александр Михайлович Безобразов; с ним была жена его, и оба они пожелали принять благословение о. Серафима. В это время, видно, окончился срок строгого затворничества и молчания, положенный на сердце о. Серафимом. Когда губернатор с женой подошли к келье, старец сам отворил первым им двери своего затвора и благословил их. Это было через десять лет после начала затвора. С этого времени начали приходить к нему многие из братии, с которыми он стал уже вступать в беседу.

Так, из братии нередко бывал у о. Серафима инок Гавриил. Вступив в обитель, он два года не видел о. Серафима и после очень жалел об этом; но когда пришел к о. Серафиму, старец с первого же раза привлек к себе

его сердце. Со своей стороны и Гавриил полюбился старцу; ибо он имел сердце чистое, прямое, со всеми обращался как перед Богом, удаляясь всякой скрытности. После сего этот Гавриил пять лет находился под руководством чудного старца, пережив в обители и его кончину. Если что смущало молодого инока, располагало к искушениям, он шел к старцу Серафиму, тревожимый страхом; но после беседы с ним возвращался в свою келью в мире и восхищении духовном. И во всем простосердечный Гавриил поступал так, как руководствовал его батюшка о. Серафим. Много сказано было ему на пользу вперед. Не скрыл батюшка Серафим и того, как много горестного предстоит молодому иноку на пути жизни. По переселении о. Серафима в вечность Гавриил с восхищением вспоминал о его жизни и своих беседах с ним и с глубокой горестью говорил о важности сей потери для него. В отраду же сердца и жизни он взял и всегда имел при себе портрет старца Серафима.

Здесь можно представить в общих чертах те наставления, какие делал старец приходящим к нему инокам Саровской обители. Все было направлено к утверждению их в соблюдении правил иночества. Он внушал братии совершать церковное богослужение неопустительно по церковному уставу и, присутствуя в храме, сам следил за этим делом, советовал всем ходить на церковные службы, на молитве в церкви стоять с закрытыми очами, во внутреннем внимании; открывать же разве тогда, когда уныешь или сон отягощать станет; обращать в таком случае глаза на образ или на горящую свечу. Развивая эту мысль подробнее, о. Серафим учил так: «На жизнь нашу смотреть надобно, как на свечу, делаемую обыкновенно из воска и светильни и горящую огнем. Воск – это наша вера, светильня – надежда, а огонь – любовь, которая все соединяет вместе – и веру, и надежду, подобно тому, как воск и светильня горят вместе при действии огня. Свеча дурного

качества издает смрад при горении своем и угасая – так смрадна в духовном смысле и жизнь грешника пред Богом. А потому, глядя на горящую свечу, особенно когда стоим в Божием храме, да вспоминаем начало, течение и конец нашей жизни; ибо как тает свеча, зажженная пред ликом Божиим, так, с каждой минутой, умаляется и жизнь наша, приближая нас к концу. Эта мысль поможет нам менее развлекаться в храме, усерднее молиться и стараться, чтобы жизнь наша пред Богом похожа была на свечу из чистого воска, не издающую смрада». Обращаясь далее к общему перечню предметов, заметим, что о. Серафим внушал непрестанно заниматься умной молитвой, каждому проходить неопустительно и усердно свое послушание, не вкушать пищи до времени, определенного уставом; за трапезу непременно ходить, хотя бы и не хотел кто кушать, чтобы отсутствием не соблазнял братии; за трапезою сидеть с благоговением и страхом Божиим, с благодарностью вкушать предлагаемое; без уважительной причины и благословения не выходить за ворота монастыря, а тем более не покидать совсем иноческого пути, удерживаться от своеволия, гибельные последствия которого неисчислимы; терпеливо сносить все искушения для спасения души (Мф. 10, 22), хранить взаимный мир. Бог обитает только в жилище мира, как сказано: *в мире место Его* (Псал. 75, 3).

Нынешний настоятель Саровской обители, старец Серафим, в 1824-1826 годах исправлял в больничной церкви пономарскую должность. На его послушании лежало ежедневно, после каждой литургии, носить к о. Серафиму часть св. антидора, собственно, для него отделяемую. Затворник иногда сам принимал этот дар, а иногда не являлся к принесшему брату. Последний полагал в таком случае часть антидора в чистую сумочку, для сего повешенную у двери, и, сотворив молитву как обычно, удалялся восвояси. Из больничной же церкви по воскресным и праздничным дням ему носили в келью св. Дары для причащения.

Вскоре после того как старец открыл братии дверь своей кельи, некоторые посетители убедительно просили его принимать к себе и мирян. Тогда, по его изволению, к нему начали ходить уже посторонние. Теперь жизнь старца приняла новое христианско-общественное направление. До сих пор он, видимо, заботился об одном себе и о спасении души своей. Деятельность его о спасении ближних исключительно состояла в молитве о всем мире, о живых и усопших православных христианах. По свойству пустынножительства и затвора, практическая польза и руководство ближних еще не входили в разряд его действий. До сих пор, духовно работая над собой, он только готовился выйти на поле общественного служения. Теперь настало такое время, с которого о. Серафим, став в духовной жизни выше множества христиан и чувствуя подкрепление со стороны благодати Божией, посвятил себя подвигам веры и душеспасительного назидания и руководства ближних.

Старец принимал к себе всех охотно, давал благословение и каждому, смотря по душевным потребностям, делал различного рода краткие наставления. Двери его кельи открыты были для всех от ранней литургии до 8 часов вечера. Приходящих старец принимал так: он одет был в обыкновенный белый балахон и полумантию; на шее имел епитрахиль (священническая одежда) и на руках поручи. Епитрахиль и поручи он носил на себе не всегда при приеме посетителей, а в те лишь дни, когда причащался св. Тайн, следовательно, по воскресным и праздничным дням. В ком видел он искреннее раскаяние в грехах, кто являл в себе горячее усердие к христианскому житию, тех принимал с особенным усердием и радостью. После беседы с ними он, заставив их наклонить голову, возлагал на нее конец епитрахили и правую руку свою, предлагая произносить за собою следующую покаянную молитву: *«Согрешил я, Господи, согрешил душою и телом, словом, делом, умом и помышлением и всеми моими чувствами: зре-*

нием, слухом, обонянием, вкусом, осязанием, волею или неволею, ведением или неведением». Сам затем произносил молитву разрешения от грехов: *«Господь и Бог наш Иисус Христос, благодатию и щедротами человеколюбия Своего, да простит тебе, чадо (имя его), все согрешения твои: и аз, недостойный иеромонах Серафим, властью Его мне данной, прощаю и разрешаю тебя от всех грехов твоих, во имя Отца и Сына и Святаго Духа, аминь*. При последних словах он благословлял наклоненную голову пришедшего. Старец делал это по обычаю, доселе существующему на Востоке между освященными, т.е. имеющими степень священства, аввами. Получавшие разрешение чувствовали облегчение совести и вкушали, несродное земным благам, духовное удовольствие. По окончании такого действия он помазывал крестообразно чело пришедшего елеем от св. иконы, и если это было ранее полудня, следовательно, до принятия пищи, давал вкушать из чаши *великой агасмы*, т.е. св. богоявленской воды, благословлял частицей антидора либо св. хлеба, освящаемого на всенощном богослужении. Потом, целуя пришедшего в уста, говорил во всякое время: *Христос воскрес* и давал прикладываться к образу Божией Матери или ко кресту, висевшему у него на груди. Иногда же, особенно знатым особам, он советовал зайти в храм и помолиться Матери Божией пред св. иконой Ее успения или Живоносного источника.

Если пришедший не имел нужды в особенных наставлениях, то старец делал общехристианское назидание. В особенности он советовал всегда иметь память о Боге и для сего непрестанно призывать в сердце имя Божие, повторяя молитву Иисусову: *Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй меня грешного*. «В этом да будет, – говорил он, – все твое внимание и обучение! Ходя и сидя, делая и в церкви до начала богослужения стоя, входя и исходя, сие непрестанно содержи на устах и в сердце твоём. С призыванием, таким образом, имени Божия ты найдешь покой, достигнешь чистоты ду-

ховной и телесной, и вселится в тебя Св. Дух, источник всех благ, и управит Он тебя во святые, во всяком благочестии и чистоте».

Другое из частных наставлений отца Серафима было сие: «Ради будущего блаженства стяжите целомудрие, храните девство. Дева, хранящая свое девство ради любви Христовой, имеет честь с ангелами и есть невеста Христу; Христос есть жених ей, вводящий ее в свой чертог небесный. Всякая человеческая душа есть дева; душа же, в грехах пребывающая, вдова нерадивая, в сластолюбии заживо умершая».

Многие, приходя к о. Серафиму, жаловались, что они мало молятся Богу, даже оставляют необходимые дневные молитвы. Иные говорили, что делают это по безграмотству, другие – по недосугу. О. Серафим заветовал таким людям следующее молитвенное правило:

«Вставши от сна, всякий христианин, став пред св. иконами, пусть прочитает молитву Господню *Отче наш* трижды; в честь Пресвятой Троицы, потом песнь Богородице *Богородице Дево радуйся* – также трижды, и наконец символ веры *Верую во единого Бога* – единожды.

Совершив это правило, всякий христианин пусть занимается своим делом, на которое поставлен или призван. Во время же работы дома или на пути куда-нибудь пусть читает тихо: *Господи Иисусе Христе Сыне Божий, помилуй мя грешного или грешную*; а если окружают его другие, то, занимаясь делом, пусть говорит умом только это: *Господи помилуй* и продолжает до обеда.

Перед самым же обедом пусть совершает вышешоказанное утреннее правило. После обеда, исполняя свое дело, всякий христианин пусть читает также тихо: *Пресвятая Богородице спаси мя грешного*, и это пусть продолжает до самого сна.

Когда случится ему проводить время в уединении, то пусть читает он: Господи Иисусе Христе, Богородицею помилуй мя грешного, или грешную.

Отходя же ко сну, всякий христианин пусть опять прочитает вышепоказанное утреннее правило, т.е. трижды *Отче наш*, трижды *Богородице* и однажды *Символ веры*. После того пусть засыпает, оградив себя крестным знамением».

Относительно достоинства этого малого правила о. Серафим толковал, что, «держась его, можно достигнуть меры христианского совершенства, ибо означенные три молитвы – основание христианства: первая – как молитва, данная самим Господом, есть образец всех молитв; вторая – принесена с неба Архангелом в приветствие Деве Марии, Матери Господа. Символ же вкратце содержит в себе все спасительные догматы христианской веры».

Если кому невозможно выполнить, как бы следовало, и этого малого правила по обстоятельствам благословным, то старец советовал читать его во всяком положении: и во время занятий, и на ходьбе, и даже на постели, помня слова Господа: всякий, кто только призывает имя Господне, *спасется* (Иоил. 2, 32; Римл. 10, 13).

А кто располагает временем больше, чем какое требуется на это правило, и вдобавок он человек грамотный, тот пусть к этому присоединяет и другие душеполезные молитвословия и чтения, как-то: чтение нескольких зачал из св. Евангелия и Апостолов, чтение канонов, акафистов, псалмов и разных других молитв. Читая же, пусть благодарит он Господа со всяким смирением и за то, что имел время принести Ему в жертву и еще нечто из священных плодов. Таким путем христианин мало-помалу может подниматься на верх христианских добродетелей.

В качестве посетителей к нему являлись и знатные государственные люди. О. Серафим относился к ним с

должной честью и христианской любовью и, беседуя с ними в таком духе, обращал внимание на важность их сана, поучая их отсюда быть верными св. Православной церкви, своему природному государю и отечеству. Указывая на знаки отличия, украшающие грудь их, он напоминал им о Христе Иисусе, ради спасения нашего распятом на кресте, и говорил, что знаки сии должны служить им живой проповедью об их обязанности: быть всегда готовыми жертвовать всем, даже, если нужно, самой жизнью, для блага родины и Церкви. Более же всего, по нуждам того времени, он умолял их охранять великую, святую, православную католическую Церковь, сильно колеблемую и внешними бедствиями, и суетными мудрствованиями века. «Этого, – говорил он, – ждет от вас народ русский, к тому должна побуждать вас совесть, для сего избрал вас и возвеличил государь, к этому обязывает св. Церковь и Сам Господь Бог, ее Основатель и Хранитель».

В 1825 или 1826 году великий князь Михаил Павлович, посетив (инкогнито) Саровскую обитель, в проезд через Тамбов и Пензу, также заходил к старцу Серафиму и принял от него благословение.

Еще гораздо более являлось к нему простых людей, которые требовали не одних советов, но подчас и помощи. Так однажды прибежал в обитель простой крестьянин с шапкой в руке, с растрепанными волосами, спрашивая в отчаянии у первого встречного инок: «Батюшка! Ты, что ли, о. Серафим?». Ему указали о. Серафима. Бросившись туда, он упал к нему в ноги и убедительно говорил: «Батюшка! У меня украли лошадь, и я теперь без нее совсем нищий; не знаю, чем кормить будущую семью. А говорят, ты угадываешь». О. Серафим, ласково взяв его за голову и приложив к своей, сказал: «Огради себя молчанием и поспеши в *такое-то* (он назвал его) село. Когда будешь подходить к нему, свороти с дороги вправо и пройди задами четыре дома: там ты

увидишь калиточку; войди в нее, отвяжи свою лошадь от колоды и выведи молча». Крестьянин тотчас с верой и радостью побежал обратно, нигде не останавливаясь. После в Сарове был слух, что он действительно отыскал лошадь в показанном месте.

Другой, подобный сему случай, рассказывал о. Павел, инок Саровский.

«Однажды привел я, – говорил он, – к о. Серафиму молодого крестьянина с уздой в руках, плакавшего о потере своих лошадей, и оставил их одних. Через несколько же времени, встретив опять этого крестьянина, я спросил у него: «Ну что? Отыскал ли ты своих лошадей?»

«Как же, батюшка, отыскал», – отвечал крестьянин.

«Где и как?» – спросил я еще его.

А он отвечал: «О. Серафим указал мне, чтобы я шел на торг и там увижу их. Я и вышел, и как раз увидал и взял к себе моих лошадок».

Жена управляющего селом Елизарьевым, находящимся в Ардатовском уезде, Нижегородской губернии, А. И. М. Рассказывала следующий случай прозорливости о. Серафима, принадлежащий настоящему времени:

«Муж мой, Н. К. М., лишившись места управляющего в селе Елизарьеве, вскоре получил такое же место в селе Череватове, Ардатовского же уезда, и здесь жестоко занемог; это было в 1822 году. Зная мою преданность к о. Серафиму и его ко мне благоволение, он послал меня к нему попросить его св. молитв и благословения и спросить: может ли он надеяться на выздоровление, или нет?»

Я отправилась в Саров и по прибытии моем туда нашла, что о. Серафим затворился и никого к себе не принимал. Несмотря на то, я пробралась сквозь множество народа, ожидавшего выхода о. Серафима, к его келье; и вдруг старец Божий, как бы провидя мою крайнюю нужду видеть его, показался в дверях своей кельи и, не обращая внимания на остальной народ, обратился ко мне и сказал: «Дочь Агрипина, подойди ко мне ско-

рее, потому что тебе нужно поспешить домой». Когда я подошла к нему, он, предупреждая слова мои, дал мне св. воды, антидора, красного вина и несколько сухарей и сказал: «Вот, скорее вези это к своему мужу». Потом, взяв мою руку, он положил ее к себе на плечо и, дав осязать бывший на нем большой железный крест, сказал: «Вот, дочь моя, сперва мне было тяжело носить это, но ныне весьма приятно. Спешите же теперь и помните мою тяжесть. Прощай». С этими словами он благословил меня и ушел опять в свою келью, где снова затворился и никого к себе не принимал.

По приезде домой я нашла своего мужа при последних минутах жизни; у него уже отнялся язык. Тогда я вспомнила о кресте старца и поняла, что он предсказывал мне о трауре. Едва дала я, по приказанию о. Серафима, больному красного вина с антидором и потом св. воды, — больной снова заговорил и сказал: «Прости меня, св. отец, в последний раз получаю от тебя благословение». После этих слов он благословил еще детей наших, простился со мной и сказал: «Велики дела о. Серафима!» Лег снова и мирно отошел к Господу».

В это же время снискал доверие о. Серафима помещик села Нуч, стоящего в 6-ти верстах от г. Ардатова, Михаил Васильевич Манторов, с именем которого связаны обстоятельства происхождения Серафимо-Дивеевской общины. Находясь в Лифляндии по обязанности военной службы, он впал в болезнь, свойства которой затруднялись определить лучшие врачи, а потому отступились и от ее лечения. Такие скорбные обстоятельства вынудили его оставить службу и поселиться в имении. Село Нуч находилось от Сарова на расстоянии 40 верст. О. Серафим в то время уже проявлял в себе присутствие дара исцелений; слух об этом ходил по всем окрестностям Сарова; стали советовать Михаилу Васильевичу побывать у Саровского подвижника. Манторов решился просить молитв старца о своем исцелении и был принесен к нему на руках своими

людьми. Увидев его в таком положении, старец Серафим сперва трижды спросил: «Веруешь ли ты несомненно в Бога?» На каждый вопрос Михаил Васильевич отвечал утвердительно: «Несомненно верую». Потом о. Серафим, взяв елей из лампы, висевшей пред образом Божией Матери «Умиление», которую он называл иконой Божией Матери *Радости всех радостей*, помазал больные места – все струпья, покрывавшие тело, тут же мгновенно отпали. Михаил Васильевич, получивши здоровье, без помощи других вышел из кельи о. Серафима. Памятуя всегда об этом благодеянии, Михаил Васильевич Манторов весьма часто бывал в Сарове для посещения о. Серафима, к которому привязан был всей душой. Заметим – это было в 1823 году.

Княгиня А. К. рассказывала о прозорливости о. Серафима следующее обстоятельство: «1824 года 14 сентября я удостоилась быть у о. Серафима и получить от него благословение. Я пришла к нему с той целью, чтобы спросить у него о своем брате, бывшем в военной службе и не уведомлявшем нас о себе около 4-х лет. Еще не успела я сказать ни слова о своем намерении, как старец, предупреждая слова мои, сказал: «Ты много не огорчайся: во всяком роде бывает траур». Когда же начала я говорить ему о своем брате, он отвечал мне: «Об этом-то не могу не сказать, чтобы ты его поминала за упокой». Прозорливость его действительно оправдалась: через три месяца после нашего разговора я получила известие из того полка, где служил брат мой, что его уже нет на свете».

Другой случай прозорливости поведала некая госпожа Н. Н.: В 1825 году в первый раз посетила я с сестрой Саровскую пустынь, с пламенным желанием увидеть старца Серафима и получить от него благословение. Сестра моя первая удостоилась видеть его после утрени и была в восхищении от его ласкового приема. Я же не могла видеть его вместе с нею, потому что не была у заутрени по причине сильной головной боли. По

окончании же обедни отправились мы обе к благочестивому старцу в келью. Дорогой я заметила, что служитель сестры моей нес за нами две бутылки, и любопытствовала спросить у сестры: что такое несет он? Сестра отвечала, что она пожелала, по примеру других посетителей Сарова, принести в дар о. Серафиму немного церковного вина и масла. Я же, не зная об этом прежде и не имея с собой в то время ничего, что бы могла и со своей стороны принести также в дар о. Серафиму, очень опечалилась. Но сестра, видя мое смущение, предложила мне взять одну из этих бутылей и поднести ее старцу от себя. Я очень обрадовалась этому предложению, и таким образом мы пришли в келью о. Серафима. Когда я взглянула на праведного старца, то уже не хотела ни на что более смотреть в его келье. Я не могла свести глаз с его лица, в котором дышала доброта, смирение и святость. Он принял нас, как отец детей, давал нам просфор и красного вина, снимал с себя крест и давал нам целовать его. Сестра подала ему принесенную бутылку церковного вина, и он принял ее очень милостиво и благословил сестру. Потом и я подала ему бутылку с маслом. Старец, взяв ее также милостиво, вдруг сказал мне: «Впредь, если вздумаешь, матушка, что принести мне, то свое принеси», и, заметив, в какое пришла я смущение и замешательство от этих слов, тотчас же прибавил самым кротким тоном: «Я хотел, матушка, сказать тебе, что если ты живешь в деревне, то, верно, там есть и пчелы; так ты велела бы из воску насучить свеч – тогда бы это и было твое». После этого он начал беседовать с нами о пользе душ наших, много говорил о спасительном пути христианском, и каждое слово его запечатлевалось в сердце нашем».

Принимая к себе всех посетителей, сам о. Серафим, однако же, никуда не выходил из кельи и, снявши с уст своих печать молчания, не оставил затвора. Так жил он в течение пятнадцати лет. Но наконец, с благословения Божия, о. Серафим решился выйти из затвора и, не по-

кидая монастыря, посещать пустыню и о Господе трудиться в ней для спасения себя и ближних.

VI.

БЛИЖНЯЯ ПУСТЫНЬ И ПРЕБЫВАНИЕ В НЕЙ О. СЕРАФИМА

О происхождении, рисунке и названии Саровского родника. – Келья о. Дорофея и смерть его. – Изнеможение о. Серафима и совет близких людей. – Сокровенный выход из кельи и значение этого случая. – Явление во сне Пресвятой Богородицы. – Благословение игумена. – Выход из затвора в лес. – Посещение прежней пустыни. – телесные труды старца. – Временное убежище для него. – Устройство новой постоянной кельи. – Название всей этой местности. – Переименование родника. – Времяпровождение о. Серафима. – Распоряжение Тамбовского архиерея, чтобы он причащался в церкви Св. Тайн. – Увеличение его посетителей. – Отзыв о. Нифонта о сем. – Характеристика о. Серафима за это время, написанная его современником. – Прибавление к ней. – Переход к следующей главе.

Верстах в двух от монастыря находился родник с водой. В Саровской обители не знают, кем первоначально вырыт он; существовал же он с давнего времени, еще до поступления о. Серафима в монастырь. В 1825 году он имел следующий вид: бассейн был покрыт накатом из бревен и засыпан землей; вода вытекала из него только одной трубой; вблизи родника на столбике, по-видимому, нарочно устроенном, стояла икона св. апостола и

Евангелиста Иоанна Богослова. По этому обстоятельству родник называли *богословским*. Когда о. Серафим жил еще в дальней пустыне, то хаживал к этому месту и упражнялся близ источника в телесных трудах. Местность родника очень нравилась старцу.

На расстоянии четверти версты от богословского родника, на горке, стояла келья, в которой спасался инок Саровской обители, иеромонах Дорофей. В половине сентября 1825 года благочестивый отшельник переселился в иной, *лучший*, небесный мир, к которому всю жизнь стремилась душа его. Между тем старец Серафим от долговременных подвигов пришел в крайнее изнеможение: со времени стояния на камнях у него не переставали болеть ноги, а к ногам присоединилось еще ощущение сильной боли в голове. Ему советовали для поддержания здоровья иметь движение и пользоваться свежим воздухом. Чувствуя вся необходимость этого совета, о. Серафим стал выходить из кельи своей. Замечателен самый первый выход: он относится к числу сокровенных его подвигов и дел, о которых раз упомянуто было прежде. Наступила весна 1825 года. Уже был Великий пост – время особых подвигов для иноков Саровских. Раз один из братьев обители, по имени Филарет, вставши очень рано утром и совершив свое домашнее правило, вышел из кельи в ограду монастыря. Неожиданно он видит вдали человека, окруженного мраком с совершенной тишиной, который нес в руках какую-то тяжесть.

Кто тут? – вскричал Филарет, сотворив молитву.

– Убогий Серафим, Серафим убогий, – было ответом. – Умолчи, радость моя!

Тогда Филарет подошел к старцу и, по обычаю, принял от него благословение. Тут он увидел, что о. Серафим нес на руках своих значительной величины камень. Он взял его вне монастыря из-под горы, у того места, где церковь св. Иоанна Предтечи. Филарет проследил, куда несет этот камень старец, и заметил, что

о. Серафим положил его возле алтаря соборного храма. В то же время было сообщено об этом казначею о. Исаии. Последствия объяснили дело. Теперь покоятся блаженные останки о. Серафима на том месте, где положен камень. Так-то старец из затвора стремился в могилу, от созерцания Бога, *яко зеркалом в гадании* – к откровенному познанию славы Его. Этот случай был также первым намеком старца на обстоятельства его смерти, о которой он впоследствии яснее предсказывал.

Затем он начал в молитвенном обращении к Богу просить изволения на открытое окончание затвора: ибо никогда ничего не начинал без благословения свыше. 25-го ноября 1825 года, на день памяти святителей Климента, епископа Римского и Петра Александрийского, в сонном видении Матерь Божия в сопровождении святых, явившись о. Серафиму, разрешила ему выйти из затвора и посещать пустынь. В этот же день, встав от сна и сотворив обычное правило, о. Серафим просил у игумена Нифонта и получил совершенно беспрепятственно благословение выходить, по болезни ног, особенно головы, на день в пустынную келью иеромонаха Дорофея. Этот же день был первым, в который старец после затвора открыто вышел опять в лес. С тех пор о. Серафим начал по дням прохаживаться к богословскому источнику и в пустынную келью о. Дорофея.

Во время отсутствия из обители старец посещал иногда прежнюю свою келью, в так называемой дальней пустыне, и молился в ней. Один из важнейших случаев этого посещения был следующий. 9-го декабря 1825 года пришли к нему бывшие в гостинице две Дивеевские сестры: Параскева Степановна и Мария Симеоновна. Как только ударили к заутрене, о. Серафим пошел с ними в лес, а в благовест к поздней литургии они прибыли к богословскому источнику. Сестры заметили, что о. Серафим взял с собой свечи, елей и сухари. Дорогой старец говорил им, что он вот уже много лет не хо-

дил этими местами, с того времени как вошел в затвор. Подошедши к источнику, о. Серафим заметил, что ему предлежат некоторые поделки на этом месте. Наконец пришли они в прежнюю пустынь о. Серафима. Здесь старец, став перед Распятием, которое было у него на стене, сестер поставил: Марья Симеоновну по правую, а Прасковью Степановну по левую сторону, подал в руки им по зажженной свече и около часа молился. Потом он приложился к Распятию и сестрам велел приложиться. Погасили свечи, вышли из кельи и целый день занимались чисткой погреба, который находился около пустыни. Позволительно догадываться, что в этот первый выход в дальнюю пустыню о. Серафим молился о Дивеевской общине и здесь получил первую мысль об устройстве для нее мельницы; ибо после этого, как увидим ниже, он начал деятельно готовить для мельницы материалы.

Летом следующего, 1826 года, по желанию старца богословский родник был возобновлен. Накат, закрывавший бассейн, снят; сделан новый сруб с трубой для стока воды. Около бассейна старец стал теперь заниматься телесными трудами. Собирая в реке Саровке камешки, он выкидывал их на берег и унизывал ими бассейн родника. Устроил здесь для себя гряды, удобрял их мхом, сажал лук и картофель. Старец избрал себе это место потому, что, по болезни, не мог ходить в прежнюю свою келью на шесть верст от монастыря. Даже затруднительно становилось ему после утренних трудов на ногах посещать для отдохновения в полуденное время келью о. Дорофея, которая стояла от родника всего на четверть версты. Для о. Серафима устроен был на берегу горы, подле родника, новый небольшой сруб, вышиной в три аршина, диной в три и шириной в два. Сверху его накрывал скат на одну сторону. Не было в нем ни окон, ни двери. Вход же в этот срубец открыт был земляной со стороны горы, под стенкой. Подлезши под стенку, старец отдыхал в этом убежище по-

сле трудов, скрываясь от полуденного зноя. Потом в 1827 году здесь же, на горке около родника, ему поставили новую келью с дверями, но без окон; внутри ее была печь, сновне сколочены сенцы из досок. В течение 1825-1826 годов старец не ежедневно хаживал к этому месту. А когда устроили ему келью, он начал уже постоянно проводить все дни здесь, в пустыни; вечером возвращался в обитель. Идя в обитель и из обители в обыкновенном белом ветхом холщовом балахоне, в убогой камилавке без крепа, с топором или мотыгой в руках, он носил за плечами суму, грузно наполненную камнями и песком, в котором лежало и св. Евангелие. Некоторые спрашивали: «Для чего он это делает?» Он отвечал словами св. Ефрема Сирина: «Я томлю томящего меня». Место это известно с тех пор под именем *ближней* пустыни о. Серафима, а родник богословский стали называть *колодцем о. Серафима*.

Со времени построения новой кельи, в 1827 году, деятельность и труды о. Серафима постоянно разделены были между двумя местностями: обитель и ближняя пустынь были попеременно его поприщем.

В монастыре он оставался по воскресным и праздничным дням, причащаясь за ранней литургией в больничной церкви св. Тайн. В будни же он почти ежедневно ходил в лес в ближнюю пустынь. В монастыре он проводил ночи. На день же, с четырех, даже с двух часов ночи удалялся в ближнюю пустынь, проводя в ней время до семи или восьми часов пополудни. Число посетителей его весьма увеличилось. Одни дожидались его в монастыре, жажда видеть его, принять благословение и услышать слово назидания. Другие приходили к нему в пустынную келью. Старцу, ослабевшему в силах, было тяжело простирать деятельность свою на огромную массу людей. Чтобы сократить число посетителей, чтобы очень не развлекаться, чтобы не истаивать от трудов собеседования, о. Серафим, в начале поселения в ближней пустыни, причащался св. Тайн, как и во время затвора, в своей келье. Некоторых

стало соблазнять это обстоятельство. Как, в самом деле, старец ходит в пустынь за две с лишком версты от монастыря, а св. Тайн причащается в келье? Но соблазняться нечем было... Старец продолжал причащаться в келье потому собственно, чтобы избегнуть многочисленных посетителей, которых еще не в силах был принимать к себе. Однако же, для предотвращения соблазна немощных в совести, которую вера православная хранит как святыню, от епископа Тамбовского последовало предложение, чтобы старец Серафим сам приходил в церковь для причащения св. Тайн. Услышав о таком распоряжении, он сказал, что не оставит причащаться св. Тайн, хотя бы пришлось для этого ходить на коленях, и распоряжение архиерея принял со смирением. Но, кажется это было распоряжение свыше земной власти с целью – короче сблизить старца с нуждами верующих. Ибо когда о. Серафим стал ходить в больничную церковь к ранней литургии, то число усердствующих к нему возросло до огромной цифры. Старец почти не имел покоя ни в пустыни, ни на дороге, ни в монастыре. Строитель Нифонт, любивший старца Серафима, насчет множества посетителей говаривал, бывало, так: «Когда о. Серафим жил в пустыни (первой и дальней), то закрыл все входы к себе деревьями, чтобы народ не ходил; а теперь стал принимать к себе всех, так что мне до полуночи нет возможности закрыть ворот монастырских».

Умилительно было видеть, как старец, после причастия св. Тайн, возвращался из церкви в свою келью. Он шел в мантии, епитрахили и поручах, как обыкновенно приступал к таинству. Шествие его было медленно от множества толпившегося народа, из среды которого всякий силился, хоть слегка, взглянуть на старца. Но он в это время ни с кем не говорил, никого не благословлял и как бы ни души ни видал вокруг себя: взор его был притуплен долу, а ум погружен внутрь себя. В эти минуты он входил своей душой в размышление о великих благодеяниях Божьих,

явленных людям таинством св. причащения. И благоговев к чудному старцу, никто не смел даже прикоснуться к нему. Пришедши в свою келью, он уже всех усердствующих принимал к себе, благословлял, а желающим предлагал и душеспасительное слово.

Не менее умирительно было видеть этого смиренного седовласого, сгорбленного старца, подпиравшегося мотыгой или топором, в пустыни за рубкой дров, возделыванием гряд, в убогой камилавке, в белом балахоне, с известной уже нам сумой за плечами. Иногда же видали его покрытым выделанной кожей, как бы в подражание тем, о коих писал св. апостол Павел: *скитались в пустынях, в милотях и козых кожах* (Евр. 11, 37).

Но всего более усладительна была его беседа. Ум у о. Серафима был светлый, память твердая, взгляд истинно христианский, сердце для всех доступное, воля непреклонная, дар слова живой и обильный, любовь к труду *никогда не отпадающая*. Речь его была столь действенна, что слушатель получал от нее душевную пользу. Беседы его были исполнены духом смирения, согревали сердце, снимали с очей как бы некоторую завесу, озаряли умы собеседников светом духовного разумения, приводили их в чувство раскаяния и возбуждали решительную перемену к лучшему, невольно покоряли себе волю и сердце других, разливали в них мир и тишину. Как собственные действия свои, так и свои слова старец Серафим основывал на слове Божиим, подтверждая их наиболее местами Нового Завета, на писаниях св. Отцов и на примерах святых, Богу благоудивших. Все сие потому еще имело особенную силу, что прямо прилагалось к потребностям слушателей. По чистоте духа своего он имел дар прозорливости: иным, прежде раскрытия обстоятельств, давал наставления, относившиеся прямо к внутренним чувствам и мыслям сердечным.

Впрочем, старец, украшенный высокой духовной опытностью, наблюдал известные правила в раскрытии пред другими своих благодатных дарований.

Правила сии изложены им в наставлении: *о хранении познанных истин.*

«Не должно, – говорил он, – без нужды другому открывать сердца своего: из тысячи найти можно только одного, который бы сохранил твою тайну. Когда мы сам не сохраним ее в себе, как можем надеяться, что она может быть сохранена другим?»

«С человеком душевным надобно говорить о человеческих вещах; с человеком же, имеющим разум духовный, надобно говорить о небесных».

Исполненные духовной мудростью люди рассуждают о духе какого-либо человека по священному Писанию, смотря, сообразны ли слова его с волей Божией, и по тому делают о нем заключение».

«Когда случится быть среди людей в мире, о духовных вещах говорить не должно, особенно когда в них не примечается и желания к слушанию».

«Надобно в сем случае следовать учению св. Дионисия Ареопагита (о небесн. иерарх. гл. 2): соделавшись сам божествен, божественных вещей познанием и в тайне ума сокрыв святое от непосвященного народа, как единообразное храни: ибо не праведно, как Писание говорит, бросить свиньям жемчужин разума – чистое, световидное и драгоценное благоукрашение (стр. 123, внизу). Надобно содержать в памяти слово Господне: *не бросайте жемчуга вашего пред свиньями, чтоб они не попрали его ногами своими и, обратившись, не растерзали вас* (Мф. 7, 6)».

«А потому всеми мерами должно стараться скрывать в себе сокровище дарований: в противном случае потеряешь и не найдешь. Ибо, по опытному изучению св. Исаака Сирина, лучше помощь от хранения, чем помощь от дел (Сл. 89)».

«Когда же надобность потребует или дело дойдет, то откровенно во славу Божию действовать должно, по слову: *Я прославлю прославляющих Меня* (1 Цар. 2, 30), потому что путь уже открылся».

Таковыми-то правилами духовного рассуждения руководствовался о. Серафим в своем обхождении с другими.

Особенную любовь и почтение о. Серафим имел к тем святителям, которые были ревнителями *Православной* веры Христовой, как-то: Клименту папе Римскому, Иоанну Златоусту, Василию Великому, Григорию Богослову, Афанасию Александрийскому, Кириллу Иерусалимскому, Епифанию Кипрскому, Амвросию Медиоланскому и им подобным, называя их столпами Церкви. Жизнь и подвиги их он приводил в пример твердости и непоколебимости в вере. Убеждал твердо стоять за истину догматов Православной церкви, приводя в пример блаженного Марка Ефесского, явившего непоколебимую ревность в защите Восточно-кафолической веры на соборе во Флоренции. Сам предлагал разные наставления о православии, изъясняя, в чем оно состоит, что оно одно содержит в себе истину Христовой веры в целостности и чистоте, и как надобно защищать его. Любил говорить о святителях отечественной Церкви – Петре, Алексии, Ионе, Филиппе, Димитрии ростовском, Стефане пермском, преподобном Сергии Радонежском и других российских угодниках Божиих, поставляя жизнь их правилом на пути к спасению. Жития святых, описанные в Четьях-минеях, творения многих отцов Церкви так твердо знал, что на память пересказывал из них целые отделения, советуя подражать жизни угодников Божиих и следовать их учению.

Особенным свойством его обхождения и бесед были любовь и смиренномудрие. Кто бы ни был приходивший к нему, бедняк ли в рубище или богач в светлой одежде, с какими бы кто ни приходил нуждами, в каком бы греховном состоянии ни находилась его совесть, он всех лобызал с любовью, всем кланялся до земли и, благословляя, сам целовал руки даже у непосвященных людей. Никого не поражал он жестокими укоризнами или строгими выговорами; ни на кого не возлагал тяжкого бремени, сам неся крест Христов со всеми скорбями.

Говорил он иным и обличения, но кротко, растворяя слово свое смирением и любовью. Старался возбудить голос совести советами, указывал пути спасения и часто так, что слушатель его в первый раз и не понимал, что дело идет о душе его. После же сила слова, орошенного благодатью, непременно производила свое действие. Не выходили от него без действительного наставления ни богатые, ни бедные, ни простые, ни ученые, ни вельможи, ни простолподины: для всех было довольно живой воды, текущей из уст прежнего молчальника, смиренного и убогого старца. Народу, особенно в последние десять лет его жизни, к нему стекалось ежедневно целые тысячи. Ежедневно при многочисленном собрании пришельцев в Саров у него бывало в келье около 2000 человек и более. Он не тяготился и со всяким находил время побеседовать на пользу души. В кратких словах он объяснял каждому то, что ему именно было благопотребно, открывая часто самые сокровенные помыслы обращающихся к нему. Все ощущали его благоприветливую, истинно родственную любовь и ее силу, и потоки слез иногда вырывались и у таких людей, которые имели твердое и окаменелое сердце. Мы не можем забыть в настоящий раз одного весьма поразительного случая.

Приехал в Саров заслуженный генерал-лейтенант Л. Целью его приезда было любопытство. Итак, посмотрев монастырские здания, он хотел уже проститься с монастырем, не получив для души своей никакого духовного дара. Только, против ожидания, встретил он здесь помещика Алексея Неофитовича Прокудина, разговорился с ним. Собеседник предлагал генералу зайти к затворнику старцу Серафиму, но генерал, надменный собою, отказывался и только с трудом уступил убеждениям Прокудина. Как только вступили они в келью, старец Серафим, идя к ним навстречу, поклонился генералу в ноги. Такое смирение поразило гордость Л. Прокудин, заметив, что ему не следует оставаться в келье, вышел в сени, и генерал, украшенный орденами, около получаса беседовал с затворником.

Через несколько минут послышался из кельи старца плач: то плакал генерал, точно дитя малое. Через полчаса раскрылась дверь, и о. Серафим вывел генерала под руки: он продолжал плакать закрыв лицо руками. Ордена и фуражка были забыты им от горести у о. Серафима. Предание говорит, будто ордена свалились у него во время беседы сами собою. О. Серафим вынес все это и ордена надел на фуражку. Впоследствии генерал этот говорил, что он прошел всю Европу, знает множество людей разного рода, но в первый раз в жизни увидел такое смирение, с каким встретил его Саровский затворник, и еще никогда не знал о той прозорливости, по которой старец раскрыл пред ним всю его жизнь до тайных подробностей. Между прочим, когда кресты свалились у него, о. Серафим сказал: «Это потому, что ты получил их незаслуженно».

С особенным усердием заботился старец Серафим о тех, у кого видел расположение к добру: на пути блага он старался утвердить их всеми духовно-христианскими средствами и силами своими. Впрочем, несмотря на любовь ко всем, о. Серафим для некоторых был *тяжеск к видению*: как не подобно было иным житие его и отменны были стези его (Прем. Солом. 2, 15). Но и с не любящими его он был *мирен*, обходился кротко и любовно. Не было замечено, чтобы он какое-либо дело отнес к себе или хвалил себя, но всегда благословлял Господа Бога, говорил: *не нам, Господи, не нам, но имени Твоему дай славу* (Псал. 113, 9). Когда же видел, что приходившие к нему внимали его советам, следовали его наставлениям, то не восхищался этим, как плодом своего дела: «Мы, – говорил он, – должны всякую радость земную от себя удалять, следуя учению Иисуса Христа, Который сказал: *Однако ж тому не радуйтесь, что духи вам повинуются; но радуйтесь тому, что имена ваши написаны на небесах* (Лк. 10, 20).

Кроме дара прозорливости, Господь Бог продолжал являть в старце Серафиме благодать исцеления недугов

и болезней телесных. Так, 11 июня 1827 года исцелена была Александра, жена Нижегородской губернии Ардатовского уезда села Елизарьева дворового человека Варфоломея Тимофеева Лебедева. В то время этой женщине было 22 года, и она имела двух детей. 6 апреля 1826 года, в день сельского праздника, она, возвратившись после литургии из церкви, пообедала и потом вышла за ворота прогуляться с мужем. Вдруг, Бог знает с чего, с нею сделалась дурнота, головокружение; муж едва мог довести ее до сеней. Здесь она упала на пол. С нею началась рвота и ужасные судороги; больная помертвела и впала в совершенное беспамятство. Через полчаса, как бы придя в себя, она начала скрежетать зубами, грызть все, что попадалось, и наконец уснула. Спустя месяц эти болезненные припадки стали повторяться с нею ежедневно, хотя не всякий раз в одинаково сильной степени.

Сначала больную лечил домашний сельский лекарь Афанасий Яковлев, но предпринимаемые им средства не имели никакого успеха. Потом возили Александру на Илевский и Вознесенский железные заводы: там был иностранный доктор; он взялся лечить ее, давал разные медикаменты, но, не видя успеха, отказался от дальнейшего лечения и советовал еще съездить в Выксу, на чугунные заводы. «В Выксе же, по описанию мужа больной, доктор был иностранец *с большой привилегией*». По доброму согласию с управляющим, который принимал участие в больной, выксинский доктор истощил все свое внимание, познания и искусство и наконец дал такой совет: «Теперь вы положитесь на волю Всевышнего, просите у Него помощи и защиты; из людей же никто вас вылечить не может». Такой конец лечения очень опечалил всех и больную поверг в отчаяние.

В ночь на 11 июня 1827 года больная увидела сон. Явилась ей незнакомая женщина, весьма старая, с впалыми глазами, и сказала: «Что ты страждешь и не ищешь себе врача?» Больная испугалась и, положив на себя крестное

знамение, начала читать молитву св. Кресту: *Да воскреснет Бог и расточатся враги его.* Явившаяся отвечала ей: «Не бойся меня: я такой же человек, только теперь не сего света, а из царства мертвых. Встань с одра своего и поспеши скорее в Саровскую обитель к о. Серафиму: он тебя ожидает к себе завтра и исцелит тебя». Больная осмелилась спросить ее: «Кто ты такая и откуда?» Явившаяся отвечала: «Я из Дивеевской общины, первая тамошняя настоятельница Агафия». На другой день утром родные запрягли пару господских лошадей и поехали в Саров. Только больную невозможно было везти шибко: беспрестанно делались с нею обмороки и судороги. Сарова достигла больная уже после поздней литургии, во время трапезы братии. Отец Серафим затворился и никого не принимал, но больная, приблизившись к его келье, едва успела сотворить молитву, как о. Серафим вышел к ней, взял ее за руки и ввел в свою келью. Там он накрыл ее епитрахилью и тихо произнес молитвы к Господу и Пресвятой Богородице; потом он напоил больную св. богоявленской водой, дал ей частицу св. антидора да три сухарика и сказал: «Каждые сутки принимай по сухарю со св. водой да еще: сходи в Дивеево на могилу рабы Божией Агафии, возьми себе земли и сотвори на сем месте, сколько можешь, поклонов: она (Агафия) о тебе сожалеет и желает тебе исцеления». Потом прибавил: «Когда тебе будет скучно, ты помолись Богу и скажи: «Отче Серафиме! Помяни меня на молитве и помолись обо мне грешной, чтобы не впасть мне опять в сию болезнь от супостата и врага Божия». Тогда от болящей недуг отошел ощутительно с великим шумом: она была здорова во все последующее время и невредима. После этого недуга она родила еще четырех сыновей и пять дочерей. Собственноручная запись о сем мужа исцеленной оканчивается следующим последовием: «Имя о. Серафима мы и поднесь в нашем сердце глубоко сохраняем и в каждой панихиде поминаем его со своими родными».

В числе бывших тогда в Сарове являлись к о. Серафиму и такие лица, которым нужно было не одно духовное утешение или врачевство, но и участие в их си́ротстве и бесприютности. Из числа таких посетителей дев и вдовиц еще с 1820 года он посылал в Дивеевскую общину, где начальница принимала их на постоянное жительство для совершения духовных подвигов во спасение души. В течение пяти лет таким образом устроено было несколько человек, имена которых после повстречаются нам. В особенности к о. Серафиму стремились теперь, как пчелы к матке, такие люди, которые, посвятив жизнь свою Господу, искали путей дойти до духовного единения с Ним. Сестры Дивеевской обители имели для этого на своей стороне, так сказать, личное или особенное право. Первоначальница сей обители, умирая, поручила будущую участь их о. Серафиму, бывшему в то время еще иеродиакonom. Старец Пахомий, оставляя мир сей, на него же возлагал попечение о Дивеевской общине. Наконец и сам о. Серафим определил туда несколько лиц. Нужно было теперь исполнить завещания и просьбы: принять в общине живое участие. И о. Серафим очень многое сделал для Дивеевской общины. Труд его для нее, как особенный подвиг жизни, относящийся ко благу ближних, требует особого рассмотрения.

VII.

ОТНОШЕНИЕ СТАРЦА СЕРАФИМА К ДИВЕЕВСКОЙ ОБИТЕЛИ

Об основании Дивеевской общины. – Краткие сведения об основательнице ее и первоначальнице. – Труды ее и построение новой каменной церкви в Дивееве. – Основание Дивеевской

общины. – Судьба ее и умножение членов после смерти первоначальницы. – Влияние Саровских старцев. – Посещение о. Серафима сестрами и священником Дивеевской общины. – Обстоятельства этого события. – Указание нового места для нее. – Устройство мельницы. – Переселение некоторых сестер и первоначальная жизнь их на новом месте. – Приобретение земли в собственность. – Малодушие некоторых сестер. – Число их при кончине старца. – Труды и подвиги сестер. – Новое молитвенное правило о. Серафима для них. – Построение и освящение новых церквей для общины. – Исправление сестрами пономарских обязанностей в церкви. – Правила, заповеданные о. Серафимом относительно служений в общинной церкви и занятий сестер. – Обстоятельства, доказавшие необходимость их исполнения. – Об участии старца в будущем построении собора в общине. – Слитие двух общин в одну после смерти старца. – Взгляд о. Серафима на новоучрежденную общину.

снование Дивеевской общины положила около 1780 года помещица Владимирской губернии Переяславского уезда, вдова полковника *Агафия Симеоновна Мельгунова*. Еще в молодых годах, лишившись мужа, имея при себе одну трехлетнюю дочь, она, в намерении посвятить себя Богу, обошла многие святыя места и в киевском Флоровском монастыре приняла монашество под именем Александры. Странствуя из Киева в Саровскую обитель, она остановилась для отдохновения в двенадцати верстах от нее, в селе Дивееве и, по простоте, села на бревнах неподалеку от тогдашней дивеевской деревянной церкви в честь Святителя и чудотворца Николая. Здесь в немногие минуты сладкой страннической дремоты она увидела Божию Матерь, Которая, внушая ей остаться в этом месте, поручала воздвигнуть и храм в честь Казанской чудотворной иконы Ее. Воспрянув от дремоты и обзрев местность, она отправилась в Саровскую пустынь. Обитель так прилась по сердцу ей, что она непременно осталась

бы спастись в ней, если бы то был женский монастырь. Возвратившись отсюда в село Дивеево, она познакомилась с тамошним достойным священником о. Василием Дертевым, который впоследствии, под именем Варлаама, умер иеромонахом в Саровской пустыни, а на постоянное жительство поселилась в приходском к Дивееву сельце Осиновке, в небольшом домике, построенном на небольшом участке земли, приобретенном ею от владельцев осиновских. Когда же умерла девятилетняя дочь Агафьи Симеоновны и последняя связь ее с миром разорвалась, тогда она, продав свое имение, переселилась на жительство к дивеевскому о. Василию, построила себе на его дворе отдельную келью и подвизалась в ней двадцать лет. Келейные подвиги она проходила втайне пред Отцом Небесным, и в настоящее время они остаются для нас почти в неизвестности. По благословению Саровских старцев она прочитывала ежедневно из Евангелия зачало дневное и святому. Много также посвящала она времени чтению Четьи-миней и духовно-подвижнических сочинений, напр. Иоанна Лествичника, Ефрема Сирина. Молитва Иисусова никогда не сходила с ее уст. По смирению своему, забыв о своем происхождении, звании и богатстве, она исправляла в доме о. Василия добровольно всякие домашние работы. У кого из крестьян одиноких, но многодетных хлеб долго оставался на корню, она тихонько хаживала в поле, сжинала и связывала в снопы. Бедным девицам, вступавшим в брак, своими руками вышивала головные уборы (так называемые сороки) и дарила их, сверх того, полотенцами. В воскресные и праздничные дни, по выходе из храма, останавливаясь с крестьянами, делала им разные наставления. Во время же пребывания своего у о. Василия, она в течение пяти лет, начиная с 1774 или 1775 года, построила на свои средства, вместо бывшей деревянной Никольской церкви, каменный храм в честь Казанской Божией Матери с двумя приделами: один во имя Святителя Николая чудотворца, а другой – первомученика и архидиакона

Стефана. По освящении всех трех престолов, Агафия Симеоновна незадолго до своей кончины решила устроить вблизи Казанской церкви общину.

По совету Саровских старцев, настоятели которой – Пахомий и Исаия – были ее духовными отцами, и с разрешения епархиального владимирского начальства, испрося у гг. Ждановых, поблизости Казанской церкви часть земли в 1300 квадр. сажен, Агафия Симеоновна построила на ней дом с надворным строением и пригласила к сожитию с собой Ардатовского уезда деревни Вертьяновой девицу Евдокию Мартынову, скончавшуюся уже около 1836 года, вотчины г. Баташева крестьянскую вдову Анастасию Кириллову, села Сарминского-Майдана крестьянскую девицу Ульяну Григорьеву и деревни Осиновки крестьянскую же вдову Феклу Кондратьеву. В этом доме она жила с ними до своей кончины, ведя жизнь духовную, по духу и правилам Саровской обители, управляя помянутыми, как они назывались, сестрами с кротостью, пропитывая как себя, так и живущих с ней своими средствами, при помощи благотворительной руки Саровского строителя о. Пахомия. Так положено начало Дивеевской обители, с которой неразрывно связано имя Саровской пустыни и, в частности, старца о. Серафима!

По кончине Агафии Симеоновны приемницей ее по управлению была Анастасия Кирилловна. При ней собралось для общежития из разных мест до 20 мещанских и крестьянских девиц, которыми она управляла по правилам первой начальницы, получая содержание от саровлян же за шитье им свиток, вязанье чулок и прядение ниток. По смерти Кирилловой место начальницы заступила мастера тульского оружейного завода Прокофия Кочулова вдова, *Ксения Михайловна*, старица строгой духовной жизни, которую Саровский игумен Нифонт называл *терпугом духовным*. При ней по 1826 год число сестер, о Боге живущих, умножилось до 40. Некоторые из них присланы были в последние пять лет старцем Серафимом. Саров-

ские старцы – Пахомий и Исаия, выезжая из обители, всегда бывали в Дивееве и, доставляя сестрам общины пособие в пропитании, главнейше укрепляли их своими беседами, своим нравственным влиянием в прохождении избранной ими духовной жизни. О. Серафим, после смерти строителя Пахомия и Исаии, по обещанию, сделанному в последние минуты их жизни, принимал близкое участие в Дивеевской общине, наблюдая и руководствуя сестер ко спасению. В последние же годы своей жизни он принял самое деятельное участие.

С 1825 года к о. Серафиму начали ходить за благословением сперва сестры, а потом и сама добродетельная начальница Дивеевской общины, Ксения Михайловна. Бывал у него и дивеевский священник о. Василий, которого старец Серафим любил и уважал. На прошение о. Василия не оставить общину старец отвечал: «Как нам оставить тех, о коих просила меня, убогого Серафима, матушка Агафия Симеоновна? Ведь она была великая жена, святая; служение ее было неисповедимо, источник слез беспрестанный, молитва к Богу чистейшая, любовь во всем нелицемерная; одежду носила самую простую, и то многорукую; опоясывалась кушаком с узелком. А как идет, бывало, то госпожи великие ведут ее под руки. Столь за жизнь свою была уважаема! Так как же нам презреть ее прошение? Я ведь теперь один остался из тех старцев, коих она просила о неоставлении заведенной ею общины. Так-то и я прошу тебя, батюшко: что от тебя зависит – не оставь их».

В этом году о. Серафим принял решительное участие в общине. Он разделил ее на две части, говоря, что на это есть изволение Господа и Божией Матери. Дело было так. Населенность Дивеевской общины требовала, чтобы распространить ее, но место, ею занимаемое, было столь тесно, что не существовало никакой возможности распространить ни в ту, ни в другую сторону; да и правило, принятое от саровлян, он находил не для всех лиц слабого

женского пола легко исполнимым. Предлагал он начальнице Ксении Михайловне правило это заменить новым, но она не согласилась. Сверх того, он не сочувствовал и тому началу, что девицы жили в одном общении с бывшими в замужестве сестрами. Женщина, проводшая несколько лет приятной жизни в замужестве, могла передавать о том девицам, действуя разрушительно на мирное состояние духа, столь необходимое для точного соблюдения духовных обетов. Другая могла быть в замужестве несчастной и своими рассказами о бедствиях бросала бы несправедливо мрачную тень на богоучрежденное в человеческом роде состояние брачное. Старец замечал еще, что в супружеской жизни женщина часто приобретает такую настойчивость в характере (упрямство), которую трудно после исцелить. Это могло бы, естественно, при взаимном общении передаваться и девицам, поставляя их на пути, противоположном отречению собственной воли, требуемом в Дивееве. «В общежительной обители, – говорил он, – легче справиться с семьей девами, чем с одной вдовой». По всем этим причинам он считал полезнее для обители разделить ее на две половины так, чтобы в одной спасались бывшие в замужестве, в другой – чистые девы, хотя бы начальство и руководство у обеих было одно и общее. При чем в воображении его носился пример суздальского женского Богородицкого монастыря, устроенного в XII веке. В нем именно было два отделения, из которых в одном жили посвятившие себя Богу девы, в другом, отделенном от них оградой, – вдовы. Тем и другим воспрещено было входить между собой в разговоры. «И нигде же не было, – замечает писатель жития преп. Ефросинии, – такого монастыря по всей великой России по устройению благочиния и покоя от труда черноризцам, ниже таких изрядных и трудополезных, как в посте просиявших черноризиц, не обретал никаможе, как эти трудоположницы, ибо это основание жития постнического и образ желающим чернечествовать». Имея такие основания, о. Се-

рафим так и оставил существовавшую Дивеевскую обитель на прежнем месте и в прежнем виде. Сам же начал прилежно молить Господа и Пречистую Матерь указать для устройства обители другое место, более просторное, и Царица Небесная, вняв его молитве, Сама избрала для сего место саженьях в ста, или с небольшим, от прежней обители и Казанской церкви. В 1823 году Михаил Васильевич Манторов, после исцеления от болезни по молитвам о. Серафима и при участии его собственной веры полученного, прибыл во второй раз в Саровскую обитель. Старец, благословив его и сделав духовное назидание, дал ему, отпуская от себя, дубовый вытесанный колышек с таким приказанием: «Когда ты поедешь домой, остановись в Дивееве, подойди к среднему окну алтаря Казанской церкви и посмотри в поле: ты увидишь межевик и ступай по направлению до поляны, которая находится в конце его. Взошедши же на поляну, ты найди середину ее и вбей тут вот этот колышек, заметив для памяти его признаки». Когда г. Манторов был и на следующий год в Сарове, о. Серафим дал ему уже четыре обтесанных колышка и велел их поставить на той же поляне так, чтобы прежний кол приходился в середине. Михаил Васильевич исполнил, как приказывал о. Серафим, не понимая, что из этого должно выйти. Но теперь понятно, что старец еще за два года до решительного участия в общине имел мысль устроить мельницу и при ней образовать особое отделение Дивеевской общины.

Земля, на которой о. Серафим наметил новое помещение общины, принадлежала наследникам г. Баташева. Господь устроил так, что около этого времени одна из наследствующих особо, Вера Андреевна Постникова, урожденная Баташева, посетив Саров, была у о. Серафима. Старец просил у нее эту землю, и Вера Андреевна с любовью уступила ее, обещаясь взять на свою долю этот участок. Только она забыла заявить о сем в главной конторе, от ведения которой земля зависела.

Приобретя таким образом и землю, о. Серафим, после известной нам молитвы, совершенной с сестрами в дальней пустыни, 9 декабря 1825 года, в день Зачатия Пресвятой Богородицы, получил решимость и укрепился духом приступить к делу. В остальные дни 1825 и во весь почти 1826 год он сам готовил столбы и лес для мельницы, которую, по примеру Алексеевской общины, он хотел устроить и для общины Дивеевской. От настоятеля Сарова о. Нифонта было позволено пользоваться для сего дела саровским лесом. В заготовке леса помогали о. Серафиму сестры Дивеевской общины. О. Серафим устроил в келье дальней своей пустыни печь, чтобы здесь зимой тепло было отдыхать после трудов. В день Зачатия Божией Матери, 9 декабря 1826 года, ровно через год после молитвенного начала дела, в первый раз были привезены на саровских лошадях столбы и бревна к месту, предызбранному для нового поселения сестер Дивеевских. После сего и самим сестрам дано было благословение вывозить саровский лес для мельницы.

Ближайший помощник А.Н. Прокудин, имевший веру и уважение к о. Серафиму, прислал мельничного мастера и 12 человек плотников, которыми мельница построена в скорое время. Весной 1827 года начали строить, а летом 7 июля, накануне праздника Казанской Божией Матери, она замолола. [...]

Постникова вспомнила словесное обещание, сказав: «Да, у меня просил о. Серафим земли в Дивееве, и я обещала ему дать. Беру этот участок на себя, когда последует раздел имения». Распоряжение ее о пожертвовании сей земли было доставлено в общину на бумаге. Когда уведомили о сем о. Серафима, он пришел в такое восхищение и радость, которых на словах нельзя передать. Случился в то время в Сарове г. Манторов... О. Серафим послал через него к сестрам в Дивеево кадочку меда, и сестры, обозначивши вместе с посланным от конторы приказчиком между своих владений, вкуша-

ли этот мед с мягким хлебом вместе с начальницей, Ксенией Михайловной и дивеевским священником. Сестра Елена Васильевна Манторова написала генеральше Постниковой в искренних выражениях благодарное письмо от имени Дивеевских сестер и о. Серафима; причем, старец в благословение послал ей своих сухариков. Это было в 1830 году.

Трапезная сестра Мария Ивановна, по своему послушанию, пошла однажды весной того же года в погреб рано утром. Прочие сестры спали еще. Идя к погребу, вдруг увидела она горящую свечу, которая воткнута была в землю позади кельи. В испуге сестра прибежала в келью, разбудила спавших... Все бросились с замиранием сердца к тому месту, где горел таинственный огонь. В неописанной радости все вскочили, чтобы бежать туда, — но его уже не было. И это явление было ничто иное, как видение. Поутру, когда рассвело, сестры нашли, что земля у этого места была вскопана. Это случилось перед днем Св. Троицы. С того времени старец благословил сестрам рыть в три аршина канавку около того места, где было видение, и они, занимаясь этим ровно три года, оградили себя со всех сторон окопом и внутри его валом, на котором, по его благословению, насадили крыжовник.

По неудобствам жизни в общине некоторые из сестер впали в малодушие и хотели переселиться куда-нибудь в другое место. Одна из них, Ксения Ильинична, имея это на уме, пришла к о. Серафиму просить благословения. Старец, не дав ей высказать своих намерений, отечески уговаривал ее в течение восьми часов, и сестра, успокоившись от искусительных помыслов, осталась навсегда в обители. Другая сестра, Параскева Ивановна, решившись отправиться в мир, не хотела и сказываться о том о. Серафиму. Неожиданно старец сам присылает за ней. Сестра пришла к нему в смущении. О. Серафим начал ей рассказывать о своей монастыр-

ской жизни и несколько раз повторял следующую мысль: «Я, матушка, всю монастырскую жизнь прошел и никогда, даже мыслью, не выходил из монастыря». Этой беседой, мудро направленной к сердцу сестры, он уврачевал душевный недуг, тяжело ее мучивший, так что по окончании беседы она чувствовала, точно больной член отняли у нее, – и успокоилась.

Удерживая малодушных сестер, о. Серафим увеличивал население мельничной общины новыми членами. На другой же год, после построения мельницы, он начал присылать для жительства в эту общину многих новых девиц, а вдовых женщин отсылал в прежнюю общину, к начальнице Ксении Михайловне.

Одна госпожа Е. М. З. еще при жизни мужа, служившего на Златоустовских заводах, просила у о. Серафима благословения поступить в Дивеевскую общину для спасения души. Старец отвечал ей: «Нет, матушка, погоди, сперва поживи с мужем; а когда он умрет, тогда еще лет десяток потрудишься для своих церквей просфирнею – и мужа-то тогда избавишь от муки». Но она возразила против этого: «Еще неизвестно, батюшка, кто из нас прежде умрет: муж мой или я?» – «Нет, матушка, – отвечал старец, – муж твой годика через три умрет». Умерший через три года муж оставил после себя большой долг, который она весь выплатила и тем, можно полагать, избавила его от муки. После того она была просфирнею для двух церквей и наконец решилась вторично просить у о. Серафима благословения для вступления в Дивеевскую общину. Старец и на этот раз не благословил ее, а велел пожить в мире. Когда же она сказала, что ей приходится жить в кругу молодых людей, то о. Серафим, коснувшись ее своей рукой, сказал: «Господь милостив! Хоть молодые люди и будут тебя прельщать, но тебе и на мысль не придет ничего дурного». Таким образом она оставалась просфирнею около 10 лет, проходила послушание это с усердием, а по

окончании десятилетнего срока действительно вступила в Дивеевскую общину.

Некоторые посвящали свою жизнь Богу в Дивеевской общине из благодарности за исцеление, полученное через о. Серафима. Нижегородской губернии деревни Погибловой одиннадцатилетняя девочка, сирота В. К. во время свадьбы родного своего брата совершенно неожиданно и без всякой видимой причины упала в верхних воротах двора и лежала в бесчувственном состоянии. Одна посторонняя женщина той же деревни, из жалости, взяла больную к себе в дом. В девочке открылась сильная внутренняя боль с онемением и окаменением живота. В течение двух лет припадки болезни усилились и повторялись часто. Раз, к светлому празднику Пасхи, больную В. К. взяли в Саров к батюшке о. Серафиму. Когда старец, находясь у своей кельи, благословлял народ, подошла и она в толпе. О. Серафим взял ее за руку, ввел к себе в келью, положил свои руки на ее голову, потом помазал ее елеем из лампы – и больная с тех пор получила выздоровление. Когда исполнилось ей семнадцать лет, она поступила в Дивеевскую обитель.

Еще одна особа, Е. Н., страдала два года, не имея свободного владения ни руками, ни ногами, и наконец была привезена к о. Серафиму на излечение. Старец в то время трудился на сенокосе вместе с сестрами Прасковьей Ивановой и Ириной Васильевой, на пользу общины. Завидев издали больную, которую с трудом вели другие, о. Серафим стал манить ее к себе, чтобы шла скорее, а когда она приблизилась, старец, ни слова не говоря, дал ей в руки грабли и заставил сено убирать. Больная тут же почувствовала укрепление в ногах и руках и потому стала работать, как здоровая. Бывшие тут сестры, не зная еще о возвращении к ней здоровья, скорбели в душе, выговаривая ей: «Зачем она, такая больная, притащилась к ним на работу?» Но старец, уразумев духом мысли их, сказал: «Вы примите ее в Дивеево, к себе: она будет вам прясть и

ткать». Затем о. Серафим, покормив ее обедом за труды, отправил домой. Увидев себя дома совершенно здоровой, Е. Н. вступила в Дивеевскую общину и с тех пор доселе пребывает в ней, наслаждаясь здоровьем.

Некоторых же о. Серафим, по своей прозорливости, с малолетства их предназначал и в духе сего предназначения руководствовал к поступлению в Дивеевскую обитель. Из числа таких была сестра Анастасия Пр. «В первый раз была я, — рассказывала она впоследствии, — у старца Серафима еще малолетней, вместе с моими родителями и с начальницей Дивеевской общины Ксенией Михайловной. Мать моя давно уже желала видеть отца Серафима, и мы все шли к нему с полной верой. Когда подошли к его келье, народа еще не было, и сотворили по обыкновению молитву Иисусову. Батюшка тотчас отворил нам дверь. Он одет был в белый балахончик, и лицо его казалось необыкновенно светлым. Она сказал нам: «Пожалуйте сюда!» — и велел приложиться к образу Божией Матери, стоявшему на столе. Потом мы все поклонились ему в ноги, и он, благословив нас и дав приложиться к Распятию, которое висело на груди его, сказал нам: «Господь, иже везде сый и вся исполняй, и вас милостью Своей не оставит. Пророк сказал: «Не видел я праведника оставленным и потомков его, просящих хлеба». После того дал нам сам по частице антидора с церковным вином и положил матушке в платок несколько сухариков. Наконец еще раз благословил и сказал: «Грядите с миром».

Во второй раз я была у него семи лет от роду, с матерью и Дивеевской начальницей Ириной Прокопьевной.

Он также благословил нас всех и приказал приложиться к образу Божией Матери; а как я не могла достать образа, стоявшего на столе, то он сам поднял меня и дал приложиться к Царице Небесной; а затем взял мою руку, вложил ее в руку Ирины Прокопьевны и начал матери моей говорить о пророке Самуиле и другие притчи, и спросил ее: «Понимаете ли вы, матушка?»

Она отвечала: «Не могу, батюшка, понять». Тогда он благословил нас всех и отпустил домой. Мать моя, возвратясь в квартиру, подумала, что все это клонится к близкой моей смерти, и проплакала всю ночь. Поутру же она опять отправилась со мной к отцу Серафиму, не решаясь уехать, не простившись с ним. Едва только он отворил нам дверь, и мы поклонились ему, как, еще не благословляя нас, положил на уста матери моей свою ручку и сказал: «Не к тому, не к тому, матушка, не унывай». И тут же дал ей приложиться ко Кресту, бывшему на нем. После того мать моя совершенно успокоилась.

Когда же мне наступил 12-й год и мы пришли опять к о. Серафиму, он спросил мать мою, указывая на меня: «Много ли ей лет?» Та отвечала: «Двенадцатый год, батюшка». Мать возразила на это, что я еще молода; а Серафим отвечал ей: «Ты, матушка, поищи вдову и поклонись ей, чтобы она взяла ее за сына; она ее и возьмет». Маменька улыбнулась и подумала, что он действительно прямо говорит ей про будущего моего жениха. А он продолжал: «По двенадцатым праздникам шей ей, матушка, обновки: белое платье и красненькие башмачки, а в полуночный-то час вставай сама молиться и мужа-то возбуждай, а ее не возбуждай. Когда она возмужает и укрепитя силой и духом, тогда будет и сама мужественная к подвигу». И с тех пор всегда, когда бы мы ни приходили к нему, он все поминал о вдове.

Когда же исполнилось мне 16 лет от роду, тогда он прямо сказал родителям моим об мне, что «ей дорога в Дивеево, в мою обитель, к сиротам» и два года сряду после того посылал за мной из обители сестру Анну Петровну, и каждый раз, как мы бывали у него (что случалось раза три в год), он все говорил мне: «Успение тебя ждет, и тебе нет дороги, матушка, жить у родителей: тебя Божия Матерь семи лет избрала, а они держат тебя у себя» – это говорил он о родителях моих. Отца моего также просил, чтобы мы непременно поставили себе келью на каменном

фундаменте и чтобы нам жить в ней только четверем человекам, не более, «а крышу-то, — говорил он, обращаясь ко мне, — ты сама, матушка, накрой и крепко приколоты гвоздями». Раз я сказала ему, что мне жалко расстаться с сестрой, а он мне отвечал: «Так мы и ее возьмем сюда». Тогда я начала жалеть родителей, что им без нас обеих еще больше будет печали. И вот, когда я была у него в другой раз, он, между прочим, сказал: «А про сестру-то, что мы говорили? Мнится мне, лучше оставить ее покуда у родителей: пусть поживет в утешение их», и, подавая мне просфору для передачи ей, прибавил: «Скажи ей, матушка, что это тебе прислал убогий Серафим». С тех пор мы не так уже стали жалеть друг друга, как это бывало прежде. Когда же принесли к нему трехлетнего брата моего, Ивана, он взял его из рук няньки и, подавая мне, спросил: «У вас есть сад?» Я отвечала ему: «Есть». Тогда он сказал: «Ты, матушка, носи его по саду и говори все: *Господи помилуй, Господи помилуй, Господи помилуй!* Он возмужает и будет сокровище наше вожделенное; а корми-то его сама, из своих рук».

Однажды, когда я была у него в пустыньке, он послал меня к источнику с тем, чтобы я напилась и умылась из него, говоря, что этот источник исцеляет болезни; потом, показывая на окрестную землю, в ту сторону, где Дивеево, сказал: «Это место выбрала вам сама Царица Небесная, и никто не может отнять его у вас. Вот я вам сделаю шалашик, а вы и будете ходить около него да сено убирать, да тут и отдыхать. И хлеба-то, и картофеля-то будет у вас много, и церкви-то свои будут, и устав-то церковный будет так, как и в Сарове, как передали его нам святые Отцы. Царица Небесная вам во всем поможет, и я, убогий Серафим, всегда за вас колени преклоняю и за родителей и за сродников ваших.

Наконец, когда он стал решительно просить мать мою, чтобы скорее поставили мне келью и отпустили меня в Дивеево, мать заплакала и сказала: «Теперь мы ее

отпустим, батюшка, с надеждою на вас; а если вас не будет, то, может быть, они все разойдутся». На это он отвечал ей: «Нет, матушка, и до меня были отец Пахомий и отец Исаия, которые пеклись о них; теперь я, убогий, пекусь, а после меня Царица Небесная о них попечется».

Посылая меня в обитель, он рассказал мне, между прочим, житие преподобной Макрины и прибавил: «Вот, матушка, она сама пошла в монастырь и брата своего, Василия, увещевала. Он был столп Церкви; а когда был в учении и возгордился против сестры Макрины, она своим целомудрием привела его в смирение».

Сестры, поступившие в общину, вели жизнь строгую, занимались физическими трудами и духовными подвигами. Для трудов, превышающих женские силы, при монастыре находился еще старец-работник. В первой обители, со времен первоначальницы, сестры держали правила саровских иноков. О. Серафим, найдя это правило для женского пола трудным, дал им свое повседневное правило, которое имеет следующий порядок:

Молитвами святых отец наших, Господи Иисусе Христе, боже наш, помилуй нас. Аминь Царю Небесный: Святый Боже (трижды). Слава и ныне. Пресвятая Троице. Господи помилуй (трижды). Слава и ныне. Отче наш. Господи помилуй 12. Слава и ныне. Придите поклонимся (трижды). Псалом 50-й: Помилуй мя Боже. Верую во единого Бога. Тоже 12 псалмов избранных; начиная: Господь просвещение мое. Помянник: помяни Господи Иисусе Христе Боже наш. Потом поучение из Пролога, краткое повседневное поучение; Великим постом читать Ефрема Сирина. На страстной седмице – о страданиях Господа нашего Иисуса Христа, из разных книг. Сто поклонов поясных, с молитвой: Господи Иисусе Христе Боже наш, помилуй нас. Сто поклонов Владычице моя, Пресвятая Богородице, спаси нас грешных.

Достойно есть. Отче наш (трижды). Богородице Дево (трижды). Верую во единого Бога (однажды). Господи

Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешную (дважды). Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй нас грешных (однажды). Господи Иисусе Христе, Госпожою Девкою Мариею Богородицею помилуй мя грешную (дважды). Господи Иисусе Христе, Госпожою Девкою Мариею Богородицею помилуй нас грешных, 12 поклонов; с молитвой: Господи Иисусе Христе, Боже наш, помилуй нас, 12 поклонов; также с молитвой: Владычице моя, Пресвятая Богородице, спаси нас грешных 12. Потом молятся и поминают о здравии и об упокоении благодетелей общины и за всех православных христиан. Во всех прочих случаях сестры Дивеевской общины также находились в послушании отца Серафима; без его благословения ничего не начинали; и если которая из них хотела на время отлучиться из обители, то пред выходом и по возвращении в обитель являлась на благословение к старцу. Известен по этому случаю следующий рассказ о прозорливости старца, поведенный сестрой Евдокией глухенькой.

«У меня была замужняя сестра, которая жила в селе Аламасове. Однажды, заболев, она пожелала, чтобы я навестила ее в болезни. Я тотчас же и отправилась к начальнице Ксении Михайловне, попросить у нее благословения на дорогу; но начальница сказала мне, чтобы я предварительно сходила к отцу Серафиму и сделала бы так, как он благословит.

Я отправилась, но дорогой смутилась и долго рассуждала сама с собой: идти ли мне к отцу Серафиму или нет? Ну, а если он не благословит? И наконец решила лучше не заходить к нему, а прямо отправиться к сестре. А чтобы хотя несколько успокоить мучившую меня совесть, я упала на землю, мысленно поцеловала руки и ноги о. Серафима и приложилась к медному его Распятию, которое он всегда носил на груди своей. Я вообразила себе при этом, что он, по обыкновению, благословил меня и дал мне на дорогу сухариков. Успокоив таким образом себя, я отправилась к сестре, в село Аламасово.

Пробыв у нее довольно долгое время и оставив ее в лучшем состоянии, я возвращалась в свою обитель в самом тревожном состоянии духа, потому что ушла без благословения, самовольно. Но лишь только вступила в ворота обительские, как встретила меня из наших сестер Екатерина Егоровна и сообщила мне, что она во время моего отсутствия дважды была у отца Серафима и что каждый раз он говорил ей обо мне. В первый раз он сказал: «У меня вот пред тобою была Евдокия глухенькая; она просилась в село Аламасово, к больной своей сестре, кланяясь мне до земли, целовала мне руки и ноги и прикладывалась к медному Кресту моему; я благословил ее идти и дал ей на дорогу сухариков». Во второй раз он только наперед спросил: «Что, матушка, Евдокия глухенькая возвратилась ли из Аламасова?» – и потом продолжал то же самое, что говорил в первый раз: «Она была у меня в такой-то день и час и пр., и я благословил ее идти». При этом рассказе я не могла не заплакать, как от сознания вины своей, так и от радости, что нашла в о. Серафиме такое благорасположение ко мне, грешной, и такой дар прозорливости».

До 1829 года живущие на мельнице сестры ходили к богослужению в храм Казанской Божией Матери, построенный инокиней Александрой. Материалы же на сооружение особого храма для сестер, живших на мельнице, по благословению о. Серафима, заготавливаемы были еще с 1827 года. Строителем нового храма были Михаил Васильевич Манторов и его сестра, Елена Васильевна, по благословению о. Серафима бывшая начальницей новозаведенной общины при мельнице. Г. Манторов, как сказано выше, был исцелен молитвами о. Серафима от неизлечимой болезни и в знак признательности решился продать все свое небольшое имение в селе Нуче, в 25 верстах от Дивеева, чтобы построить на вырученные деньги церковь для общины. Побуждением к устройению новой церкви были два обстоятельства: увеличение общества сестер и

теснота в Казанской церкви, которая была приходской в Дивееве. По благословию преосвященного Афанасия, епископа Нижегородского, испрошенному о. Серафимом через посредство других, в 1828 году начали строить, а в следующем году совершенно окончили строением новый храм по плану, предварительно одобренному в строительном комитете. Храм этот поставлен в связи с колокольной Казанской церкви с западной стороны, строением каменный, и имел два этажа. 6-го августа 1829 года освящен был престол в верхней церкви во имя Рождества Христова, а 8 сентября 1830 года освящен престол в нижней церкви в честь Рождества Богородицы. Нижегородского Благовещенского монастыря архимандрит Иоаким, освящавший обе церкви, в последний случай завернул в Саров и был в пустынной келье у о. Серафима. К этому времени в переднем углу кельи вырос из-под пола малиновый куст, на котором созрели три ягоды. Ими о. Серафим угостил архимандрита Иоакима, благодаря его за труды по освящении церкви. Храм этот доселе существует; в нем отправляются ранние литургии и совершается денно-нощное чтение Псалтири. Пред местной иконой Христа Спасителя горит неугасимая свеча, а пред иконой Рождества Богородицы теплится неугасимая лампада, по завещанию о. Серафима. За колоколами для этой церкви о. Серафим посылал нарочно на нижегородскую ярмарку, за освященными сосудами – в Москву, давши ни них свои деньги. Другой прибор он дал церковнице Ксении Васильевне из своих рук, третий – прислала из Москвы княгиня Голицына еще до освящения церкви. Некоторые вещи, к священническому облачению принадлежащие, о. Серафим передал в общинную церковь через священника о. Василия Садовского. Таким образом, устроив храм, о. Серафим снабдил его и вещами, при священнослужении необходимыми. Кроме того, в разное время присланы были от него в благословение обители следующие иконы: 1) небольшой образ Казанской Божьей Матери, 2) средней величины образ пре-

подобного Сергия, Радонежского чудотворца, 3) образ преп. Кирилла и Марии и 4) складни в серебряной ризе, с изображением Спасителя, Божией Матери, св. Иоанна Предтечи и некоторых других угодников Божиих. Все сии иконы сохраняются в обители даже до сего дня.

При освящении Христорождественской церкви о. Серафим благословил служить в ней каждый день в течение шести недель приходским священникам о. Василию Садовскому и о. Иоанну Дертеву, по очереди*. Так как сестры общины были девицы, посвящавшие себя на служение Богу, так как они и правило держали монастырское, то, по монастырскому уставу, и клиросную службу они правили сами, не приглашая причетников Казанской церкви, по наставлению о. Серафима. Благочестивая храмоздательница Елена Васильевна Мантова и ее послушница Ксения Васильевна и Параскева Ивановна исправляли пономарскую должность в алтаре. Клиросные сестры, умевшие читать и петь, сначала пели понаслышке, потом научены были священником о. Василием Садовским простому обиходному пению; наконец Саровские отцы Назарий и Корнилий выучили их петь на гласы, по саровскому напеву. По нотам же пели они *параклисис* Пресвятой Богородице.

Отец Серафим завещал, через о. Василия Садовского, для мельничной общины следующие правила: 1) в приделах во имя Рождества Христова и Рождества Божией Матери служить неопустительно во все воскресные дни и двенадесятые праздники. Иногда же в субботы и прочие дни, смотря по нужде, по желанию благотворителей, по случаю поминовения умерших из сестер; 2) по воскресным дням перед литургией петь непременно параклисис Богородице и канон, весь нараспев: «За это, — прибавил он, — вас никакие беды не постигнут; а если оставите исполнять это, без беды беду наживете»;

---

* Причт при Казанской церкви двухштатный.

3) ежедневно читать Псалтирь в церкви 12 сестрам, переменяясь через каждые два часа, и читать вслух непременно, как сказано: *слуху моему даси радость и веселие; «сами ангелы радуются, – прибавлял он, – слыша чтение Псалтири»*»; чтение Псалтири совершать во весь год, кроме Пасхи; при деннонощном чтении Псалтири завещал поминать о здравии царствующий Дом и благодетелей и за упокой усопших православных царей и благодетелей; 4) сестрам Дивеевским всем неопустительно говеть, исповедываться и причащаться св. Тайн во все четыре поста, некоторым же, по желанию, во все двенадцатые праздники; 5) на клиросах петь и читать сестрам; 6) ризницу хранить и сберегать все вообще церковное имущество, а равно пономарскую должность править церковницам, т.е. избранным благоговейным сестрам; 7) перед св. иконой Спасителя гореть неугасимой свече, а перед образом Матери Божией – лампаде.

В указании занятий, кроме работ мельничных, старец завещал труды и рукоделья, наиболее свойственные простому классу людей. А рисования, золотошвеня и другие работы, требующие углубления ума и относящиеся к искусствам, он не хотел допускать. Всегда верный своему началу, он основывал такое завещание на правилах св. Василия Великого и Григория Богослова, которые внушали в монастыре заниматься лишь такими предметами, которые удовлетворяют монастырским потребам. Но при всех занятиях о. Серафим советовал строго держаться правила: «дело в руках, а молитва в устах».

Все эти уставы и завещания о. Серафима свято исполняли начальницы и сестры Дивеевской общины. Уклонения же от них влекли за собой весьма неприятные последствия для обители. Так, мы знаем уже завещание о. Серафима, чтобы в созданном им храме Рождества Христова читалась всегда Псалтирь, по обычаю неусыпаемых, перед иконой Спасителя горела неугасимая свеча, а перед образом Божией Матери – лампада, и что

если это будет в точности исполняться, община не потерпит ни нужды, ни беды, и масло на эту потребность никогда не оскудеет. И точно, Ангел мира охранял обитель, пока соблюдалось это завещание, с особенной силой и условием данное. Но в один день церковница Ксения Васильевна, бывшая в послушании у Елены Васильевны Манторовой, по благодати Божией и доньине пребывающая в живых, выжила, сколько было, последнее масло в лампаду, и откуда получить его более – не предвиделось. Это было во время богослужения. Когда все вышли из храма, она, приблизившись к иконе, увидела, что масло все выгорело и лампада потухла. С горестными чувствами она отошла от лампы и, вспомнив невольно завещание о. Серафима, подумала: «Если так несправедливыми оказались слова о. Серафима, потому что для лампы нет теперь ни масла, ни денег, то, может быть, и во всех других случаях не сбудутся его предсказания, исполнения которых мы несомненно ожидали». Тысячи сомнений волновали душу сестры, и вера в прозорливость старца начала отступать. В столь неприятном расположении духа Ксения Васильевна, закрыв лицо руками, на несколько шагов отступила от иконы Спасителя. Вдруг слышит треск... Восклонив голову, она увидела, что лампада загорелась; подошла ближе к ней и заметила, что стакан лампы полон масла и по нему плавали две мелкие ассигнации. В смятении духа она заперла церковь и спешила поведать дивное видение старице своей Елене Васильевне. На пути ее застигла одна сестра, с которой был крестьянин, искавший церковницы и что-то желавший передать ей. Крестьянин этот, увидев Ксению Васильевну, спросил:

– Вы, матушка, здесь церковница?

– Я, – отвечала сестра Ксения. – А что тебе нужно?

– Да вот, батюшка о. Серафим завещал вам о неугасимой лампаде, так я принес тебе 300 р. ассигн. денег на масло для лампы, чтобы она горела за упокой родителей моих.

При сем он назвал имена усопших родителей своих и подал деньги.

Сомнения сестры в прозорливости старца и в истинности его завещания тотчас рассеялись: она устыдилась их и поскорбела о своем неверии.

Впоследствии, когда в Дивееве выстроен был новый храм, церковь о. Серафима заперли, Псалтирь вынесли из нее, свеча и лампада не горели. Обитель после этого случая потерпела много искушений, и между ее подвижницами существует убеждение, что Господь попустил это за несохранение уставов о. Серафима. Отступление это было следствием вмешательства в управление Дивеевской обителью стороннего лица.

В настоящее время, помощью Божией и по молитвам о. Серафима, уставы его опять приведены в действие: в церкви по-прежнему горят неугасимо свеча и лампада.

Не ограничиваясь данными завещаниями и простирая виды гораздо далее, о. Серафим при жизни своей приготовил место для построения собора. Он предсказал сестрам о построении его и о разных других обстоятельствах обители. Раз пришла к нему Дивеевская старица Матрена, посещавшая серафимову пустынь едва ли не чаще других сестер. Она вместо своего одеяния, какое носили жительницы обители, оделась в убогое рубище странницы, во избежание осуждений и упреков, что часто уже сестры беспокоят старца. О. Серафим, как бы не узнавая ее, прежде всего спрашивал: «Кто ты такая, матушка, и откуда?» Когда же она назвала себя Дивеевской Матреной, старец отрицался от нее, будто никогда не видал ее и в первый раз слышит, что она из Дивеева. Огорченная поступком, что пришла не в своем платье, старица упала о. Серафиму в ноги и горько зарыдала, как от раскаяния, так и от мысли, что незачем ей и жить теперь, когда о. Серафим отказывается от нее. Старец же, как самый нежный отец, поднял ее говоря: «Встань, радость моя, встань: я знаю, кто пришел ко мне». Потом, помолчав, спросил: «Что из трех лучше:

утешение ли, молитва или беседа?» Не переставая все плакать, старица ответствовала: «Молитва, батюшка, полезнее всего»; а он на это сказал: «Ты, матушка, благоразумно отвечаешь». Затем он начал говорить ей в утешение, чтобы ни в каком случае она не оставляла обители, даже и тогда, как его на свете не будет. «Нам, матушка, сама Царица Небесная пожаловала землю, на которой живете вы. Матерь Божия ходатайствовала ее у Господа, а я, убогий Серафим, выпросил ее у Царицы Небесной – так никто ее у нас не отнимет. *У нас, матушка, и свой собор будет.* На нашей земле и свои стада будут, и овечки, и волна. Что нам, матушка, унывать? Все у нас будет свое. Сестры будут и пахать, и хлеб сеять; а ты, как полная хозяйка, отрежь хлеба, сколько тебе угодно, посоли, да и кушай себе на здоровье. К нам придут и вдовицы, и отроковиц приведут с собой. Но мы, матушка, особенных чувств от вдовиц. Девица услаждается только сладчайшим Иисусом, Его созерцает в страданиях и, вся свободная духом, предается служению Богу; а у вдовицы – все воспоминание мирское: «Как хорош был покойник-то наш! – говорят они. – Какой он был добрый человек!» Старица Матрена, утешенная и получив благословение, воротилась домой.

Между тем о. Серафим, помышляя о построении собора, удобным для сего нашел место недалеко от Казанской церкви, на середине между старой и новой обителями, принадлежащее помещику Е.И. Жданову. Этот господин после смерти родителей оставался тогда старшим в своем семействе, один полновластно заведывал всеми делами, а дела его были в очень расстроенном состоянии. По глубокому уважению к о. Серафиму он душевно желал принадлежащий ему участок земли пожертвовать безденежно для построения собора. Но о. Серафим не соглашался на это. Он дал Дивеевской сестре Елене Васильевне Манторовой денег для покупки этого места и, отправляя вместе со старицей Ульяной Григорьевной к Е.И. Жданову, сказал: «Св. царь и пророк Давид, когда восхотел соиздти храм

Господу на горе Мориа: гумно Орны туне не принял, а заплатил цену. Так и здесь Царице Небесной угодно, чтобы место под храмом было приобретено покупкой, а не туне оное получить. Мне даром отдавали землю, но это Ей не угодно». По совершении купчей крепости велел сестре Елене Манторовой списать с нее копию полууставом и принести к нему. А когда эта сестра отошла к Господу, о. Серафим потребовал к себе и подлинную купчую крепость. Вручая ее брату усопшей, Михаилу Васильевичу Манторову, отлучавшемуся в Симбирскую губернию и только что приехавшему а Саров, он, умолая, просил его, чтобы как можно сберегал ее, и когда придет время постройки собора, чтобы его поставили на сей именно, а не на другой земле. В июне 1848 года покойный преосвященный Иаков Нижегородский, по указанию г. Манторова, в руках которого была и купчая крепость, на этом именно месте положил своими руками первый камень на сооружение соборного храма. Но враг человечества, преследовавший блаженного старца Серафима при жизни, и после его успения воздвиг препятствия к выполнению уже начатого святого дела. Вмешательство непризванного к этому делу лица, о котором упомянуто выше, остановило постройку храма, и до сего времени он еще не достроен. Между тем г. Жданов, по получении от о. Серафима денег за землю под собор, сам не понимая как, начал разживаться и дела свои привел в отличный порядок. Впоследствии он был предводителем дворянства в уезде, имел 10 человек детей и наслаждался довольством.

Таким образом, о. Серафим образовал особую, так называвшуюся *Серафимо-Дивеевскую* общину, отдельную от обители Агафьи Симеоновны Мельгуновой.

Дальнейшая после смерти о. Серафима судьба обеих этих общин не относится уже к жизни о. Серафима. Мы заметим только, что они в порядке, устроенном о. Серафимом, находились до 1842 года. В этом же году оба отделения соединены в одну обитель, которая названа *Серафи-*

мо-Дивеевской общиной и была принята под покровительство власти духовной и гражданской. В 1861 году община обращена в третъеклассный женский монастырь и ныне заключает в себе около 500 спасающихся душ.

Объясним теперь, для полноты дела, как о. Серафим смотрел на свою общину и как относился к ее членам. По духу он не отделял мельничной общины от Дивеевской и первоначальницей обеих считал инокиню Александру, сам питал к ней уважение и сестрам внушал тоже. Так, беседуя однажды с сестрой Иустиньей Ивановной, он говорил: «Если бы ты знала, матушка, какая раба Божия заводила место это и покоится у нас в обители! Одежда была у нее многошвенная, плат ветхий, а зеницы ее не высыхали от слез. Я и сам доныне стопы ее лобызаю. Ходи каждый день, матушка, ходи на ее гроб. На гроб же поклонившись, говори вот какие слова: «Госпожа наша и мать, прости меня и благослови, и помолись обо мне, чтобы как ты прощена от Господа, так бы и меня простил Он, и помяни меня у престола Божия». Эти мысли и уважение, которым сам первый следовал, о. Серафим внушал всем сестрам общины. На себя же он смотрел как на духовного родоначальника новой общины. «Скажу тебе, радость моя, – говорил он сестре Евдокии Ефремовне, – я вас духовно породил и во всех телесных нуждах не оставлю. Вас я теперь избираю в сестры себе, а которые придут после меня, те будут дочери (дочери) мои». Он считал новозаведенную общину угодной Богу и покровительницей ее признавал Божию Матерь. «Вот, матушка, знайте, – говорил он сестре Параскеве Степановне, – знайте, что место это Сама Царица Небесная избрала для прославления имени Своего: Она вам будет стена и защита».

Всматриваясь в будущее, о. Серафим скорбел, что некому после смерти его поручить обители, и нередко говорил так: «Кроме меня, убогого Серафима, вам отца не будет. Вот о. Илларион-старец (иеромонах Саровской пус-

тыни), но за вас взяться не может, также и батюшка Исаия не возьмется; а мог бы за вас взяться и быть вам отцом после меня отец Савватий, но не хочет (также инок Саровский; он после принял схиму под именем Стефана). Итак, скажу вам, что после меня у вас отца не будет». Вследствие сего он поручал всегда сестер Господу и Божией Матери. За неделю до своей кончины он говорил сестре Параскеве Степановне: «Теперь ты и все вы не имеете нужды ни в чем, а после меня много вам будет скорби... Ну, что ж делать? Потерпите, такой уж путь вам! Теперь только начало... Не я избрал вас, а Сама Царица Небесная избрала и дала мне вас, простых девушек; а потом к вам придут всякого рода и звания, и по мне, убогом Серафиме, вас вызыщут большие лица... Станут спрашивать – все тогда говорите, что слышали от меня, не убойтесь; а теперь, пока время не пришло, молчите». Эти слова о. Серафима вполне оправдались историей общины. Завещанию же его – ничего не скрывать после его смерти – мы обязаны тем, что могли подробно со слов собеседниц изобразить его отношение к общине.

VIII.

ВЛИЯНИЕ СТАРЦА СЕРАФИМА НА АРДАТОВСКУЮ ОБИТЕЛЬ И ЗЕЛЕНОГОРСКУЮ ОБЩИНУ

Поручение трех общин о. Серафиму. – О первом основании Ардатовской общины. – Переселение общины на новое место и внутренний порядок. – Влияние Саровских старцев. – Споры и избрание новой начальницы после смерти основательницы общины. – Голод в общине. – Обращение к о. Серафиму. – Неожиданное спасение. – Предупреждение сестер общины от но-

вого голода. – Нравственное влияние о. Серафима на них. – Назначение помощника себе в этом деле. – Забота о безопасности обители. – Определение будущего. – Общий взгляд на отношение о. Серафима к общине. – Последнее его распоряжение о ней. – Несколько слов об отношении его к обители Зеленогорской.

В беседе с начальницей Ардатовской обители Е. А. Отец Серафим говорил однажды, что во дни пустынно-ческой жизни явилась ему Божия Матерь с двенадцатью апостолами, облистаяемая неизреченным светом и славой, и поручила ему, для устройства и руководства, три обители: *Дивеевскую, Ардатовскую и Зеленогорскую*. Обстоятельства оправдали это сказание, как в отношении Дивеевской (что уже видели мы), так и по отношению к Ардатовской обители и к общине Зеленогорской.

Основательницей и первой начальницей Ардатовской общины была девица из мещан *Васса Димитриевна Полюхова*. По любви к ближним она дала в хижине родителей своих, стоявшей за городом Ардатовым, не в ряду прочих строений, на правом берегу реки Лемети, приют немногим бесприютным девам. Четыре года они проводили здесь время в телесных трудах и благочестивых подвигах, особенно же в молитве. Не имея возможности, за отдаленностью от города, всегда, когда хотелось бы, бывать в церкви, ардатовские девы около 1810 года на общий счет купили себе в Темниковской улице города, недалеко от собора, небольшой дом с землей в 243 кв. сажени. Переселившись сюда, они приняли черное одеяние и ввели определенный порядок относительно трудов, келейной и церковной молитвы. Здесь их дом слыл под именем *богадельни*. Число дев со временем увеличилось. Они пристроили себе новую храмину, которая служила у них трапезной и местом утренних и вечерних собраний для молитвы. Желая образовать из себя общину, это учреждение усвоило себе,

наконец, форму и правила монастырского общежития и свою основательницу Вассу Димитриевну, за строгость и чистоту жизни, признало настоятельницей. Когда умерла эта настоятельница (умерла же она 21 ноября 1823 года), в Ардатовской общине было уже около 40 сестер. Еще до смерти ее, с введения общежития, сестры находились уже под нравственным влиянием Саровских старцев, особенно о. Серафима и Илариона.

По кончине Вассы Димитриевны Полуховой сестры пришли в крайнее недоумение: они предлагали начальство друг другу, но ни одна из старших сестер не отваживалась принять на себя тяготу этого звания в то трудное для общины время. Желая решить споры, старшие сестры пошли к о. Серафиму, ожидая, что он, по своей прозорливости, укажет им настоятельницу. Они объяснили старцу свое горестное положение, прося у него совета и участия. О. Серафим, не отвечая им прямо, обратился к одной из пришедших, имя ей Евдокия Андреевна, и стал давать ей правила касательно обязанностей настоятельницы. Всем ясно стало, что Божия Матерь ей вверяет хранение обители; но Евдокия Андреевна старалась отклонить от себя эту честь, уверяя, что для звания настоятельницы у нее нет решительного характера; что, в случае недостатков, которые нередко терпит община, она не сумеет обеспечить сестер. Но старец заградил уста ее словами: «Ты проси Божию Матерь, сиди дома – и Бог пошлет со всех сторон». Эти довольно нерешительные речи приняты были всеми в таком смысле, что он временное только правление поручает Евдокии Андреевне, а потому год прошел, а начальницы у Ардатовских сестер не было; сестра же Евдокия почиталась между ними только старшей и попечительницей. Наконец пришел старец Иларион и окончательно утвердил ее в звании настоятельницы общины.

Между тем надежда о. Серафима на промысл Божий в общине Ардатовской неоднократно оправдалась. Во время всеобщего голода община, устройением Божиим и

молитвами Пресвятой Богородицы, не терпела недостатка в хлебе. Случилось однажды так, что в общине осталось хлеба и муки только на два дня, и неоткуда было взять более. Собравши сестер, начальница с сердечной скорбью объявила им о крайнем оскудении обители. В таких обстоятельствах сестрам оставалось избрать одно: или голод терпеть, или разойтись. Горестное положение чрезвычайно опечалило всех. Сестры, от всей души помолившись Богу, послали одну от себя к о. Серафиму, просит старца, чтобы он сказал слово в утешение скорбящим и своими молитвами походатайствовал бы за них у Бога. Посланная застала его в трудах недалеко от пустыни; с горькими слезами упала она в ноги к старцу и поведала свои до него нужды. На этот раз старец, изменив правилам обычного своего человеколюбия, не слушал слов сестры, с видимым неудовольствием запрещал ей унывать и жаловаться, даже гнал ее прочь от себя, приговаривая: «Без нужды кланяетесь, без нужды кланяетесь!» Сестра с большей скорбью возвратилась в обитель, рассказала слова старца, не скрыв и того, как неласково она была принята им. Но на третий день утром, когда у сестер ничего не осталось, кроме надежды на Бога, они получили от неизвестного благотворителя вспоможение мукой, от которой и подкрепили себя в тот же день пищей, прославляя Господа.

Были и другие случаи, в которых о. Серафим, в предостережение от бедствий, иносказательно предвещал настоятельнице о предстоящем голоде, падеже скота и подобных бедствиях. Так, раз, подавая ей серебряный рубль, он сказал: «Это вам на *чистый* хлеб, а это, – при молвил, развертывая и подавая тогдашнюю синюю ассигнацию, – на привар» (т.е. на кашу). Думая, что эти слова следует отнести к предстоящим событиям, Евдокия Андреевна, наклонив голову, немного призадумалась и не обратила внимания на ассигнацию. Старец, взяв бумажку из ее рук с таким чувством, как отец берет

вещь из рук ребенка, который не знает ей цены, развернул ее и завязал ей в платок, говоря, что «теперь не должно сестрам пренебрегать деньгами; что скоро откроется нужда и деньги понадобятся». После этого объяснения следовал разговор о спасении души и добродетелях, необходимых для инокинь. Утешенные беседой и напутствованные благословениями, начальница и сестры благополучно возвратились в обитель; об ассигнации же и таинственном ее значении забыли было. Но в скором времени они слышали, что всюду наступает голод и что бедные люди, для сохранения малых запасов своих на более продолжительное время, к хлебу примешивали лебеду. «Мы же, – говорили ардатовские сестры, – во все это голодное время милостью Божией и молитвами о. Серафима продовольствовались *чистым* (без примеси лебеды) хлебом».

Руководствовал старец Серафим сестер Ардатовской общины также и во всех других случаях. Одна из них, ревнуя о высших подвигах, просила у о. Серафима благословения носить власяницу и наложить на себя пост сверх известных в православной Церкви дней. Старец весьма премудро не одобрил ее намерений и сказал: «Ни власяницы, ни поста не надо; живи с сестрами; как сестры, так и ты; только досыта ничего не вкушай, оставляй место Св. Духу». Потом, как бы желая совершенно успокоить ее, он прибавил, что «место, на котором стоит обитель (а обитель занимала место неподалеку от храма Божия), исполнено благодати, и потому можно спасти в ней душу, следуя только предписаниям монастырского устава и не принимая на себя излишних подвигов, превышающих силы».

О. Серафим заботился, чтобы сестры не оставались без советов и руководства и в таком случае, когда он сам, по занятиям своим, не был в состоянии уделить для них времени. «Когда я занят, – говорил он, – то идите к о. Илариону: все равно, что я, что он». Вообще он советовал им

искать себе заступления и молитв у подвижников Саровской пустыни, прозревая духовными очами своими, как сильна молитва их у Бога. Настоятельница Евдокии Андреевне он часто говаривал: «Ограда-то у вас не каменная, но понадежнее каменной; соседи-то у вас все как свои». Несмотря на то, приказывал, чтобы сестры, для порядка и приличия, а также ради вящей безопасности, никогда не оставляли повсенощного караула. О. Серафим далеко предусматривал будущее и за несколько лет ранее определил обстоятельства построения церкви для Ардатовской общины. Назад тому лет 26 сестры ходили к общественному богослужению в приходский храм св. Прор. Илии, отстоявший от келий в полуверсте. Некто просил у о. Серафима благословения перевести сестер в тот приход; но он не благословил и сказал: «Ты припаси канат; я сам приду, размерю место для церкви; трапеза будет внизу». Последствия объяснили, что трапезу он разумел духовную, т.е. алтарь, который действительно пришелся внизу, потому что монастырский храм половиною стоит в земле. В другой раз он посылал в общину позолотчиков, говоря им: «Грядите к Евдокии, грядите к Евдокии: она даст вам работы: ей надобно иконостас золотить». В общине же в то время не было и церкви. Сестры очень удивились странному посольству, полагая, что слова эти относятся не к ним. В настоящее же время они исполняются.

Незадолго до кончины о. Серафима посетили его сестры Ардатовской общины вместе с начальницей Евдокией Андреевной. Старец сделал начальнице разные наставления касательно ее обязанностей, руководства сестер и наконец, совершенно неожиданно, стал говорить: «Нет, надо учить, надо учить».

Сестры в то время сами уже пели, и начальница, не понимая, к чему клонится разговор, сказала: «Ведь у нас поют».

Старец на это отвечал: «Поют-то поют, да тону-то не знают: церковь скоро будет».

Исполненная радости и недоумения, начальница спросила: «Разве к Илии Пророку перейдем?»

– Там голод будет, – отвечал о. Серафим.

– Ну, знать, в Полевую церковь? А Полевою в Ардатове называется кладбищенская церковь Скорбящей Божией Матери и Всех Святых.

– Снегом западете, – отвечал о. Серафим. – А свыше сойдет воля Божия и взойдут большие люди в ваше положение. Если тебе начать – препятствия будут со стороны; а когда большие люди войдут – все умолчат.

Все эти сказания о. Серафима о построении храма, о позолоте иконостаса в настоящее время совершенно оправдались: в Ардатовской общине теперь есть свой храм в честь Покрова Пресвятой Богородицы с двумя приделами, устроенный иждивением благотворителей. Главный иконостас в храме горит золотом. Стены расписаны священными изображениями. Церковь с избытком обогащена священными сосудами, ризами и всем необходимым.

Вообще о. Серафим был поистине добрым пастырем душ Ардатовской общины. Сестры искренне любили его и с покорностью следовали его опытному руководству в делах духовной жизни. Он наставлял их на путь спасения. Старших увещавал смирять себя, быть образом кротости и незлобия, снисходить к слабости и недостаткам ближних, внимать наиболее себе и заботиться о своем спасении. Начальнице советовал чаще прочитывать и глубже вдумываться в житие св. Саввы Освященного. Попечение об Ардатовской общине о. Серафим сохранил до конца своей жизни. Последним его распоряжением было назначение в Ардатовскую общину новой начальницы. За несколько дней до кончины о. Серафима приехала в Дивеево за тысячу верст одна барышня, по имени Евпраксия. Сестры Ардатовской общины, осведомившись о ее свойствах и настроении, усердно просили у о. Серафима благословения принять ее к себе в начальницы; но старец и слышать не

хотел о сем и ее на глаза к себе не пускал. Евпраксия настоятельно просила допустить ее к себе, позволить ей пасть перед ним на колени, принять благословение и просить его молитв о себе; а о. Серафим как будто гневался на это и просительницу посылал из-за двери своей кельи прочь от себя. Но когда она, потеряв надежду и терпение видеть старца, оставила его и скрылась из виду, он подозвал к себе приходивших в нею сестер и, указывая рукой на ушедшую, сказал: «Вот вам Богом данная Евпраксия. Любите ее, во всем ей повинуйтесь и подражайте ей». Об этом обстоятельстве писала к затворнику Георгию Мария Кар., в то время бывшая в Сарове. В объяснение этого обстоятельства в ее письме прибавлено: «И не иначе я мыслю, как о. Серафим, по своей прозорливости, знал ее заочно и ждал в Ардатовскую общину». Помощником о. Серафиму в делах Ардатовской общины постоянно был другой почтенный старец Саровской пустыни, о. Иларион. В 1861 году Ардатовская община преобразована в женский общежительный монастырь.

Касательно участия о. Серафима в Зеленогорской обители мы не имеем, к сожалению, таких полных и подробных сведений, какие посчастливилось собрать о его влиянии на обитель Дивеевскую и Ардатовскую. Известно только, что Зеленогорская обитель от основания своего составляла предмет отеческих попечений о. Серафима до его смерти.

Будучи еще в молодых летах и в начальных монастырских послушаниях, о. Серафим почти каждый год был посылаем от братии на зеленогорскую ярмарку для приобретения нужных монастырю вещей. В этих случаях он всегда обхаживал кругом то место, где стоял прежде мужской монастырь, и со скорбью размышлял о его уничтожении. Однажды во время такой прогулки он заметил, что в уголке полуразрушенной монастырской ограды явилась маленькая келья, в которой посе-

лился какой-то человек для спасения души своей. О. Серафим возрадовался духом, прозревая в этом событии начало возрождения обители. С тех пор он не переставал содействовать обители своими молитвами, ободрением, советами и другими разного рода пособиями до блаженной своей кончины. И уже при жизни его там немало было жен спасавшихся, и между ними Лазаревна, старшая из сестер, почиталась как святая. В настоящее время там устроена женская община, имеющая свою настоятельницу.

IX.

ПОСЛЕДНИЕ ГОДЫ ЖИЗНИ о. СЕРАФИМА

Ответы его соблазнявшимся. – Беседа с игуменом Нифонтом. – Дух обхождения с посетителями. – Посещения монашествующих. – Беседы с мирянами. – Ответы на вопросы: что ты всех учишь и зачем приходящих помазываешь елеем? – Опыты прозорливости о. Серафима. – Польза от этого дара и объяснение, как он действовал в душе о. Серафима. – Исцеления больных. – Целительное свойство воды в Серафимовом источнике. – Случаи исцеления от употребления сей воды. – Врачевство и советы о. Серафима во время холеры 1831 года. – Помощь его скорбящим, страждущим душевными недугами и бесноватым. – Соединение с исцелениями предсказаний о будущем. – Предсказания, касающиеся всего общества, некоторых частных лиц и Саровской обители. – Одежда о. Серафима. – Подвиги его противу сна. – Его самоотвержение и приверженность к иночеству. – Какое время он проводил в молитве? – Его постоянная молитва за живых и усопших. – Употребление свечей и лампад при молитве. – Стояние

на воздухе во время молитвы. – Уважение к нему других подвижников. – Духовное общение старца с ними. – Разительный пример его общения.

Мы упоминали уже о некоторых беседах о. Серафима, говоримых незадолго до его смерти. Разбор событий незаметно приблизил нас теперь именно к последним годам его жизни. Враг не оставляет человека в покое до самого гроба. Так и о. Серафим, взошедши на высоту духовной жизни, не скрылся и там от искушений диавола. Во многих он возбуждал зависть и злобу на то, что всех принимал к себе, всем делал добро, не различая полов. Один брат решился даже сказать ему: «Тебя много беспокоят обоих полов люди: и ты пускаешь к себе всех без различия» О. Серафим, оправдывая себя от пустого нареkania, привел в пример св. Илариона Великого, который не велел затворять дверей ради странников. «Положим, – говорил он, что я затворю двери моей кельи. Приходящие к ней, нуждаясь в слове утешения, будут заклинать меня Богом отворить двери и, не получив от меня ответа, с печалью пойдут домой... Какое оправдание я могу тогда принести Богу на Страшном Суде Его?» Отсюда видно, что о. Серафим прием к себе всех приходящих считал делом совести, обязательством жизни, в котором Бог потребует от него отчета на Суде.

Некто выразил ту же мысль еще решительнее: «Тобою, говорил, некоторые соблазняются». Старец отвечал на сие так: «Но я не соблазняюсь ни тем, что мною одни пользуются, ни тем, что других это соблазняет».

Гораздо чувствительнее для него была беседа игумена Саровской обители о. Нифонта. Раз, возвращаясь из пустыни в келью, встретился старец Серафим с о. Нифонтом. По своему смиренномудрию, предваривши настоятеля поклоном, он приветствовал его, по обычаю иерейскому, братской любовью. Отец же игу-

мен Нифонт, ублажая старца за его подвиги, вместе с тем передал ему мысль братии, которые, по строгости своего воззрения, не одобряли, что о. Серафим принимал к себе людей всякого пола и рода, хотя и для спасительного назидания. «Особливо, – говорил он, – тем соблазняются, что ты оказываешь милостивое попечение сиротам Дивеевским». Считаем нужным предупредить, что игумен Нифонт глубоко любил и уважал старца Серафима и держал к нему такую речь единственно потому, что братия соблазнялись... Выслушав слово отца игумена, старец снова упал к нему в ноги и дал ему мудрый и спасительный ответ – не предаваться на будущее время ложным внушениям и не принимать от братий всякого слова на ближнего без рассуждения. «Ты пастырь, – говорил он, – не позволяй же всем напрасно говорить, беспокоить себя и путников, идущих к вечности. Ибо слово твое сильно и посох, как бич, для всех страшен». Старец Нифонт выразил свое согласие на то, чтобы о. Серафим не изменял своего направления и по-прежнему продолжал всех принимать к себе, ради их душевной пользы.

А) СМИРЕННОМУДРИЕ о. СЕРАФИМА В ОБХОЖДЕНИИ С БЛИЖНИМИ

Дух кротости и смиренномудрия, с которым старец относился к посещавшим его, весьма ясно отпечатлевается в следующем рассказе г-жи Е. Н. П., симбирской помещицы.

«С самого раннего детства наслышалась я о прозорливости и святости саровского затворника и пустынника о. Серафима, и потому весьма захотелось мне посмотреть на него и принять от него благословение. Желание мое исполнилось, наконец, по милости Божией, в 1830 году.

В Арзамасе, на пути в Саровскую обитель, сказали мне хозяйева квартиры, где я остановилась, что если я не поспею в Саров к ранней обедне в наступающее воскре-

сенье, то не увижу уже о. Серафима, потому что он после ранней обедни обыкновенно уходит в свою пустыньку и остается там до среды. Так как погода тогда была весьма тяжелая, а мое здоровье было плохо, то, чувствуя себя не в силах искать о. Серафима в его пустыньке, я тотчас же, не отдыхая в Арзамасе, пустилась в путь, что было в субботу, после обеда; ехала всю ночь и наутро была в Сарове. Первый вопрос мой, при входе в гостиницу, был: «Не кончилась ли ранняя обедня?» И когда монах, которому предложила я свой вопрос, объявил мне, что обедня уже кончена, я совершенно упала духом, потеряв надежду увидеть о. Серафима. Но Господу Богу угодно было утешить меня и не допустить до уныния. Я отправилась, на счастье, к его келье, вместе с множеством других посетителей Сарова, и мы нашли, что дверь его кельи заперта была изнутри. Это было знаком, что старец остался дома, и мы решились просить у него благословение на то, чтобы видеть его и утешиться его душеспасительным словом. Но никто из нас не смел первый сотворить молитву. Пробовали некоторые, но дверь не отворялась. Наконец я обратилась к стоявшей подле меня, у самых дверей, даме с маленькой девочкой, чтобы она заставила малютку сотворить молитву, говоря, что она всех нас достойнее. И только что малютка сотворила молитву, как в ту же минуту дверь открылась. Но каков был общий нас испуг, когда о. Серафим, отворив дверь, начал опять закрывать ее! Я стояла ближе всех к дверям и пришла в совершенное отчаяние, подумав: «Господи! Верно, я всех недостойнее, что он, увидев меня, решился снова затвориться». Но едва подумала я это, как о. Серафим, стоя в полузакрытой двери, обратился ко мне и сказал: «Успокойтесь, матушка, успокойтесь, потерпите немного» и вслед за тем, вторично отворив дверь, обратился ко мне снова и спросил: «Пожалуйста, матушка, скажите мне, какая вам нужда? Что вам угодно?» Я заплакала от ра-

дости и сказала ему, что у меня одно желание – принять его благословение и испросить его св. молитв. Тогда он тотчас благословил меня и сказал: «Господь да благословит вас, благодать Его с вами!» И в то же время он пожаловал мне три частицы просфоры. После того начал он благословлять и прочих подходивших к нему и каждому, по благословении, говорил: «Грядите с Богом». Мне же не сказал этого, и потому я осталась на своем месте. Видя меня одну оставшуюся, по уходе всех, он сказал мне милостиво: «После вечерни, матушка, пожалуйте ко мне», – и затворился снова.

По возвращении в гостиницу я прежде всего приказала своей женщине изрезать помельче частицы просфоры, данной мне о. Серафимом. Я хотела по приезде домой обделить ими всех усердствующих к старцу. Потом с величайшим нетерпением тала дожидаться вечерни, чтобы отправиться к о. Серафиму и снести ему привезенный мною гостинец: немного домашнего полотна, масла и восковых свечей. Но так как оказалось, что человек, которому поручила я купить свечи и масло, забыл исполнить мое поручение, то я решилась снести ему полотно и деньги, приготовленные на покупку масла и свеч. Меня уверяли, что о. Серафим ни у кого не берет ничего; но я не попеременила своего намерения, думая, что если он откажется взять эти вещи, то я отдам полотно в монастырь, а на деньги на другой день куплю масла и свеч.

После вечерни я нашла старца в сенях его кельи, на коленях лежавшего у гроба. Увидев меня, он поспешно встал и, благословляя, сказал: «Пожалуйте, матушка, пожалуйте ко мне». При этих ласковых словах, колеблясь между страхом и надеждой, осмелилась я подать ему полотно, говоря: «Св. отец! Удостоите принять от истинного моего усердия это полотно». И какова была моя радость, когда он, взяв из рук моих полотно, сказал: «Благодарю вас, матушка, покорно, в храм Божий все годится». Тогда я осме-

лилась подать и деньги, сказав, что не успела купить масла и свеч. Он принял и деньги с благодарностью. Когда я рассказала потом об этой радости моей о. Дамаскину, саровскому иноку, он не мог надивиться такой особенной милости ко мне о. Серафима.

Настоящая беседа моя со старцем внушила мне, между прочим, мысль на другой день исповедаться у него; я сообщила об этом о. Дамаскину. Но он сказал, что это желание решительно неудобоисполнимо. Несмотря на то, я всю ночь продумала и просила Бога о том, чтобы Он удостоил мен, грешную, исповедаться у святого старца Серафима. Утром опять я отправилась к нему, и когда слуга мой отворил дверь в сени его кельи, я увидела старца опять подле его гроба. Он ввел меня в келью, приказал перекреститься и трижды дал пить мне св. воды, сам поднося ее к губам моим, потом спросил мой платок. Я подала ему конец шали, которая была на мне, и он насыпал туда пригоршню сухарей, говоря: «Вот, матушка, не хлопочите: это на раздачу, раздавайте усердствующим». Я тотчас вспомнила о вчерашнем своем поступке с тремя частицами просфоры, данными мне старцем, и изумилась его чудной прозорливости. После того с благоговением и страхом, чтобы не оскорбить праведного старца, осмелилась я объявить ему о своем желании исповедаться у него, говоря: «Святый отец! Позвольте мне сказать вам одно слово». Он отвечал: «Извольте, матушка», потом вдруг, к невыразимому удивлению и ужасу моему, а вместе с тем и радости, взял меня за обе руки и начал читать молитву: «Боже, ослаби, остави, прости мне согрешения мои, если Тебе согрешил» и т.д. Я повторила за ним эту молитву, громко рыдая, потом упала на колени, и он стал также на колени подле меня, и во все время чтения этой молитвы он держал мои руки. После отпуска, какой обыкновенно делается после исповеди, дал мне приложиться к медному кресту своему и, взяв мою правую руку, ска-

зал: «Благодать Господа нашего Иисуса Христа и любовь Бога и Отца, и причастие Св. Духа будет с вами во всю жизнь вашу, во время кончины и после успения вашего». Я была вне себя от радости и целовала его руки.

После того, благословив меня в обратный путь, он сказал: «Господь вам поможет». И действительно, святыми его молитвами Господь дал мне благополучно доехать домой, тогда как кругом меня повсеместно свирепствовала тогда сильнейшая холера.

Еще должна я сказать об одном событии, как Господь Бог услышал молитву праведного старца Серафима. У одной женщины было много детей, но все они умирали на первом году своего возраста. Бедная мать просила меня убедительно взять ее, с последней новорожденной дочерью, вместе с собой в Саровскую пустыню. Я обещала исполнить ее просьбу и в первую свою поездку в Саров взяла их с собой. Когда мать принесла девочку к о. Серафиму и стала просить его помолиться о ней, говоря, что все дети ее умирают, не дожив до года, он положил свою руку на голову дитяти и сказал: «Утешайтесь ею». Действительно, за молитвы праведника девочка эта осталась жива; а после нее рождавшиеся у этой женщины дети опять умирали.

Б) БЕСЕДЫ СТАРЦА СЕРАФИМА С МОНАШЕСТВУЮЩИМИ

Много в это время обращалось к нему монашествующих из мужских и женских обителей: в числе их являлись к нему настоятели монастырей. Он излагал пред ними свои мысли об обязанностях настоятеля.

«Настоятель, – говорил он, – должен быть совершен во всякой добродетели и душевные свои чувства иметь обученными долгим учением в рассуждении добра и зла (Евр. 5. 14)».

«Настоятель должен быть искусен в Священном Писании: он день и ночь должен поучаться в законе Господнем; через таковые упражнения может он снискать себе дар рассуждения добра и зла».

«Истинное познание добра и зла можно иметь только тогда, когда подвижник благочестия придет в сочувствие будущего осуждения и предвкушение вечного блаженства, что совершается в душе благочестивой еще в здешней, земной жизни, таинственным и духовным образом».

«Прежде рассуждения добра и зла человек не способен пасти словесных овец, но разве бессловесных; потому что без познания добра и зла мы действий лукавого постигать не можем.

А потому настоятель, как пастырь словесных овец, и должен иметь дар рассуждения, дабы во всяком случае мог подавать полезные советы каждому, требующему его наставлений; ибо, как говорит Петр Дамаскин (в Добротол. О назидании души добродетелями. Часть III, лист 52), несть всякий человек верен дать совет ищущим; но кто от Бога принял дар рассуждения и от многого пребывания в подвижничестве стяжал ум прозорительный».

«Настоятелю должно иметь также дар проницательности, дабы из соображения вещей настоящих и прошедших мог он предусматривать и будущие, и проразумевать козни вражий».

«Отличительным характером настоятеля должна быть любовь его к подчиненным: ибо истинного пастыря, по словам Иоанна Лествичника, показывает любовь его к своему стаду. Ибо любовь принудила распяться на кресте Верховного Пастыря (в книге к Пастырю, гл. 5, лист 178 на обор.)».

Другие из настоятелей, заботясь о спасении порученных их руководству братий, спрашивали о. Серафима о том, как управлять братией. На такой вопрос одного из них о. Серафим дал следующее наставление:

«Всякий настоятель да сделается и да пребудет всегда в отношении к подчиненным благоразумной матерью.

Чадолубивая мать не в свое угождение живет, но в угождение детей. Немощи немощных чад сносит с любовью; в нечистоту впадших очищает, оmyвает тихомирно, облачает в ризы белые и новые, обучает, согревает, питает, промышляет, утешает и со всех сторон старается дух их покоить так, чтобы никогда не слышать ей малейшего их вопля, и таковые чада бывают благорасположены к матери своей. Так всякий настоятель должен жить не в свое угождение, но в угождение подчиненных: должен к слабостям их быть снисходителен, немощи немощных нести с любовью, болезни греховные врачевать пластырем милосердия, падших преступлениями подымать с кротостью, замаравшихся скверной какого-либо порока очищать тихо и оmyвать возложением на них поста и молитв, сверх определенных обще для всех; одевать учением и примерной жизнью своей в одежды добродетелей; непрестанно бдеть о них, всеми способами утешать их и со всех сторон ограждать мир их и покой так, чтобы никогда не было слышно ни малейшего их вопля, ни ропота – и тогда они с ревностью будут стремиться, чтобы доставить мир и покой настоятелю».

1830 года один иеромонах, вызываемый из Саровской пустыни настоятелем в Казанскую епархию, пришел к о. Серафиму принять благословение. Он нашел старца в лесу в трудах над грядями и подходил к нему молча, не говоря ни слова. О. Серафим, увидев издали идущего к себе брата, запел и довел до конца *светилен св. Кресту: Крест хранитель...* Потом о. Серафим спросил пришедшего:

– Ты куда идешь, брат?

– В Казань вызывают, – отвечал пришедший.

– С тобою обман, батюшка, идет, – сказал о. Серафим и прибавил. – Не ходи в Макарьевскую пустынь.

А Макарьевская пустынь лежит в полугоре близ города Свияжска и называется Подгорною.

– Меня, батюшка о. Серафим, вызывают не в Макарьевскую, а в Раифскую пустынь игуменом, – сказал пришедший брат, имея в виду поправить ошибку старца.

А о. Серафим продолжал свое:

– Я тебе говорю: не ходи в Макарьевскую. – Подумав же еще немного, примолвил, – Ну, поживи вне Сарова несколько... Опять к нам придешь, и умрем здесь в богоспасаемой Саровской пустыне.

Потом, благословив брата, старец отпустил его с миром.

Брат отправился. Прибыв в Казань, он узнал, что действительно был определен указом не в Раифскую, а в Макарьевскую пустынь. Вспомнив слова о. Серафима, убедительно говорившего: «Не ходи в Макарьевскую», он отказался от этого назначения и был послан строителем в Цивильский Тихвинский монастырь.

Г-жа П.И. Шкарина, пользовавшаяся с 1827 года особенным доверием о. Серафима, свидетельствует, что он, еще за год до первой холеры, что была в 1830 и 1831 году, говорил: «Грядет гнев Божий на Россию, приближается смертоносная холера. Бодрствуйте, – говорил он, – бодрствуйте и молитесь, да не найдет на вас внезапно час смертный».

Холера, открывшаяся в России, посетила монастырь Тихвинский, в котором строительствовал саровский брат. Болезнь заставила его выпросить у начальства увольнение от монастыря. Он возвратился в Саровскую пустынь и доселе подвизается в ней.

Немало являлось в это время к о. Серафиму и таких людей, которые, желая поступить в монастырь, спрашивали у него советов и наставлений. Старец, по своей прозорливости, дарованной от Господа, делал полезные советы и нередко предсказывал будущее.

Так, в 1830 году один послушник Глинской пустыни нарочно прибыл в Саровскую обитель спросить у о. Серафима: «Есть ли ему благословение Божие поступить в монашество?» Молодой человек, не зная еще хорошо себя самого, не усвоивши мысли о своем призвании, колебался между миром и монастырем: некому было поверить ему своих дум; не было вблизи человека, который бы решил его пожизненный вопрос. Вот приходит глинский послушник к о. Серафиму, падает ему в ноги, просит развязать душу от вихря сомнений. Спрашивая: «Есть ли воля Божия поступить ему и брату его Николаю в монастырь?» Не так ли и сам о. Серафим, за несколько лет назад, являлся в Киев затворнику Досифею? Отвечал же он послушнику так: «Сам спасайся и брата своего (родного) спасай». Потом, подумав немного, сказал: «Помнишь ли житие Иоанникия Великого? Странствуя по горам и стремнинам, он нечаянно уронил из рук жезл свой, который упал в пропасть. Жезл нельзя было достать, а без него святой не мог идти далее. В глубокой скорби он возопил к Господу Богу – и Ангел Господень невидимо вручил ему новый жезл».

Сказав это, о. Серафим вложил в правую руку послушника свою собственную палку и сказал: «Трудно управлять душами человеческими! Но среди всех твоих напастей и скорбей в управлении душами братий Ангел Господень непрестанно при тебе будет до скончания жизни твоей».

После этого послушник решился поступить в монашество. При пострижении ему дали имя Паисий, и в 1856 году он произведен во игумена к Астраханскому Чуркинскому Николаевскому общежительному монастырю, а через шесть лет возведен в архимандрита той же обители, сделавшись таким образом, как предвидел старец Серафим, пастырем душ человеческих. Родной же брат его, о котором о. Серафим говорил *спасай брата*, поступил в монашество под именем Назария и

окончил жизнь свою в Козелецком Георгиевском монастыре в звании иеромонаха.

Давая наставления начальствующим из монастырской братии, о. Серафим излагал и подчиненным обязанности их в отношении к начальникам.

«Стяжи смирение, послушание, повиновение – и спасешься, – говорил он словами преподобного Варсонофия. – И отнюдь не говори вопреки: что это? И для чего это? Но будь благопокорлив, наипаче авве твоему, который ради Бога печется о тебе и которому вверена душа твоя (Варс. Отв. 242)».

«Кто поистине хочет быть учеником Христовым, тот никакой не имеет власти над собою, чтобы делать что-нибудь самому по себе, говорит тот же Учитель. Ибо, что делается по своему помыслу, то не угодно Богу, хотя бы и казалось хорошо. Если кто лучше знает полезное для себя, нежели авва, то зачем и называть себя учеником его?».

«Повинующийся повинуется во всем и не печется о спасении своем, потому что печется о нем другой, кому он подчинился и вверился. Кто в одном отсек волю свою, а в другом не отсек, тот имел свою волю и в том, в чем отсек».

«Кто хочет узнать путь совершенно и не идет со знающим сей путь совершенно, никогда не достигнет града (соверш. безмолвия)».

«Отвергни волю свою назад и блюди смирение во всем житии твоём – и тогда спасешься. Смирение и послушание суть искоренители всех страстей и насадители всех добродетелей (Варс. Отв. 309, 357, 551, 618, 68, 226)».

«Подчиненный должен умертвить свои страсти для жизни временной, чтобы иметь жизнь вечную. Он должен быть как сукно на сукновальне, по словам преподобного Антиоха. Ибо как сукно белильник колотит, топчет, чешет, моет, и оно делается бело подобно снегу, так и послушник, терпя унижения, оскорбления, поношения, очищается и делается, как серебро чистое, блестящее, огнем разжженное (Ант. Сл. 113).

«Не должно входить в дела начальнические и судить оные: сим оскорбляется величество Божие, от Коего власти поставляются; ибо *нестъ власти аще не от Бога, суице же власти от Бога учинены суть*» (Рим. 13, 1).

Не должно противиться власти во благое, чтобы не согрешить пред Богом и не подвергнуться Его праведному наказанию: *противляющиеся власти Божию повелению противляются; противляющиеся же себе грех приемлют*» (Рим. 13, 2).

«Послушный много к созиданию души преуспевает, кроме того, что он приобретает через сие понятие о вещах и приходит в умиление».

Многие из новоначальных иноков спрашивали о. Серафима советов и наставления насчет того, как им спасти себя и ближних своих. О. Серафим отвечал на это следующее:

«По совету ли или по власти других, или каким бы то ни было образом пришел ты в обитель, – не унывай: посещение Божие есть. Если соблюдешь, как тебе скажу, – спасешься сам и ближние твои, о которых заботишься: *не видел*, – глаголет Пророк, – *праведника оставленна и семене его просяща хлеба* (Псал. 36, 25). Живя же в сей обители, сие соблюдай: стоя в церкви, внимай всему без опущения, узнай весь церковный порядок, т.е. вечерню, повечерие, полунощницу, утреню, часы, выучись содержать в разуме».

«Если находишься в келье, не имея рукоделия, всячески прилежи чтению, а наипаче Псалтири; старайся каждую статью прочитывать многократно, дабы содержать все в разуме. Если есть рукоделие – занимайся оным; если зовут на послушание – иди на оное. За рукоделием или будучи где-либо на послушании, твори беспрестанно молитву: *Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй меня грешного*. В молитве внемли себе, т.е. ум собери и соединяй с душой. Сначала день, два и множае твори молитву сию одним умом, отдельно,

внимая каждому особо слову. Потом, когда Господь согреет сердце твое теплотою благодати Своей и соединит в тебе оную в един дух: тогда потечет в тебе молитва оная беспрестанно и всегда будет с тобою, наслаждая и питая тебя. Сие-то самое есть реченное пророком Исаиею: *роса бо, яже от Тебе, исцеление им есть* (26, 19). Когда же будешь содержать в себе сию пищу душевную, т.е. беседу с самим Господом, то зачем ходить по кельям братий, хотя кем и будешь призываем? Истинно говорю тебе, что празднословие сие есть и празднoлюбие. Если себя не понимаешь, то можешь ли рассуждать о чем и других учить? Молчи, беспрестанно молчи; помни всегда присутствие Божие и имя Его. Ни с кем не вступай в разговор, но всячески блюдись осуждать много разговаривающих или смеющихся; будь в сем случае глух и нем; что бы о тебе ни говорили, пропускай все мимо ушей. В пример себе взять можно Стефана Нового (Чет.мин. 28 ноября, в житии его), которого молитва была непрестанна, нрав кроток, уста молчаливые, сердце смиренно, дух умилен, тело с душою чисто, девство непорочно, нищета истинная и нестяжание пустынноическое; послушание безропотное, повиновение тщательное, делание терпеливо и труд усерден».

«Сидя за трапезой, не смотри и не осуждай, кто сколько ест, но внимай себе, питая душу молитвой. За обедом ешь довольно, за ужином повоздержись. В среду и пяток, если можешь, вкушай по однажды. Каждый день непременно в ночи спи четыре часа: 10-й, 11-й и 12-й и час за полночь; если изнеможешь, можешь, вдобавок, днем спать. Сие держи несомненно, до кончины жизни: ибо оно нужно для успокоения головы твоей. И я с молодых лет держал таковой путь. Мы и Господа Бога всегда просим об упокоении себя в ночное время. Если так будешь хранить себя, то не будешь уныл, но здрав и весел».

«Говорю тебе истинно, если так будешь вести себя, то неисходно пребудешь в обители до скончания твоего.

Смиряться, и Господь поможет тебе, и *изведет, яко свет, правду твою, и судьбу твою, яко полудне* (Псал. 36, 6) и *да просветится свет твой пред человеки* (Мат. 5, 16).

Саровский монах Киприян был смущаем тягостью возложенного на него послушания, пошел к о. Серафиму в келью за наставлением. «Не успел я войти к нему в келью, ни сказать ни одного слова, – говорил монах, – встретил он меня у двери и сказал: «Радость моя! Нет дороги отказываться от послушания».

Один раз пришел к о. Серафиму монах из очень дальнего монастыря. Старец в то время трудился у своего колодца. Подошедши к нему, странник поклонился и просил благословения, а о. Серафим, занимаясь трудами, не обратил на него никакого внимания. Инок, постояв молча, отошел восвояси без всякого утешения. Тогда о. Серафим, подошедши к Дивеевской сестре, тут же неподалеку трудившейся, сказал: «Вот, матушка, требует благословения, а сам не знает куда». Так, разумеется, понял поведение старца и сам инок, не получивший благословения на дело, без рассуждения и сознания задуманное.

В) БЕСЕДЫ ЕГО С МИРЯНАМИ

Не оставляя без духовного назидания монашествующих, о. Серафим много поучал и мирян, обличая в них ложные направления ума и жизни и преподавая положительные правила благочестия. Так, один благоговейный священник привел с собой к о. Серафиму профессора, преподававшего в семинарии одну из наук богословия, который не столько хотел слышать беседу старца, сколько принять его благословение на вступление в монашество. Старец благословил его по обычаю священства, но насчет его желания вступить в монашество не давал никакого ответа, занявшись беседой со свя-

щенником. Профессор, стоя в стороне, внимал их беседе. Священник, между тем, во время разговора часто наводил речь на цель, с которой пришел к нему ученый. Но старец, намеренно уклоняясь от сего предмета, продолжал свою беседу и только раз, как бы мимоходом, заметил о профессоре: «Не нужно ли ему еще доучиться чему-нибудь?» Священник на это решительно объяснил ему, что он знает православную веру, сам профессор семинарии, и стал убедительнейше просить разрешить только недоумение его насчет монашества. Старец на это отвечал: «И я знаю, что он искусен сочинять проповеди. Но учить других так же легко, как с нашего собора бросать на землю камешки, а проходить делом то, чему учишь, все равно как бы самому носить камешки на верх собора. Так вот какая разница между учением других и прохождением самому дела». В заключение он советовал профессору прочитать историю св. Иоанна Дамаскина, говоря, что из нее он усмотрит, чему еще надобно доучиться ему.

В 1831 году, 18 июня, были в Сарове и пришли в пустынь к о. Серафиму И. М. К. и жена его Ю. П. «Мы нашли старца, – говорили они, – на работе: он разбивал грядку мотыгой, и когда мы подошли к нему и поклонились ему до земли, он благословил нас и, положив на мою голову руки, прочитал тропарь Успению Божией Матери: *В рождестве девство сохранила еси* и т.д.; потом он сел на грядку и приказал нам также сесть, но мы невольно встали пред ним на колени и слушали его беседу о будущей жизни, о жизни святых, о заступлении, предстательстве и попечении о нас грешных Владычицы Богородицы, и о том, что необходимо нам в здешней жизни для вечности. Эта беседа продолжалась не более часа; но такого часа я не сравню со всей прошедшей моей жизнью. Во все продолжение беседы я чувствовал в сердце неизъяснимую, небесную сладость, Бог весть, каким образом туда переливавшуюся, которой нельзя сравнить ни с чем на земле и о которой до сих пор я не могу вспомнить без слез умиления и

без ощущения живейшей радости во всем моем составе. До сих пор я хотя и не отвергал ничего священного, но и не утверждал ничего; для меня в духовном мире все было совершенно безразлично, и я ко всему был одинаково хладнокровен. Отец Серафим впервые дал мне теперь почувствовать всемогущего Господа Бога и Его неисчерпаемое милосердие и всесовершенство. Прежде за эту хладность души моей ко всему святому и за то, что я любил играть безбожными словами, правосудный Господь допустил скверному духу богохульства овладеть моими мыслями, и эти ругательные мысли, о которых доныне я не могу вспомнить без особенного ужаса, целые три года сокрушали меня постоянно, особенно же на молитве, в церкви, и более всего, когда я молился Царице Небесной. Уже я думал в отчаянии, что никакие муки, по суду земному, недостаточны для моего наказания и что только адские вечные муки могут быть праведным возмездием за мои богохуления. Но о. Серафим в своей беседе совершенно успокоил меня, сказав со свойственной ему неизъяснимо радостной улыбкой: чтобы я не боялся этого шума мысленного; что это действие врага, по зависти его, и чтобы я безбоязненно всегда продолжал мою молитву, какие бы враг ни представлял скверные и хульные мысли.

С тех пор, действительно, этот шум мысленный начал во мне мало помалу исчезать и менее чем в месяц совершенно прекратился».

Однажды пришли к нему четыре человека из ревнителей старообрядчества, жители села Павлова, Горбатовского уезда, спросить о двуперстном сложении, с удостоверением истинности старческого ответа каким-нибудь чудом или знамением. Только что переступили они за порог кельи, не успели еще сказать своих помыслов, как старец подошел к ним, взял первого из них за правую руку, сложил персты в трехперстное сложение по чину Православной Церкви и таким образом, крестя его, держал следующую речь: «Вот христианское

сложение перста! Так молитесь и прочим скажите. Сие сложение предано от св. апостолов; а сложение двуперстное противно святым уставам. Прошу и молю вас, ходите в церковь греко-российскую: она во всей славе и силе Божией! Как корабль, имеющий многие снасти, паруса и великое кормило, она управляется Святым Духом. Добрые кормчие ее – учителя Церкви, архипастыри – суть преемники апостольские. А ваша часовня подобна маленькой лодке, не имеющей кормила и весел; она причалена вервием к кораблю нашей Церкви, плывет за нею, заливаемая волнами, и непременно потонула бы, если бы не была привязана к кораблю».

В другое время пришел к нему один старообрядец и спросил: «Скажи, старец Божий, какая вера лучше: нынешняя церковь или старая?»

«Оставь свои бредни, – отвечал о. Серафим; жизнь наша есть море, св. Православная Церковь наша – корабль, а кормчий – Сам Спаситель. Если с таким Кормчим люди, по своей греховной слабости, с трудом переплывают море житейское и не все спасаются от потопления, то куда же стремишься ты со своим ботиком и на чем утверждаешь свою надежду – спастись без Кормчего?»

Однажды зимой привезли на санях больную женщину к монастырской келье о. Серафима и о сем доложили ему. Несмотря на множество народа, толпившегося в сенях, о. Серафим просил принести ее к себе. Больная вся была скорчена, коленки сведены к груди. Ее внесли в жилище старца и положили на пол. О. Серафим запер дверь и спросил ее:

- Откуда ты, матушка?
- Из Владимирской губернии.
- Давно ли ты больна?
- Три года с половиной.
- Какая же причина твоей болезни?
- Я была прежде, батюшка, Православной веры; но меня отдали замуж за старообрядца. Я долго не склоня-

лась к ихней вере – и все была здорова. Наконец они меня уговорили: я переменяла крест на двуперстие и в церковь ходить не стала. После того вечером пошла я раз по домашним делам во двор; там одно животное показалось мне огненным, даже опалило меня; я в испуге упала, меня начало ломать и корчить. Прошло немало времени. Домашние хватились, искали меня, вышли во двор и нашли – я лежала. Они внесли меня в комнату. С тех пор я хвораю.

– Понимаю, – отвечал старец. – А веруешь ли ты опять в св. православную Церковь?

– Верую теперь опять, батюшка, – отвечала больная.

Тогда о. Серафим сложил по православному персты, положил на себя крест и сказал:

– Перекрестись вот так во имя Святой Троицы.

– Батюшка, рада бы, – отвечала больная, – да руками не владею.

О. Серафим взял из лампы у Божией Матери Умиления елей и помазал грудь и руки больной. Вдруг ее стало расправлять, даже суставы затрещали, и тут же получила совершенное здоровье.

Народ, стоявший в сенях, увидев чудо, разглашал по всему монастырю, и особенно в гостинице, что о. Серафим исцелил больную.

Когда это событие кончилось, то пришла к о. Серафиму одна из Дивеевских сестер, и доселе пребывающая в живых и свидетельствующая об этом чуде. О. Серафим сказал ей: «Это, матушка, не Серафим убогий исцелил ее, а Царица Небесная». Потом спросил ее:

– Нет ли у тебя, матушка, в роду таких, которые в церковь не ходят?

– Таких нет, батюшка, – отвечала сестра, – а двуперстным крестом молятся мои родители и родные все.

– Попроси их от моего имени, – сказал о. Серафим, – чтобы они слагали персты во имя Святой Троицы.

– Я им, батюшка, говорила о сем много раз, да не слушают.

– Послушают, попроси от моего имени. Начни с твоего брата, который меня любит: он первый согласится. А были ли у тебя из умерших родные, которые молились двуперстным крестом?

– К прискорбию, у нас в роду все так молились.

– Хотя и добродетельные были люди, – заметил о. Серафим, пораздумавши, – а будут связаны: св. Православная Церковь не принимает этого креста... А знаешь ли ты их могилы?

Сестра назвала могилы тех, которых знала, где погребены.

– Сходи ты, матушка, на их могилы, положи по три поклона и молись Господу, чтобы Он разрешил их в вечности.

Сестра так и сделала. Сказала и живым, чтобы они приняли православное сложение перстов во имя Святой Троицы, и они точно послушались голоса о. Серафима: ибо знали, что он угодник Божий и разумеет тайны св. Христовой веры.

О православном сложении перстов и положении на челе крестного знамения должным образом о. Серафим очень заботился и приписывал крестному знамению великую силу. Крестьянин Ардатовского уезда села Авдеева М. Б., собираясь в Саров на богомолье, перед самым выездом получил такой жестокий удар, что память совершенно потерял, и его без сознания привезли в Саровскую пустынь. Здесь один послушник, земляк больному, привел его к о. Серафиму. «Едва только стали подходить мы к келье старца, – рассказывал после М. Б. И бывший с ним послушник, – как я уже почувствовал в себе облегчение: чувство памяти и понимания понемногу снова начало возвращаться ко мне, и я помню все, что отец Серафим говорил и делал со мной в то время. Сперва он благословил меня и начертил на челе моем крест маслом из лампадки; потом дал мне две пригоршни сухариков, наконец сам показал мне трех-

перстное сложение креста и сказал: «Милостив Бог! Молись Ему так: со временем все это пройдет». И действительно, немного спустя, по возвращении моем домой, я сделался совершенно здоров, молитвами угодника Божия о. Серафима».

Часто старец Божий одним своим видом и простым словом приводил к сознанию грешников, и они решались исправиться от пороков. Так, в одно время к нему силился пройти сквозь толпу народа один крестьянин, но всякий раз как будто отталкиваем был кем-то. Наконец сам старец обратился к нему и спросил строго: «А ты куда лезешь?» Крупный пот выступил на лице крестьянина, и он с чувством глубочайшего смирения, в присутствии всех тут бывших, начал раскаиваться в своих пороках, особенно краже, сознавая, что он не достоин явиться пред лицо такого светильника. Конечно, это сознание не могло не принести добрых плодов в жизни простосердечного крестьянина.

Иван Яковлевич Каратаев относительно наставлений о. Серафима, лично ему данных, рассказывал следующее:

«В октябре 1830 года я был послан из Курской губернии, где квартировал наш полк, за ремонтом в Курск и дорогою я много слышал о подвигах старцев Саровской пустыни Назария, Марка и других, в особенности много рассказывали мне о великом подвижнике той пустыни, затворнике и пустыннике иеромонахе Серафиме, о его святой жизни, о чудных его предсказаниях, о даре врачевания всевозможных болезней, телесных и душевных, и о необыкновенной его прозорливости. Эти рассказы до того разогрели мое сердце, что я решился непременно заехать по пути в Саров. Но когда я был подле самой почти Саровской пустыни, враг смутил меня страхом прозорливости старца Серафима. Мне казалось, что старец торжественно обличит меня во всех грехах моих, особенно же в заблуждении касательно почитания святых икон. Я думал, что икона, пи-

санная рукою человека, даже, может быть, грешного, не может быть угодна Богу, следовательно, не может вместить в себя чудодейственной благодати Божией, и поэтому не должна быть предметом нашего почитания и благоговения. По слабости и малодушию я совершенно покорился страху обличения от прозорливого старца и проехал мимо Саровской пустыни.

На следующий год, в марте месяце, когда войска наши двинулись на польскую границу, я возвращался в свой полк по приказанию начальства.

Путь мой лежал опять мимо Саровской пустыни, и теперь уже решился, по совету своего отца, побывать у о. Серафима. Когда я шел из гостиницы к келье старца, внезапно страх, до того времени владевший мной, переменялся на какую-то тихую радость, и я заочно возлюбил о. Серафима. Около его кельи уже стояло множество народа, пришедшего к нему за благословением. О. Серафим, благословляя прочих, взглянул и на меня и дал мне знак рукой, чтобы я прошел к нему. Я исполнил его приказание со страхом и любовью, поклонился ему в ноги, прося его благословения на дорогу и предстоящую войну и чтобы он помолился о сохранении моей жизни. О. Серафим благословил меня медным своим крестом, который висел у него на груди, и, поцеловав, начал меня исповедывать, сам сказывая грехи мои, как будто бы они при нем были совершены. По окончании этой утешительной исповеди он сказал мне: «Не надобно покоряться страху, который наводит на юношей диавол, а нужно тогда особенно бодрствовать духом и, откинув малодушие, помнить, что хоть мы и грешные, но все находимся под благодатью нашего Искупителя, без воли Которого не спадет ни один волос с головы нашей». Вслед за тем начал он говорить и о моем заблуждении касательно почитания св. икон; «как худо и вредно для нас желание исследовать таинства Божии, недоступные слабому уму человеческому, например: как действует благодать Божия через святые иконы, как

она исцеляет грешных, подобных нам с тобой, прибавил он, и не только тело их, но и душу; так что и грешники, по вере в находящуюся в них благодать Христову спасались и достигали Царства Небесного». Затем в подтверждение почитания святых икон он приводил в пример, что еще в Ветхом Завете, при кивоте завета, были золотые Херувимы; а в церкви новозаветной Евангелист Лука написал лик Божией Матери, и сам Спаситель оставил нерукотворный Свой образ». Наконец, в заключение, он сказал, что «не нужно внимать подобным хульным мыслям, за которые вечная казнь ждет духа лжи и сообщников его в день Страшного Суда».

Много еще и других душеспасительных слов говорил он тогда в мое назидание; но я не припомню их всех. Говорил он, что «искушения диавола подобны паутине; что только стоит дунуть на нее – и она истребляется; что так-то и на врага-диавола, стоит только оградить себя крестным знамением, – и все козни его исчезают совершенно». Говорил он также, что «все святые подлежали искушениям; но, подобно золоту, которое, чем более может лежать в огне, тем становится чище, и святые от искушений делались искуснее, терпением умилоствовали правосудие Творца и приближались ко Христу, во имя и за любовь Которого они терпели». И наконец несколько раз повторил он, что «тесным путем надлежит нам, по слову Спасителя, войти в Царство Божие».

Слушая о. Серафима, поистине я забыл о своем земном существовании.

Солдаты, возвращавшиеся со мною в полк, удостоились также принять его благословение, и он, делая им в этом случае наставления, предсказал, что ни один из них не погибнет в битве, что и сбылось действительно: ни один из них не был даже ранен.

Уходя от о. Серафима, я положил подле него на свечи три целковых. Но враг диавол, завидуя тогдашнему спокойствию совести людей, вложил мне такую мысль:

зачем святому отцу деньги? Эта вражеская мысль смутила меня, и я поспешил с раскаянием и с просьбой о прощении за нее к о. Серафиму. Но Бог явно наказал меня за то, что я на минуту допустил к себе такую нечестивую мысль. Ходя около кельи о. Серафима, я не мог узнать ее и принужден был спросить шедшего к нему монаха: где келья о. Серафима? Монах, удивляясь, вероятно, моему вопросу, указал мне ее. Я вошел с молитвою к старцу, и он, предупреждая слова мои, сказал мне следующую притчу: «Во время войны с галлами надлежало одному военачальнику лишиться правой руки; но эта рука дала какому-то пустыннику три монеты на св. храм, и молитвами св. церкви Господь спас ее. Ты это пойми хорошенько и впредь не раскаивайся в добрых делах. Деньги твои пойдут на устройство Дивеевской общины, за твоё здоровье». Потом о. Серафим опять исповедал меня, поцеловал, благословил и дал мне съесть несколько просфорных сухариков и выпить святой воды, которую вливая мне в рот, сказал: «Да изженется благодатью Божией дух лукавый, нашедший на раба Божия Иоанна». Старец дал мне и на дорогу сухарей и св. воды и, сверх того, просфору, которую сам положил в мою фуражку.

Наконец, получая от него последнее благословение, я просил его не оставить меня своими св. молитвами; на это он сказал: «Положи упование на Бога и проси Его помощи; да умей прощать ближним своим – и тебе дастся все, о чем ни попросишь».

В продолжение польской кампании я был во многих сражениях – и Господь везде спасал меня за молитвы праведника Своего».

Один генерал пришел к старцу и благодарил его за молитвы. «Вашими молитвами, – говорил он, – я спасся во время турецкой кампании. Окруженный многими полками неприятелей, я оставался сам с одним только полком и видел, что мне нельзя было ни укрепиться, ни двинуться куда-нибудь, ни взад ни вперед. Не было ни-

какой надежды ко спасению. Я только твердил непрестанно: «Господи, помилуй молитвами старца Серафима», – ел сухарики, данные мне вами в благословение, пил воду святую – и Бог охранил меня от врагов неведимым». Старец отвечал на это: «Великое средство ко спасению – вера, особливо *непрестанная сердечная молитва*; пример нам св. Моисей пророк. Он, ходя в полках, безмолвно молился сердцем, и Господь сказал Моисею: *Моисее, Моисее, что вопиешь ко Мне?* Когда же Моисей воздвигал руки свои на молитву, тогда побеждал Амалика... Вот что есть молитва! Это непобедимая победа! Св. пророк Даниил говорит: *Лучше мне умереть, нежели оставить молитву на мгновение ока*: молитвой пророк Даниил заградил уста львов, а три отрока угасили печь огненную».

Когда о. Серафим говорил это, подошли к нему два человека, одетые в светское платье. Отец Серафим, обратясь к одному из них, сказал: «А наше дело с вами учить людей!» Удивленный такой речью, этот отвечал искренно: «Да, я пастырь западной церкви!» После беседы со старцем этот пастырь обещал и, говорят, присоединился к Православной Церкви.

Князь Н: Н. Г., проезжая из Москвы в Пензу, по желанию принять благословение от о. Серафима, заехал в Саров и, не найдя старца в монастыре, поспешно пошел в пустынь. На дороге в полуверсте от монастыря старец встретился с ним, к величайшей его радости. Князь подошел к нему и просил благословения. Благословивши, старец спросил: «Кто ты такой?» Князь, не назвавши своей фамилии, сказался просто проезжающим человеком. Тогда о. Серафим с братолюбием обнял его и, поцеловавши, сказал: «*Христос воскрес!*» Затем спросил: «Читаешь ли ты святое Евангелие?» Проезжавший сказал, что читает. «Читай почаще, – отвечал старец, – следующие слова в сей божественной книге: *Приидите ко Мне, вси труждающиеся и обремененные, и Аз упокою*

вы. Возьмите иго Мое на себя и научитесь от Меня, яко кроток Аз и смирен сердцем, и обрящете покой душам вашим; иго бо Мое благо и бремя Мое легко есть (Мф. 11, 28-30). Сказав эти слова, старец опять со слезами обнял князя. Дорогою продолжал беседовать с ним о будущей жизни и о разных испытаниях, имеющих с ним случиться, которые все сбылись в свое время. Пришедши в монастырь, старец пригласил князя к себе в келью, дал напиток св. воды и пожаловал горсть сухарей. Прощаясь же с ним, он спросил у проезжавшего человека: «Долго ли намеревается он пробить в монастыре?» Тот отвечал, что предполагает уехать на утро, после ранней литургии. Тогда о. Серафим с невыразимой любовью сказал, что, полюбив его, он желает еще видаться с ним завтра, после ранней обедни, что поэтому собственно; ради него, он не пойдет завтра в пустынь и останется в монастыре. На другой день старец вышел к нему навстречу на крыльцо своей кельи, благословил, обнял его и ввел в келью. Здесь опять напоил его св. водой, дал сухариков и, благословляя в путь, опять советовал почаще читать прежде сказанные слова из святого Евангелия и еще *Символ веры*, в котором просил обращать особенное внимание на двенадцатый член.

К сожалению, другие беседы старца с князем остались неизвестными; но для князя они служили величайшим утешением и принесли много душевной пользы.

В отношении к родителям о. Серафим внушал уважение даже и в таком случае, если бы они имели слабости, унижающие их. Так, один человек пришел к старцу со своей матерью. Мать же его в высшей степени предана была пьянству. Только что хотел он изъяснить о. Серафиму слабости своей матери... Старец мгновенно положил правую свою руку на уста его и не позволил промолвить ему ни одного слова. По учению нашей Православной Церкви, мы не должны осуждать родителей своих, терять к ним уважением и любовь из-за недос-

татков их. От сына обратясь к матери, о. Серафим сказал: «Отверзи уста свои». И когда она открыла, дунул на нее трижды. Отпуская же их от себя, сказал: «Вот вам мое завещание: «Не имейте в дому своем не точию вина, но ниже посуды винной, так как ты (обращаясь к матери), не потерпишь более вина».

К последним же годам жизни о. Серафима относятся следующие замечательные наставления разным лицам, в свое время записанные саровским иноком Сергием, бывшим впоследствии архимандритом Высоковского Серпуховского монастыря: о должностях и любви к ближним; о неосуждении ближнего и прощении обид; о терпении и смирении; о болезнях; о милостыне; о посте; о покаянии; о слезах и о Святом Духе. (См. приложение).

Были у старца Серафима на беседе и такие люди, которые не искали себе назидания, а хотели лишь удовлетворить своей пытливости. Так, одному саровскому брату подумалось, что уже близок конец мира, что наступает великий день Второго пришествия Господня. Вот он и спрашивает о сем мнения о. Серафима. Старец же смиренно отвечал: «Радость моя! Ты много думаешь о Серафиме убогом. Мне ли знать, когда будет конец миру сему и наступит великий день, в который Господь будет судить живых и мертвых и воздаст каждому по делам его? Нет, сего мне знать невозможно». Брат в страхе упал к ногам прозорливого старца, Серафим же ласково поднял его и продолжал говорить так: «Господь сказал Своими пречистыми устами: *О дне том и часе никто же весть, ни Ангелы небесные, токмо Отец Мой Един. Но как было во дни Ноевы, тако будет и в пришествие Сына Человеческого. Яко же бо бяху во дни прежде потопа ядуще и пиюще, жениящиеся и посягающе дондеже вониде Ной в ковчег, и не уведеша, дондеже прииде вода и взят вся: тако будет и пришествие Сына Человеческого* (Мф. 24, 36-39). При сем старец тяжело вздохнул и сказал: «Мы, на земле живущие, много за-

блудили от пути спасительного; прогневаем Господа и несохранением св. постов; ныне христиане разрешают на мясо и во св. четыредесятницу и во всякий пост; среды и пятницы не сохраняют; а Церковь имеет правило: не хранящие св. постов и всего лета среды и пятницы много грешат. Но не до конца прогневается Господь, паки помилует. У нас вера православная, Церковь, не имеющая никакого порока. Сих ради добродетелей Россия всегда будет славна и врагам страшна, и непреборима, имущая веру и благочестие в щит и во броню правду: сих врата адовы не одолеют».

Видя, что о. Серафим так много подвизается в научении других, один брат решился спросить его: «Что ты всех учишь?». На это достоблаженный старец отвечивал: «Я следую учению Церкви, которая поет: *не скрывай словес Бога, но возвещай Его чудеса* (Вторн. Страсти. седм. на вечерн. стих).

В другой раз ему послано было сказать: зачем он приходящих к нему помазывает елеем из лампады, горящей в келье его пред иконой? О. Серафим отвечал посланному: «Мы читаем в Писании, что апостолы мазали маслом, и многие больные от сего исцелялись. Кому же следовать нам, как не апостолам? И обычай его помазывать приходящих беспрепятственно оставался за ним, потому что помазанные получали врачевание.

Г) СЛУЧАИ ПРОЗОРЛИВОСТИ О. СЕРАФИМА

Прозорливость старца Серафима простиралась очень далеко. Он давал наставления для будущего, которого человеку обыкновенному никак не предусмотреть. Так, пришла к нему в келью одна молодая особа, никогда не думавшая оставить мир, чтобы попросить наставления, как ей спастись. Едва только эта мысль мелькнула в ее голове, старец уже начал говорить:

«Много-то не смущайся; живи так, как живешь; в большем Сам Бог тебя научит». Потом, поклонившись ей до земли, сказал: «Только об одном прошу тебя: пожалуйста, во все распоряжения входи сама и суди справедливо: этим и спасешься». Находясь тогда еще в мире и совершенно не думая никогда быть в монастыре, эта особа никак не могла понять, к чему клонятся такие слова о. Серафима. Прощаясь с о. Серафимом, собеседница сказала, что, может быть, Господь приведет им опять свидеться. «Нет, – отвечал о. Серафим, – мы уже прощаемся навсегда, а потому прошу не забывать меня в святых своих молитвах». Когда же она просила помолиться и за нее, он отвечал: «Я буду молиться, а ты теперь гряди с миром: на тебя уже сильно ропщут». Спутницы действительно встретили ее в гостинице с сильным ропотом за медлительность. Между тем слова о. Серафима не были произнесены на воздух. Собеседница, по неисповедимым судьбам Промысла, вступила в монашество под именем Каллисты и, быв игуменьей в Свяжском монастыре Казанской губернии, помнила наставления старца и по ним устроила свою жизнь.

В другом случае посетили о. Серафима две девицы, духовные дочери Стефана, Саровской пустыни схимонаха. Одна из них была купеческого сословия, молодых лет, другая – из дворян, уже пожилая возрастом. Последняя от юности горела любовью к Богу и желала давно сделаться инокиней, только родители не давали ей на то благословения. Обе девицы пришли к о. Серафиму принять благословение и попросить у него советов. Благородная, сверх того, просила благословить ее на вступление в монастырь. Старец, напротив, стал советовать ей вступить в брак, говоря: «Брачная жизнь благословлена самим Богом. В ней нужно только с обеих сторон соблюдать супружескую верность, любовь и мир. В браке ты будешь счастлива, а в монашество нет тебе дороги. Монастырская жизнь трудна и не для всех

выносива». Девушка же из купеческого звания, юная возрастом, о монашестве не думала и слова о том о. Серафиму не говорила. Между тем он сам от себя благословил, ее по своей прозорливости, поступить в иноческий сан, даже назвал монастырь, в котором она будет спасаться. Обе остались одинаково недовольны беседой старца, а девушка пожилых лет даже оскорбилась его советами и охладела в своем усердии к нему. Сам духовный отец их, иеромонах Стефан, удивлялся и не понимал, почему, в самом деле, старец пожилую особу, ревностную к иноческому пути, отвлекает от монашества, а деву юную, не желающую иночества, благословляет на путь сей? Последствия, однако же, оправдали старца. Благородная девушка уже в преклонных летах вступила в брак и была счастлива. А юная – действительно пошла в тот монастырь, который назвал прозорливый старец.

Ротмистр Африкан Васильевич Теплов, имевший в обычае ежегодно посещать о. Серафима, сообщил о даре прозорливости его следующие случаи, лично к нему относившиеся.

«В 1829 году, летом, поехал я в Саров с женой и детьми. Дорогою жена моя, видя, что старший сын наш, которому было около 10 лет от роду, занимается исключительно чтением священных книг, не обращая никакого внимания на окружающее, начала жаловаться, что дети наши слишком уж привязаны к одним только священным книгам и что они вовсе не заботятся о своих уроках, о науках и о прочем, необходимом в свете. По прибытии в Саров мы немедленно пошли к о. Серафиму и были им приняты очень ласково. Благословляя меня, он сказал, чтобы мы побыли здесь три дня; благословляя жену мою, произнес: «Матушка! Матушка! Не торопись детей-то учить по-французски и по-немецки, а приготовь душу-то их прежде, а прочее все приложится им потом».

Благословляя же обоих детей наших, удостоил называть старшего «сокровищем своим». Так обличил пра-

ведный старец несправедливый ропот жены моей, да и потом, в течение всей своей жизни, до самой кончины не переставал предупреждать меня всегда касательно всех обстоятельств радостных и печальных, случавшихся в нашем семействе, подкрепляя слабый мой дух отеческими своими советами.

В том же 1829 году я был свидетелем следующего обстоятельства из жизни о. Серафима. Один господин имел намерение жениться на такой особе, которая по званию своему никак ему не соответствовала, да и родители его не соглашались на этот брак. Но господин тот, зная, что родители его вполне уважают о. Серафима и не в состоянии будут после его одобрения противиться этому браку, хотел сначала преклонить старца на свою сторону. Для этого, приготовив предварительно доказательства на законность своего намерения и даже тексты священного Писания, на случай несогласия о. Серафима, для его убеждения, прибыл он к этому праведному старцу. И вдруг, к величайшему своему изумлению, слышит он, что старец произносит имя и отчество той самой особы, о которой он думал делать ему свои запросы, – что он говорит ему далее и те самые доказательства, которые он хотел ему представить, и наконец даже те тексты св. Писания, на которые он хотел опереться, в случае несогласия старца. Пораженный этим неожиданным предупреждением своих мыслей, господин тот пал безмолвно на колени перед старцем. Отец же Серафим, поднимая его, сказал ему: «Богу и Божией Матери и твоей матери не угодно твое намерение – и сего не будет». Действительно, с тех пор донине брак тот не состоялся. По возвращении от старца этот господин сам сознался, что он никогда прежде не верил, чтобы могли быть праведники на земле; но что настоящий случай убедил его вполне в праведной жизни о. Серафима.

«В 1830 году, по случаю бывшей болезни жены моей, обещались мы съездить на богомолье в Тихвин к чу-

дотворной иконе Царицы Небесной. Но в тот самый день, когда нам нужно было выехать, жена моя, сходя по лестнице со 2 этажа, споткнулась и вывихнула себе чашку у колена. Хотя же, при помощи костоправа, нога и была поправлена, но при малейшем после того движении чашка сдвигалась опять со своего места, так что, по-видимому, невозможно было совсем нам ехать. Однако ж, имея полную веру к молитвам о. Серафима, мы не хотели отлагать поездки до другого времени и отправились в путь тогда же, что было зимой. На пути боль ее усилилась, и это заставляло меня, при всем уповании на милость Божию и молитвы о. Серафима, несколько раз предлагать жене совет о возвращении домой. Но она не соглашалась. А так как у нас принято было за священное правило не проезжать Саровской пустыни, не приняв благословения о. Серафима, то мы и на этот раз повернули к нему с большой дороги.

Еще мы были далеко от обители, как вдруг боль в ноге моей жены начала уменьшаться и, по мере приближения нашего к Сарову, становилась все слабее и слабее и наконец, когда мы въехали в самую пустынь, она прекратилась совершенно: чашка установилась на своем месте, и опухоль исчезла. Мы явились к старцу в келью для получения его благословения, и он, благословивши нас, приказал нам прийти к нему в пустыньку, к источнику, куда мы и прибыли около полудня. Старец принял нас очень милостиво, напоил водой из источника, дал на дорогу в Тихвин две ржаные корки и, благословляя на путь, сказал: «Грядите, грядите, грядите! Дорожка гладенькая».

Последние слова о. Серафима мы вспомнили на обратном пути из Тихвина, потому что, хотя это было и в январе месяце, но, в ожидании проезда Государя императора, дорогу так уравнили, что на ней не встретили почти ни одного ухаба.

Даром прозорливости своей о. Серафим приносил много пользы ближним. Так, была в Сарове из Пензы благочестивая вдова диакона, по имени Евдокия. Желая принять благословение старца, она в среде множества народа пришла за ним из больничной церкви и остановилась на крыльце его кельи, ожидая позади всех, когда придет ее очередь подойти к о. Серафиму. Но о. Серафим, оставив всех, вдруг говорит ей: «Евдокия! Поди ты сюда поскорее». Евдокия необыкновенно удивлена была, что он назвал ее по имени, никогда не видав ее, и подошла к нему с чувством благоговения и трепета. О. Серафим благословил ее, дал св. антидора и сказал: «Тебе надобно поспешить домой, чтобы застать дома сына». Евдокия поспешила и в самом деле едва застала сына своего дома: в ее отсутствие начальство пензенской семинарии назначило его студентом киевской академии и, по причине дальнего расстояния Киева от Пензы, спешило скорее отправить его на место. Этот сын, по окончании курса в киевской академии, пошел в монашество под именем Иринарха, был наставником в семинариях, в настоящее время состоит в звании архимандрита и глубоко чтит память о. Серафима.

До нашего времени дошли и такого рода сведения, из которых мы усматриваем не только пользу от прозорливости о. Серафима, но и объяснение тому, как этот дар Божий действовал в нем. Раз пришли к о. Серафиму в монастырскую келью строитель Высокогорской пустыни иеромонах Антоний и приезжий из Владимирской губернии купец. Они вошли вместе. Строителя о. Серафим попросил сесть и подождать, а с купцом стал немедленно говорить. Милостиво и ласково он обличал его в пороках и делал наставления: «Все твои недостатки, – говорил он, – суть следствия твоей страстной жизни. Оставь ее, исправь пути твои». Пространная его речь на эту тему проникнута была столь трогательной теплотой сердца, что и купец, к которому

она прямо относилась, и строитель, для которого она была делом сторонним, тронуты были, в буквальном смысле, до слез. В заключение о. Серафим советовал купцу поговорить в Сарове и причаститься св. Тайн, обнадеживая, что Господь, в случае искреннего покаяния, не отнимет от него Своей благодати и милости. По окончании беседы купец, настроенный к благочестию, поклонился старцу в ноги, благодарил его от всей души за его душеполезную беседу, обещался исполнить что слышал и, прося молитв о. Серафима, вышел из его кельи весь в слезах.

Тогда строитель Высокогорской пустыни, много лет пользовавшийся вниманием и уважением о. Серафима, осмелился спросить его:

– Батюшка! Душа человеческая пред вами открыта, как лицо в зеркале: в моих глазах не выслушавши¹ духовных нужд и скорбей бывшего сейчас богомольца, вы все ему высказали.

О. Серафим не сказал ни слова.

Строитель продолжал:

– Теперь я вижу: ум ваш так чист, что от него ничто не сокрыто в сердце ближнего.

О. Серафим положил правую руку на уста своему собеседнику и сказал:

– Не так ты говоришь, радость моя. Сердце человеческое открыто одному Господу и один Бог сердцеведец, и *до глубины сердца* (Псал. 63, 7). Засим рассказал он, как некоторые укоряли св. Григория Богослова за то, что приблизил он к себе Максима циника. Но святитель сказал: «Един Бог ведает тайны сердца человеческого, а я видел в нем обратившегося от язычества в христианство, что для меня велико».

Строитель опять спросил:

– Да как же, батюшка, вы не спросили от купца ни единого слова и все сказали, что ему нужно?

О. Серафим, отверзши уста и распространив слово, начал изъяснять:

– Он шел ко мне, как и другие, как и ты, шел, как к рабу Божию; я, грешный Серафим, так и думаю, что я грешный раб Божий, что мне повелевает Господь как рабу Своему, то я передаю требующему полезного. Первое помышление, являющееся в душе моей, я считаю указанием Божиим и говорю, не зная, что у моего собеседника на душе, а только веруя, что так мне указывает воля Божия для его пользы. А бывают случаи, когда мне выскажут какое-либо обстоятельство, и я, не поверив его воле Божией, подчиню своему разуму, думая, что это возможно, не прибегая к Богу, решить своим умом, – в таких случаях всегда делаются ошибки».

Весьма назидательную и много объясняющую сию беседу старец заключил так:

– Как железо ковачу, так я предал себя и свою волю Господу Богу: как Ему угодно, так и действую; своей воли не имею, а что Богу угодно, то и передаю».

Эту беседу нам передал лично почтенный отец архимандрит Антоний, бывший в то время строителем Высокогорского монастыря, а ныне наместник Сергиевой Лавры.

Д) ИСЦЕЛЕНИЯ ПРИ ПОСРЕДСТВЕ МОЛИТВ СТАРЦА СЕРАФИМА

Некоторые по своей вере, при жизни о. Серафима и при посредстве его молитв получали исцеления. Так, в 1830 году прибыла в Саров одна больная, бывшая впоследствии игуменьей в г. Слободске Вятской губернии. Она страдала водяной болезнью; тело у нее все опухло и пожелтело; расслабление чувствовалось в такой степени, что она с большим трудом достигла Сарова. На дороге два раза останавливалась и однажды так была слаба, что в нижегородском женском монастыре ее уже напутствовали к смерти.

По прибытии в Саров пришла она, в числе других посетителей, в келейные сени о. Серафима и села позади других. Старец же, раздвинув толпу посетителей, подошел прямо к ней, протянул ей руку, принял от нее полотенце ее рукоделья, трижды утерся им и, сказав: «Иди, радость моя, за мной», – привел ее в свою келью. Здесь он благословил ее, дал просфоры со св. водой и, отпуская от себя, сказал: «Завтра мы с тобой увидимся».

На другой день старец принимал посетителей в ближней пустынной келье, около своего источника. Он вышел к ним в полумантии с зажженной в руках свечой, начал благословлять всех, говоря каждому потребное на пользу души. После всех подошла к нему и больная. Взглянув на нее, он сказал: «Ты, матушка, очень нездорова? И потом, благословляя, продолжал: «Поди умойся в ключе и напейся – и будешь здорова». Больная отвечала: «Уж я пила, батюшка, и умылась, когда пришла сюда». Тогда он сказал опять: «Возьми, матушка, возьми воды-то из ключа с собой, пей и умывайся, и тело-то омой: апостолы Христовы исцелят тебя, будешь здорова». А как она сказала, что при ней нет сосуда, в котором можно бы унести воды с собой, то старец вынес из своей кельи небольшой кувшинчик и повторил как при сем случае, так и после возвращения с водой, прежние слова свои.

Возвратившись в гостиницу, больная тотчас же исполнила во всей точности совет старца, не опасаясь употребления воды в водяной болезни и не слушаясь тех, которые, бывши с нею, запрещали это: на другой день она встала с постели совершенно здоровой. Вода из нее вытекла, опухоль уничтожилась, боль стихла, возвратилась крепость сил: лицо покрылось естественной белизной. Больная точно переродилась, и те, которые видели ее еще накануне, утром почти не узнавали.

Перед отправлением в обратный путь отец Серафим прислал ей и двум ее спутницам вместе с благословением: выздоровевшей – палочку с клюкой, одной из спутниц – палочку же с четырьмя отростками, а другой – простую палочку. Последствия показали, что с каждым из этих знаков соединялось особое значение, которого в то время они не поняли. Выздоровевшая, поступив в монахини под именем Пульхерии, была игуменьей в женском монастыре города Слободска Вятской губернии. Первая из спутниц с тремя своими отростками (двумя сыновьями и дочерью) все четверо приняли монашеский сан; вторая спутница также поступила в монастырь.

В предыдущем рассказе упомянуто об источнике Серафимовом и его целительной силе.

Вот что рассказывает об этом событии нынешний Саровский иеромонах о. Анастасий. Раз случилось ему быть у батюшки о. Серафима около его колодца. Старец между беседой сказал ему: «Вот, батюшка, я молился, чтобы вода сия в колодце была целительной от болезней. Этим объясняются нынешние свойства воды, текущей в Серафимовом источнике, которых прежде она не имела. Во-первых, вода сия, как замечают, никогда не портится, хотя бы много лет стояла в незакупоренных сосудах. Некоторым хотелось бы объяснить это качество минеральными веществами, входящими будто бы в состав ее. Но известно, что и минеральные воды изменяются и подвергаются порче, даже очень скоро, при дурной укупорке. Во-вторых, водой из Серафимова источника во всякое время года многие омываются, и здоровые, и больные, и не только никто не получает от этого вреда, а напротив, многие, как видим, получали исцеление. Так, после смерти о. Серафима княг. Е. И. Е. Рассказывала относительно целительных свойств Серафимова источника следующее: «Двоюродная сестра моя В. Н. очень страдала припадками и боялась всякой свя-

тыни, с которой подходили к ней. Лекарства, как это часто бывает, не помогали ей. Нечего делать, повезли ее в Саров к о. Серафиму. Старец дал ей сухариков и велел умыться в своем источнике. С той минуты болезнь ее совершенно прошла, и она живет благополучно у детей своих».

Вот что говорится еще в письмах Марии Кол., современницы о. Серафима, лично знавшей его, в письмах, которые писаны были к затворнику Георгию, в первое полугодие после кончины Саровского подвижника:

«Я опять перехожу к о. Серафиму как источнику моей радости. Мне и в присутствии моем другим сказывала Мавра Львовна, генеральша Сипягина. Она была больна, чувствовала в себе ужасную тоску, и от болезни не могла в постные дни кушать пищи, положенной уставом Церкви. Когда она пришла к о. Серафиму, старец приказал ей напиться воды у его источника. Мавра Львовна напилась: вдруг, без всякого принуждения, из нее гортанью вышло множество желчи. И после сего она стала здорова.

Также Татьяна Васильевна Баринова, в бытность свою у о. Серафима, жаловалась ему на свою болезнь; а у нее на руке был непроходимый лишай, и вся рука была обвязана. Батюшка о. Серафим приказал ей вымыть руку водой из источника. Татьяна же Васильевна сперва подумала: «Ах! Как я это сделаю, если и от малейшего прикосновения сырости болезнь руки усиливается? Однако же на сей случай она не затруднилась оказать послушание и свою руку умыла. Тотчас же как бы чешуя слезла с руки ее вместе с кожей, и с тех пор руки ее чисты.

Многим даже в ранах о. Серафим приказывал окатиться водой из его источника. Все получали от этого исцеление – и в различных болезнях».

Повествования свои о целительности источника Мария окончила так: «Жизнь батюшки о. Серафима и чудные дела Божии в нем меня радуют. А как вспомню

о его переселении от здешних, и что я более его не увижу, так сердце мое восполняется горести и глаза – слез. Я бы у него попросилась в Дивеевскую общину... В бытность у него я так была удивлена им, что нашлась мало что поговорить с ним о себе: только лились неудержимо мои слезы. С предсказанные переворотом моей жизни мне показалось, что все мое сердце превратилось в плач. Но старец успел и здесь меня успокоить и покорить воле Божией».

Случаев, в которых о. Серафим при жизни своей оказывал помощь больным, было очень много. Так, инок Саровской обители Александр рассказывал о себе многим боголюбивым особам следующие обстоятельства:

«Будучи еще в мире, он страдал расслаблением всех членов, особенно же его мучила нестерпимая боль в одном ухе. Лекарства ему нисколько не помогали. В ухе наконец образовался завал. По совету добрых людей он отправился в Саров просить молитв и помощи о. Серафима. Когда больной, вошедши, упал ему в ноги, то старец, ни слова не говоря, подошел к лампаде, горячей пред образом Божией Матери, омочил в масло перст свой и помазал больное место уха. Больной в ту же минуту почувствовал облегчение, а вскоре и вся боль прошла. Тут же старец, между прочим, сказал выздоровевшему: «Ты будешь наш», – и он, несмотря на значительные препятствия, действительно поступил в Саровскую пустынь.

По вступлении в монастырь у него чрезвычайно усилилось расслабление правой руки, и прежде ощущаемое. Инок не мог ни креститься, ни кушать правой рукой без поддержки левой. Опять пришедши к старцу Серафиму, он бросился ему в ноги, прося его благословения и помощи св. молитвами. О. Серафим весьма милостиво благословил его и с радостным лицом сказал: «Помолись Царице Небесной и положи ей три поклона». Инок тотчас же положил три поклона пред обра-

зом Божией Матери. После сего старец, взяв сосуд со св. водой, стал подавать ему в больную руку. Но инок отвечал: «Батюшка! Не могу взять этой рукой: она у меня болит и вся расслаблена». Тогда старик взял его за больную руку и, подавая сосуд, сказал: «Бери и пей». Больной, хотя с трудом и при поддержке о. Серафима, напился. Старец в заключение благословил его и с миром отпустил в келью. «С того времени, – говорил инок Александр, – благодаря Бога за молитвы о. Серафима, я не чувствую никакой боли в руке моей».

И в Дивееве, и в Сарове занимались работами многие из крестьян. Некоторые из них особенно близки были к о. Серафиму; они питали к старцу веру и любовь, как к лицу, угодному Богу, и о. Серафим взаимно любил их. Некоторые из них таким образом сделались достоверными повествователями событий из жизни старца.

Так, Лихачевский крестьянин Е. В. рассказывал, что он в 1831 году почувствовав в себе признаки холеры, тотчас же побежал к о. Серафиму просить помощи и едва мог доползти до его кельи. Старец приложил его к образу Божией Матери Умиления, напоил св. водой и дал вкусить несколько частиц от просфоры. Больной немного поуспокоился. Потом старец велел ему обойти кругом монастыря и, зайдя в собор, помолиться в нем. «Там, – сказал он, – милосердие Божие исцелит тебя». Крестьянин все это исполнил и, по милости Божией, возвратился в гостиницу совершенно здоровым.

Ротмистр Африкан Васильевич Теплов касательно помощи о. Серафима во время холеры сообщил следующее: «В начале 30-х годов появилась в Екатеринбургской губернии холера и начала производить большую смертность в имении моем, находящемся в тамошнем краю. У меня заболело вдруг около 20 человек и уже двое из них умерло. Судорожные же корчи прочих, общий стон и плач раздирали мою душу. В столь крайних обстоятельствах я припомнил, что о. Серафим не-

сколько раз говаривал мне: «Когда ты будешь в скорби, то зайди к убогому Серафиму в келью: он о тебе помолится». Воспоминание это побудило меня с женой обратиться заочно к отцу Серафиму, чтобы он избавил нас от пагубной болезни. И вот в ту же ночь, в сонном видении, является старец жене моей и приказывает ей отправиться на родник, где некогда явилась чудотворная икона Божией Матери, взять оттуда воды, напиться и обмыться ею как нам, так и всем людям. Этот родник, или источник, находится в 12 верстах от моего имения, и я немедленно поутру отправился туда со всем семейством, сохраняя в душе полную уверенность в ходатайстве за нас угодника Божия Серафима.

По прибытии на родник мы погрузили в него сначала крест, а потом напились и умылись из него, как сами, так и служившие нам. В то же время по моему распоряжению привезли к нам из села нашего бочку, которую мы наполнили водой из родника и потом все отправились домой. В селе я приказал собрать всех крестьян, пригасил священника, и по совершении торжественного водоосвящения мы стали раздавать освященную воду всем и отвезли часть ее в больницу, где многие были уже при смерти. Все они, по милосердию Божию, выздоровели вскоре, пользуясь исключительно присланной им водой, и никто с тех пор не умирал в моем имении. В особенности удивило нас всех и заставило возблагодарить милосердие Божие выздоровление одной 70-летней старухи. Она тоже заболела холерой и находилась уже в безнадежном состоянии. Но когда сосед ее, крестьянин, налил ей насильно в рот воды, так как она была в оцепенении, и потом еще вылил на нее из бутылки остальную воду, она впала в бесчувственность; потом через несколько минут выступил на ней обильнейший пот, и через час, не более, старуха была вне всякой опасности».

По случаю этой смертоносной язвы многие обращались к о. Серафиму с письмами, иные лично приезжали

просить его молитв и наставления, как предостеречь себя от опасности. Старец давал следующее наставление:

«Призовем имя Господа – и спасемся. Когда у нас имя Божие будет на устах – мы спасены. Открой ко Господу путь твой и уповай на Него, и Той сотворит; изведет, яко свет, правду твою и судьбу твою, яко полудне (Псал. 36, 5-6), только повинись Господу и умоляй Его». К продолжению сего пути он советовал держать то молитвенное правило, которое еще прежде составил для простолюдинов и людей, часто не имеющих достаточного досуга для молитвы (см. выше). «Кто будет продолжать так, – говорил он, – тот не лишится милости Божией. Молитва – путь к Господу. Благоговейно причащающийся святых Тайн, и не однажды в год, будет спасен, благополучен и на самой земле долговечен. Помните слова апостольские: *всегда радуйтесь, непрестанно молитесь, за все благодарите* (Солун. 5, 17). При таком блаженном и мирном состоянии души, верую, что, по великой благодати Божией, ознаменуется благодать и на роде причащающегося. Пред Господом один творящий волю Его – паче тьмы беззаконных».

Что касается собственно до писем, то о. Серафим часто, не распечатывая, знал их содержание и давал ответы, говоря обыкновенно так: «Вот что скажи от убогого Серафима и проч.». В этом удостоверяют многие боголюбивые особы, обращавшиеся с отцом Серафимом лично или через письма. После смерти старца в келье его нашли много нераспечатанных писем, по которым, однако же, даны были в свое время изустные ответы.

Молитвы старца Серафима были так сильны пред Богом, что есть примеры восстановления болящих от одра смерти. Так, в мае 1829 года сильно заболела жена Алексея Гурьевича Воротилова, жителя Горбатовского уезда села Павлова. Воротилов же имел большую веру

в силу молитв о. Серафима, и старец, по свидетельству знающих людей, любил его, как бы своего ученика и наперсника. Тотчас же Воротилов отправился в Саров и, несмотря на то что приехал туда в полночь, поспешил к келье о. Серафима. Старец, как бы ожидая его, сидел на крылечке кельи и, увидевши, приветствовал его сими словами: «Что, радость моя, поспешил в такое время к убогому Серафиму?» Воротилов со слезами рассказал ему о причине поспешного прибытия в Саров и просил помочь болящей жене его. Но о. Серафим, к величайшей скорби Воротилова, объявил, что жена его должна умереть от болезни. Тогда Алексей Гурьевич, обливаясь потоком слез, припал к стопам подвижника, с верой и смирением умоляя его помолиться о возвращении ей жизни и здоровья. О. Серафим тотчас погрузился в *умную* молитву минут на десять, потом открыл очи свои и, поднимая Воротилова на ноги, с радостью сказал: «Ну, радость моя, Господь дарует супружнице твоей жизнь. Гряди с миром в дом твой». С радостью Воротилов поспешил домой. Здесь он узнал, что жена его почувствовала облегчение именно в те минуты, когда о. Серафим пребывал в молитвенном подвиге. Вскоре же она и совсем выздоровела.

Е) ПОСОБИЕ СТАРЦА СЕРАФИМА В РАЗНЫХ ДУШЕВНЫХ НЕДУГАХ

Старец о. Серафим оказывал помощь скорбящим, пораженным душевными недугами и одерживаемым злыми духами. Так, один саровский брат, находясь в унынии, близком к отчаянию, просил другого разделить с ним несколько минут скорби. Вышли эти два брата из монастыря после вечерни и пошли вокруг ограды, утешаясь взаимной беседой. Подойдя к конному двору, около которого лежала дорожка к Серафимову

источнику, скорбящий брат хотел своротить в сторону, чтобы в таком болезненном состоянии духа не повстречаться ему с о. Серафимом. Но прежде чем успели они отойти от дороги, вдруг увидели вблизи себя старца, идущего навстречу им. Старец явился им в довольно странном наряде. Часть белого его балахона была поднята, по обычаю рабочих, под кушак, а полы опущены. На нем был огромный зеленого цвета левантиновый платок, у которого один конец тащился по земле, а другой обвивал шею. Два брата упали ему в ноги. Старец же, как чадолюбивый отец, с необыкновенной лаской благословил их, потом пропел следующий стих 9-й песни канона, *поемаго во всякой душевной скорби и обстоянии* (параклисиса): *радости исполни мое сердце, Дево, яже радости приемшая исполнение, греховную печаль постребляющи*. Потом, топнув ногой, старец сказал: «Нет нам дороги унывать, потому что Христос все победил, Адама воскресил, Еву освободил, смерть умертвил». Душевное состояние старца как бы перелилось в души скорбящих братьев, и они, оживотворенные его радостью, возвратились в обитель в мирном и благодушном расположении сердца.

Одна вдова, имевшая троих маленьких детей, тяготясь воспитанием их, очень роптала на свою горькую долю. Наслышавшись же о милосердии о. Серафима, она решилась обратиться к нему, испросить благословение и поведать свое горе. Благословив ее, старец сказал: «Не ропщи на свою участь, скоро кончится твое горе: один будет твоим кормильцем». Через неделю после этого двое из детей умерли. Мать поражена была неожиданной их смертью и опять пошла к о. Серафиму, ожидая, что он разрешит ее недоумения, тревожившие душу. Старец, увидев ее и предваряя речи ее, сказал: «Молись Заступнице Пресвятой Богородице и всем святым: клятвой детей своих ты много оскорбила их. Покайся во всем духовному отцу твоему и впредь укрощай

гнев свой, чтобы не быть великой грешницей. В последний раз благословляю тебя: только ты прости их». После сих слов старец благословил вдову, дал ей поцеловать крест, который носил на груди, и ушел в свою келью на другие труды.

В бытность у о. Серафима г-жи Шкариной, свидетельство которой не раз встречается в настоящем труде, одна помещица привела к нему двух дочерей своих. Молодые девицы были одержимы блудным бесом. Одна из них, по своей вере и послушанию старцу Серафиму, получила совершенное исцеление в сердце и помыслах, а другая, не имевшая веры, осталась в душевном недуге и впоследствии, после тяжких страданий, умерла.

Бесноватых о. Серафим исцелял своим присутствием, крестом и молитвой. «Я был свидетелем, – говорил лихачевский крестьянин, работавший в Сарове, – как несколько мужчин привели с величайшими усилиями к сеням пустынной кельи о. Серафима одну бесноватую женщину, которая во всю дорогу упиралась, а у крыльца сеней упала и, запрокинув голову назад, кричала: «Сожжет, сожжет!» О. Серафим вышел из кельи и, так как женщина не хотела открыть рот, насильно влил ей несколько капель св. воды. Я и все мы увидели, что в ту же минуту из ее рта вылетело как бы дымное облако. Когда же старец вслед за тем оградил ее крестным знаменiem и с благословением сотворил над ней святую молитву, бесноватая очнулась и сама начала молиться. Впоследствии, увидев ее в саровском соборе совершенно здоровую, я спросил, что она теперь чувствует. «Слава Богу, – отвечала она, – теперь я не чувствую прежней болезни».

Ж) ИСЦЕЛЕНИЯ И ПРЕДСКАЗАНИЯ ВМЕСТЕ

С совершением исцелений о. Серафим иногда соединял предсказания о будущей судьбе получивших выздо-

рование или тех, кто был при них. Такой случай был с о. Мелхиседеком, ныне монахом арзамасского Спасского монастыря. Будучи в мире, имея жену и детей, он торговал рыбой, сложил для склада ее каменный подвал, но двери хорошей сделать не успел. Сын его, 5-ти лет, играя с другим мальчиком на лестнице подвала, задом упал вниз и после сего стал по ночам плакать, и сделалась в доме их грусть. У ребенка отнялись ноги; ни один даже палец не действовал; тело все высохло, остались одни кости да кожа, и ноги мотались, как плети. Если, бывало, станут сгибать ему ноги, то колени трещали, как пружина; то же повторялось и при разгибании. Сколько ни лечили родители своего сына – лекарства не подействовали, напротив, еще в груди оказалась сильная ломота. Наконец, поговоривши между собой, родители порешили ехать с больным в Саров к о. Серафиму. Дорогой через гати и мосты переносили его на руках, и больной от нестерпимой ломоты в груди все плакал и просился назад домой, где лежать ему было спокойнее; но родители, ни на что не взирая, приехали в Саров. Придя к келье о. Серафима и узнав, что он в пустыне, они терпеливо дожидались его прихода. Возвратившись в монастырь, о. Серафим всех благословил, а больного ребенка, сверх того, поцеловал в голову. Родители объяснили о болезни сына. О. Серафим сказал: «Не лечите ничем, а молитесь Богу» – и дал мальчику чего-то выпить и сухариков. При возвращении домой мальчик в дороге был спокойнее, и родители, перестав лечить его, все молились о нем Богу. Спустя несколько времени матери больного ребенка привиделся сон, чтобы для исцеления сына она взяла чудотворную икону Казанской Божией Матери (икона эта в г. Арзамасе в церкви Казанской Божией Матери) в дом. Точно, икону Божией Матери взяли в дом, отслужили всенощную и молебен с водоосвящением. По окончании молебна священник благословил больного мальчика крестом, дал

ему напиться св. воды, а потом он приложился к чудотворной иконе Божией Матери, которая осталась в доме до утра. Поутру же, отслужив благодарственный молебен Божией Матери, с радостью и благоговением отнесли ее в церковь. По возврате из церкви мать взяла больного ребенка на колени; в это время ноги у него, до того времени не имевшие правильного движения, вдруг согнулись и опять вытянулись, еще раз согнулись и снова вытянулись. Родители, увидев это, от удивления и радости заплакали; а сын, встав на ноги, пошел нетвердым шагом и с этого времени стал ходить лучше и лучше: ноги его окончательно исправились, и он более не страдал ими.

При том свидании, когда больного привозили к о. Серафиму, старец, между прочим, сказал отцу его: «Ты оставь мир». Долго думал отец, что бы это значило, а потом стал уговаривать жену свою идти с дочерью в монастырь, с тем, чтобы и ему самому идти в монастырь же. Жена на это возразила: а родителей (которые при них жили) куда ты думаешь девать? Для родителей, отвечал муж, надо поставить келью и дать на пропитание. Не видя с этой стороны успеха в своих намерениях, жена прямо отвечала, что у нее нет желания идти в монастырь. Дело на том и остановилось. Потом прошло несколько времени; жена, отец и мать в один год померли, и отец с сыном в тот же год поступили в Высокогорскую пустынь, а дочь была отдана в Николаевский арзамасский женский монастырь. Таким образом сбылось предсказание о. Серафима, сказанное в виде намека.

Г-жа М. В. Н. об исцелениях и предсказаниях о. Серафима повествовала следующее:

«Я и муж мой пожелали видеть богоугодного старца Серафима и поехали в Саровскую пустынь; но по приезде туда не застали о. Серафима в монастырской его келье: он был в лесу, на пустынных трудах. Мы пошли туда, и вскоре сам старец встретился с нами. Он

тотчас обратился к мужу моему со словами: «Вот что, батюшка, пророк Давид пишет: *Господи, возлюбил благолепие дома Твоего, и место селения славы Твоей*. Очень хорошо, батюшка, украшать храмы Господни». О. Серафим говорил это по дару прозорливости, провидя, как муж мой любил украшать храмы Божии.

После того о. Серафим приглашал нас в свою монастырскую келью, и мы стали у него просить благословения на поездку в Москву к своему помещику, чтобы хлопотать об отпущении на волю или, по крайней мере, о том, чтобы господин уволил мужа моего от должности управляющего. Но о. Серафим, выслушав слова наши, взял моего мужа за руку и, подведя его к иконе Умиления Божией Матери, сказал: «Прошу тебя, ради Божией Матери, не отказываться от должности. Твое управление – к славе Божией: мужиков не обижаешь. Не слушай, кто тебе будет говорить про тебя или про твою супругу дурно, а в Москву нет тебе дороги, а вот твоя дорога: я благословил одного управляющего проситься на волю по смерти господина, который при жизни своей купил себе имение на низу и послал его принять оное и устроить. Когда господин тот скончался, госпожа отпустила управляющего на волю и дала ему доверенность на управление имением такую, что только себя не вручила ему». О. Серафим говорил эту притчу о моем муже, с которым действительно все то случилось впоследствии, что он предсказал за несколько лет до исполнения.

У мужа моего была следующая странная болезнь: едва только простудится он немного, как тотчас кровь бросается ему в лицо, делается напряжение жил, нервы, особенно носовые, приходят в необыкновенное раздражение, и он сначала ощущает странное щекотанье в носу, а потом начинает чихать беспрестанно. Это изнурительное чихание продолжалось у него иногда целый день, а иногда и два и совершенно убивало его. Врачи

московские и нижегородские советовали ему непременно лечиться от этой опасной болезни и предсказывали, что у мужа моего со временем может образоваться полип. Но так как мужу моему некогда было заняться серьезно своим лечением, то болезнь вскоре очень усилилась. Тогда мы решились ехать в Саров к о. Серафиму.

По приезде нашем старец, благословив нас, тотчас же взял с печки бутылку с водой, приказал мужу моему наклонить голову и начал сам поливать ее водой из бутылки; потом приказал ему умыться этой водой и подал ему со своей шеи полотенце, чтобы он утерся им. С тех пор болезнь моего мужа миновалась, и он прожил еще семь лет.

О. Серафим, благословляя нас однажды на обратный путь из Сарова домой, сказал мне: «Вот, матушка, пришли ко мне мужчина и две женщины и стали творить молитву; я их не пустил; а когда они стали очень громко стучать в дверь и мне уже нечего было делать, то я лег спать» и потом прибавил: «Понимаешь ли ты это, матушка?» После того, по приходе нашем на гостинный двор, мы нашли там какого-то чиновника нижегородского, который приехал в Саров с женой и начал меня упрашивать сходить с ними к о. Серафиму, говоря, что они одни не смеют идти и думают, что о. Серафим не пустит их. Муж мой также просил меня, чтобы я сходила с ними.

Мы пошли и по приходе на крыльцо кельи услышали, что о. Серафим что-то делает в своих сенях. Я по обыкновению сотворила молитву, но о. Серафим не отвечал обычного «аминь» и не отпирал дверей. Спутники мои начали проситься с усилием, но он замолчал. Тогда мужчина начал громко стучать в двери, и вот мы услышали, что о. Серафим лег спать у своих дверей, где мы стояли, и через несколько минут захрапел. Тут только поняла я, о каком мужчине и двух женщинах говорил он мне при прощанье, и мы вынуждены были отправиться домой в гостиницу, не выдавши старца.

В последний год жизни моего мужа я была в Сарове, в пустыни о. Серафима. Я нашла там его собиравшего щепки у вала, на дороге. Заметив меня, он подозвал меня к себе и сказал: «Вот, матушка, св. отцы благословили меня собирать эти щепки для сирот Дивеевских; придет зима, нужно будет топить им печки». Потом, взяв меня за руку, довел по дороге до своих гряд, где был посажен лук и картофель, и сказал: «А вот, матушка, мое богатство, вот как я живу; богатство же муженька твоего пойдет в другие руки, но ты не унывай о том». Действительно, через несколько месяцев муж мой скончался, а остальное все случилось так, как предсказывал дивный старец.

Однажды я была очень больна желудком и начала лечиться; но так как пользы никакой не было, то и приехала к о. Серафиму и рассказала ему о своей болезни. На это старец отвечал мне так: «Если ты, матушка, будешь лечиться, то скоро, скоро живот свой кончишь. Болезнь сию молчанием понеси – и пройдет, как перестанешь лечиться». При этом он прибавил: «Вот когда ты пойдешь к Царице Небесной, то каких ты там не увидишь!» По благословению Серафима, я перестала лечиться, и болезнь моя действительно миновала. После того я поехала в село Помец, где находится чудотворная икона Божией Матери; и вот, на квартире, где привелось мне остановиться, я увидела старушку, перевязывавшую свои раны, которыми было покрыто все ее тело. Поутру, идя к обедне, я увидела новую страшную больную: вели одну девушку, расслабленную, опухшую и трясущуюся всеми членами. Тогда невольно вспомнила я слова о. Серафима, которые сначала казались мне непонятными: «Когда ты пойдешь к Царице Небесной, то каких ты там не увидишь».

Однажды я была у о. Серафима с родной своей сестрой, которая была замужем за одним священником, но овдовела. Старец, благословляя сестру мою, сказал ей:

«И жизнь твоя, матушка, благословенна до самого твоего успения». На это сестра моя отвечала ему: «Простите меня, батюшка, Христа ради: я все грешу, ссорясь со своим родителем за то, что он, сдав свое место брату моему, сам все живет у меня». О. Серафим возразил ей: «С кем же, матушка, и жить-то тебе, как не с родителем?» Сестра отвечала ему: «У меня есть, батюшка, сын, который оканчивает ныне курс, и я на него имею надежду». Но о. Серафим опять возразил ей: «Никакой, матушка, нет надежды, никакой нет». И действительно, сын сестры моей вскоре умер.

Однажды, будучи в Сарове в день воскресный, пошла я после поздней обедни к о. Серафиму, и он, благословив меня, спросил: «Ты, матушка, была у обедни?» Я отвечала: «Была, батюшка». Тогда он спросил: «Видела ли ты там, как мы собором отпевали одну женщину? Я только что пришел из церкви. Наш отец игумен сделал ей хороший гроб. Понимаешь ли ты это, матушка? — и он повторил свой вопрос несколько раз. Я подумала, что, верно, он предсказывал мне близкую мою кончину, и с этими мыслями отправилась домой. Дорогою я заехала в деревню Соболевку, которая принадлежит к Покровскому приходу, чтобы навестить свою родную тетку; но здесь, к великому прискорбию, услышала я, что тетка моя недавно умерла и ее похоронили в тот самый воскресный день, после обедни, в который я была у о. Серафима, и он говорил мне о покойнице. О. протоиерей сделал ей, по усердию на свой счет, гроб и похоронил собором. Тогда поняла я чудную прозорливость о. Серафима.

Этот самый протоиерей не имел прежде веры к о. Серафиму; но когда я рассказала ему о последнем предсказании старца, то он пожелал лично видетсь с ним. И вот, едва только по приезде своем в Саров вошел он в келью о. Серафима, как старец встретил его иерейским лобызанием и словами: «Да благословит те-

бя, батюшка (при этом он назвал его по имени), Господь Бог и Покров Божией Матери» – и потом назвал всех тех угодников, во имя которых в Покровском соборе устроены 7 приделов. С того времени протоиерей питал всегда большую веру к о. Серафиму.

Однажды привезла я к о. Серафиму восковых свеч, он тотчас же спросил меня: «Ты, матушка, поедешь в Дивеево?» Я отвечала ему: «Благословите, батюшка, я везу туда три иконы». Тогда о. Серафим сказал: «Так, кстати, отвези туда и свечки; все равно, за вас пойдет молитва». Потом он сказал мне: «Ты, матушка, знаешь пчел? Когда матка сидит в улье, то и пчелки около нее. Так-то и девочки в Дивееве теперь пребывают с Божией Матерью». На это я сказала ему: «Ах, батюшка! Как счастливы эти девочки, что они всегда пребывают с Божией Матерью». Тогда батюшка возразил мне: «Что девочкам завидовать? И вдовой быть хорошо; Анна Пророчица была вдова, но разве ей было худо? А ты девушек-то моих люби, почитай и не дожидайся, чтобы они за тобой ходили, а сама поищи их». Через несколько лет после того я овдовела; и из Дивеева Ирина Прокопьевна прислала ко мне сестру с письмом, в котором звала меня в обитель. Тогда я вспомнила слова о. Серафима: «Не дожидайся, чтобы девушки мои за тобой ходили, а сама поищи их» – и решилась поступить в Дивеевскую общину».

Г-жа Серафима К. рассказывала о своем муже следующее обстоятельство. Будучи одиннадцатилетним мальчиком, муж мой, по имени Андрей, житель г. Ардатова, сделался тяжело болен глазами. Девять месяцев он находился в самом печальном и жалком положении; наконец мать решилась везти его в Саров. Но когда они приехали в обитель, 3 августа 1829 года, о. Серафим по причинам, ему известным, опять на время затворился и никого не принимал к себе. Они прождали дней пять... Старец опять рас-

крыл двери для всех, жаждавших его благословений, наставлений и врачевства. Увидев больного отрока с матерью, он пригласил их к себе, говоря: «Грядите, грядите!» Благословив их, он начал дуть больному в уши и глаза и в то же время положил на его голове печать крестного знамения. В заключение же, благословив больного, он сказал ему: «Будешь здоров». А когда больной выходил из кельи, о. Серафим сказал: «Ты будешь женат на Серафиме». А матери сказал: «Грех праведника не почитать». Он открыл этими словами то, чем она согрешила против заповеди Божией на пути в Саров. Едва только они вышли из кельи старца, слепой Андрей начал видеть свет Божий, и через месяц зрение совсем возвратилось к нему. Исполнение же предсказания касательно имени будущей его супруги оправдалось тогда, когда я, Серафима, сделалась его женой».

3) ПРЕДСКАЗАНИЯ СТАРЦА СЕРАФИМА

Было весьма много случаев, в которых о. Серафим предвидел и предвозвещал будущее.

Г. И. М. Кр. Рассказывал о своей родственнице В. И. Бр., живущей в Нижнем Новгороде, следующее обстоятельство. Вышла она в замужество за вдовца, у которого было двое детей, и была в своем браке крайне несчастлива. Родственники пожелали наконец, чтобы она оставила своего мужа. Но прежде начала дела она поехала в Саров посоветоваться с отцом Серафимом. Старец сказал ей: «Ты никак не оставляй своего мужа: усердно прошу тебя об этом я, грешный монах Серафим; все же претерпеваемые тобой неприятности скоро кончатся». Действительно, не больше как через полгода муж ее умер, а сирот его Господь помог ей пристроить для воспитания в казенные заведения.

Одной благочестивой жене, бывшей в Сарове, он открыл, что наступает голод, и советовал запастись хлебом, чтобы не терпеть нужды. Жена же в простой беседе рассказала о сем предсказании Саровскому иеромонаху о. Иакову, который был ее духовником. Когда и братия за второй трапезой в тот же день узнали о сем от старца Иакова, то некоторые из них с верою приняли это известие, умоляя Господа Бога предотвратить свой гнев, а маловерные и ропотливые стали порицать старца. Но обстоятельства оправдали слова его. В скором времени после предсказания действительно начался голод. Цены на хлеб с каждой неделей возвышались. Иссякли самые источники, из которых получался хлеб для голодавшего края. Цена за четверть хлеба стояла между 20 и 24 рублями по прежнему счету, на ассигнации.

С 1831 года старец Серафим опять возвещал многим о предстоящем голоде. Видаясь с о. игуменом Нифонтом, он и ему твердил: «Голод будет, голод будет!» А для предотвращения бедствия он советовал монастырскому начальству сделать запас хлеба в *шесть* годовых потреб, заметив, что при его жизни уже в четвертый раз наступает голод, а обитель Саровская никогда не терпела недостатка в хлебе.

Пришел к нему еще один священник А. Н., ныне о. протоиерей в арзамасском Николаевском женском монастыре. Старец о. Серафим поздоровался с ним по обычаю иерейскому. Затем он между беседою предсказал ему, что он будет благочинным, увещателем раскольников и много потерпит в жизнь свою от диаконов, недостойно имеющих благодать сию. О. Авраамий уже видел на себе исполнение сих слов. Он подтвердил, что наставления, которые слышал от старца касательно обязанностей благочинного, весьма способствовали ему к должному прохождению этого звания.

Благочестивая вдова Пелагия Ивановна Шкарина, проживающая в г. Арзамасе, свидетельствует, что она

имела желание смолоду поступить в монашество. Но о. Серафим, знаящий ее лет за пять до своей кончины, предсказал, что она будет сиротой, выйдет замуж, будет иметь семерых детей, назвал и имена всем им, потом лишится мужа. Как ни далеки были эти предсказания, но по настоящее время они все исполнялись в точности.

Была у о. Серафима также одна мещанка г. Балахны, по фамилии Заяева. Старец советовал ей непременно поступить в монастырь; та отказывалась. Он открыл ей и причины этого совета: «Ты будешь, – говорил он, – несчастлива замужеством, много будет у тебя детей, а мужа лишишься, останешься вдовой и будешь терпеть еще большую бедность, чем при муже». Заяева не послушалась советов старца, вышла замуж и после горько жалела об этом, ибо все слова о. Серафима исполнились над нею.

В другом случае пришла к нему из г. Арзамаса мещанская девица Ножевникова. Она находилась в большой бедности. О. Серафим, услышав жалобу на недостатки, сказал, что в замужестве она будет богата, только после того опять будет владеть жизнью, исполненную многих скорбей.

В арзамасском Николаевском женском монастыре проживали две сестры, крепостные девушки. Увидев их, о. Серафим сказал: «Через год господа возьмут вас к себе на услужение на пять лет». Девуцы были у старца со своим братом. Этому брату он сказал: «А тебе Господь продлит жизнь до 80 лет, что ныне редкость, если только ты сохранишь себя от грехов смертных». Брат их, находящийся уже в преклонных летах, доселе еще живет, а сестры его в подмосковном имении своих господ давно уже ими уволены, как предсказал о. Серафим.

Иным же старец предсказывал смерть, желая, чтобы они не перешли в вечность без христианского приготовления. Так, пришел к нему некто Д. И., управлявший заводом, находящимся в Екатеринбургском уезде

Пермской губернии с женой и детьми. О. Серафим, не зная никого и ни о ком из них не слыхав прежде, назвал всех их по именам и каждому назначил год, месяц и день смерти. Отцу сказал, что проживет 20 лет, а матери – 12 лет. После известно сделалось в Сарове, что она действительно умерла в то самое время, какое предсказано было о. Серафимом. О самом же управляющем сведений не имеется.

Одному жителю заштатного города Кадома (Тамб. Губ.) он предсказывал, для его исправления, наказание Божие, имевшее последствием своим смерть. Пришла к о. Серафиму жена этого человека. Старец принял ее с отеческой любовью и, между прочими советами и наставлениями, убеждал ее поговорить своему мужу, избранному в то время в члены городского общества, чтобы он исправил себя от невоздержания, дерзости, несправедливых притеснений и немилосердия в отношении других. «Если муж твой не оставит этих страстей, вкоренившихся в нем, – говорил старец, – то он непременно будет за то наказан Богом». Говоря это, он взял с печки пучок спичек, подал их женщине и прибавил: «На, возьми эти спички и храни их».

Отеческое благословение о. Серафима обрадовало ту женщину, а предсказанное им наказание ее мужу, в случае неисправления его, сильно смутило ее. Не раз после того рассуждала она с домашними и знакомыми своими о простом, но странном подарке о. Серафима; но никто из них не мог растолковать его значения. Наконец наступил страшный час, в который как значение подарка объяснилось, так исполнилось и само предсказание о. Серафима. В один день небо отовсюду начало покрываться страшными грозowymi тучами, и к вечеру собралась ужасная гроза. Весь народ в Кадоме обратился с молитвой к Богу.

Стала молиться также вместе со своим мужем и женщина, бывшая у о. Серафима, между тем как двое ма-

леньких детей ее спали в это страшное время, один подле окна, а другой несколько подальше. Вдруг сильный удар грома раздался над их домом, и в одно мгновение, вслед за сверкнувшей молнией, оторван был от окна деревянный карниз и расщеплен в мельчайшие *спички*; большая часть их вонзилась в лицо и бороду мужа этой женщины. Пораженный этим ударом, он жил очень недолго и вскоре скончался.

Между тем, ни дети, спавшие почти близ самого окна, ни опоры карниза в окне, ни мать, молившаяся возле своего мужа, нисколько не были задеты этим самым ударом. После того бедная женщина вспомнила слова о. Серафима и поняла значение странного, по-видимому, его подарка.

Строителю Высокогорской пустыни о. Антонию предсказал его неожиданное перемещение в другой монастырь. Случаи подобных предречений читатель видел и прежде в жизни о. Серафима. Настоящее же обстоятельство случилось так.

В январе 1831 года о. Антоний отправился к о. Серафиму в Саров для совета по случаю сильно смущавших его неотвязчивых мыслей о смерти. Приехав в Саров вечером и никуда не заходя, о. Антоний пошел прямо к келье о. Серафима. Не доходя до нее, встретил он некоторых из братьев Саровской обители, которые сказали ему, что о. Серафим в монастырь не возвратился еще из своей пустыни. Было уже близ 5 часов вечера и темнело. Приехавший остановился в раздумье: идти ли ему куда или тут дожидаться? В это время стоявшие с ним братья, заведя издали грядущего старца, повестили: «Вон о. Серафим идет». Старец шел в обыкновенной своей одежде, с мешком за плечами, опираясь на топор. О. Антоний тотчас подошел к нему и поклонился обычно.

– Что ты? – спросил его старец.

-- К вам, батюшка, со скорбной душой, – отвечал о. Антоний.

– Пойдем, пойдем, радость моя, в келью – приветливо сказал старец.

Они вошли вместе. В келье наедине о. Антоний умолял старца Серафима сказать ему откровенно: «Свершится ли с ним то, что внушают ему скорбные помыслы? Не приближается ли, в самом деле, смерть его?»

– Сiju ли я в келье, – говорил строитель Антоний, – выйду ли на монастырь, мне представляется, что последний раз я вижу обитель. Из сего я заключаю, что я скоро умру и потому указал уже и место могилы для себя.

Строитель приехал к о. Серафиму затем, чтобы, в случае приближения его смерти, принять от старца благословение провести остающееся время в безмолвии и внимательном приготовлении себя к вечной жизни.

– Желая знать о своей смерти, – заключил о. Антоний, – единственно для изменения моей жизни, чтобы, отказавшись от должности, посвятить остальные дни свои безмолвному вниманию. – Прибавил к сему, что извещение о смерти не будет для него страшно.

Отец Серафим слушал рассказ, не изменяя своего положения и держа за руку строителя Антония. Когда же сей окончил, блаженный старец, взирая на него с любовью, сказал:

– Не так ты думаешь, радость моя, не так! Промысл Божий вверяет тебе обширную Лавру.

О. Антонию подумалось, что старец Серафим желает развлечь его от скорбных мыслей, посему, прерывая речь его, он сказал:

– Батюшка! Это не успокоит меня, не усмирит моих помыслов. Я умоляю вас, скажите мне прямо: мысли мои о смерти не служат ли от Бога указанием на близкую мою кончину? И в таком случае я буду просить ваших молитв о душе моей и приму мирно и благодарно ваше слово. Мне хочется встретить час смертный с должным приготовлением.

Отец Серафим с ангельской добротой отвечал:

– Не верны твои мысли: я говорю тебе, что промысл Божий вверяет тебе Лавру обширную.

Строитель же отвечал на это:

– Где же Высокогорной пустыне быть Лаврою? Дай Бог, чтобы не сошла ниже, чем теперь стоит.

К большому удивлению о. Антония, старец Серафим, не переменяя своих мыслей, стал просить его милостливо принимать из Сарова братию, кто придет в Лавру или кого он пришлет.

Оставаясь в прежнем впечатлении, строитель продолжал:

– Батюшка! Кто захочет из Сарова переходить в скудную Высокогорскую пустынь? А если бы кто пожелал, то вы знаете всегдашнюю мою готовность делать все, что вам угодно; да на деле сего не может быть.

Отец Серафим, как будто идя по одной и той же дороге, сказал:

– Не оставь сирот моих, когда дойдет до тебя время».

Не выдержал строитель и, в порыве беспредельной любви и уважения к старцу, бросился к нему, обнял его и долго плакал. Не понимая значения прежде сказанных слов, он остановился вниманием своим на слове *сирот*; ему казалось, сто старец говорит о скорой своей кончине. Блаженный Серафим продолжал:

– Поминай моих родителей Исидора и Агафью. – Затем стал советовать: – Покоряться во всем воле Господней, быть прилежну к молитве, строго исполнять свои обязанности, быть милостивым и снисходительным к братии; *матерью будь*, говорил он, *а не отцом к братии*, и вообще ко всем быть милостивым и по себе смиренным. Смирение и осторожность жизни, говорил он, есть красота добродетелей.

Потом о. Серафим несколько раз обнял строителя, благословил висевшим на его груди крестом и сказал:

– Теперь гряди во имя Господне. Время уж тебе, тебя ждут!

Выходя из кельи, строитель не мог себе дать отчета: какое значение имели слова блаженного старца и с чем он вышел из кельи. Однако же, как сокровище, он сложил сказанные старцем слова в сердце своем. Мысль о смерти осталась как бы подавленной свежими впечатлениями, но еще не была разрешена.

По выходе о. Антония из кельи его встретил посланный от саровского игумена о. Нифонта с приглашением зайти к нему. Вот что значили слова старца: «Время уже тебе: тебя ждут».

Повидавшись с игуменом Нифонтом, который от болезни лежал тогда в постели, о. Антоний простился с ним и по делам обители спешил в свою пустынь. В гостинице он нашел экипаж свой уже готовым и с неопределенным впечатлением выехал в путь, чтобы наедине предаться размышлению.

Спокойно бежали лошади домой. Ничто, кажется, не мешало строителю о. Антонию углубиться в занимавшие его дела, обстоятельства и помыслы. Вдруг он слышит, что едущий с ним монах, сидя впереди, начал плакать, не имея сил удержать свой плач и совладать с собой.

На вопрос строителя, сказанный с участием, о чем он плачет, инок отвечал, что по приезде в Саров он встретил о. Серафима, возвращавшегося из пустыни в монастырскую свою келью, который сказал ему: «Ну, вот и вам предстоит разлука с вашим строителем». Более не открыл ничего, только прибавил: «Поди же, зови его ко мне». Так определенно о. Серафим знал о предстоявшей перемене в жизни строителя Антония.

Между тем время шло; прошел январь, февраль, настал март и наступил Великий пост. На 2-й день месяца, в понедельник первой недели поста, отправив чреду неусыпаемого чтения Псалтири, отправляемую каждым братом по два часа, строитель встал на свое место.

Здесь подали ему письмо от митрополита Московского. О. Антоний вошел в свою келью. В письме высокопреосвященный Филарет приглашал строителя занять место наместника в Троицко-Сергиевской лавре, по случаю смерти архимандрита Афанасия. Тут же вложен был конверт к Нижегородскому преосвященному Афанасию о скорейшем увольнении о. Антония от должности строителя Высокогорской пустыни в Москву.

С этой минуты раскрылись о. Антонию все слова старца Серафима, за два месяца определившие перемещение его в обширную лавру, когда был жив и здоров прежний еще наместник и не было речи о его замещении.

Сообщивший нам сей рассказ присовокупил, что и события, последующие за перемещением о. Антония в Святотроицкую Сергиеву лавру, предсказанные старцем Серафимом, все исполнились и выполняются с величайшей точностью, как будто бы о. Серафим читал в книге судеб Божиих будущие определения людей. Последствия покажут нам, что Господь Бог открывал ему и то, что касалось собственно его лица.

Обители Саровской он делал не раз предсказания о событиях, с какой-нибудь стороны ее касавшихся, ближайших и отдаленных. Когда, напр., явилась первая холера в России, о. Серафим открыто предвозвещал, что ее не будет ни в Сарове, ни в Дивееве. Нынешние саровские старцы, своими очами видевшие о. Серафима и слышавшие его ободрительные беседы, остаются живыми свидетелями того, что сии предсказания его исполнились во всей точности, так что от первой холеры ни в Дивееве, ни в Сарове не умерло ни одного человека. Также раз пришел к нему генерал-майор А. Е. М., чтобы вместе с женой, имеющей веру к старцу, получить благословение и наставления. С. Серафим, похристосовавшись, милостиво говорил с ним. Это случилось в пятницу. Старец спросил пришедших: «Долго ли они пробудут в обители?» – и советовал им не раньше как в

воскресенье, после поздней литургии выехать. «В воскресенье у нас в обители, – говорил он, – будет торжество и молебствие». Генерал спрашивал о причине этого торжества и молебствия у монаха в гостинице, даже у строителя о. Нифонта. Все отвечали: «Никакого торжества не будет и не предвидится». Но когда строитель говорил о сем с генералом, вошел монастырский служитель и подал принятый с почты пакет с письмами. Между бумагами оказался, ни для кого неожиданно, указ о рождении великой княжны, по которому на следующий день, в воскресенье, в соборном саровском храме перед литургией отправлено было торжественно Господу Богу благодарственное молебствие и во весь день раздавался звон в обители. Это сказание генерал заключил тем, что и о. игумен Нифонт разделял в то время с ним удивление к дару прозорливости о. Серафима.

Саровский лес при игумене Нифонте приносил много пользы монастырю. Все стали смотреть на него как на источник дохода для обители; между тем о. Серафим предусмотрел и предсказал за несколько времени бурю, которая много поломала деревьев в лесу, о чем крайне сожалело саровское начальство.

Алексею Гурьевичу Воротилову не раз говорил о. Серафим, что некогда на Россию восстанут три державы и много изнурят ее. Но за православие Господь помилует и сохранит ее. Тогда эта речь, как сказание о будущем, непонятна была, но теперь события объяснили, что старец говорил это о Крымской кампании.

Со времени выхода из затвора старец всегда вкушал пищу только раз в день, и то по вечеру. Одежда его была в это время одинакова. Подрясник всегда носил из черного толстого сукна. Летом надевал сверху белый холщевый балахон, а зимой носил шубу и рукавицы. В погоду осеннюю и ранней весны носил кафтан из толстого русского черного сукна. От дождя и жара надевал полумантию, сделанную из цельной кожи с вырезами

для надевания. Поверх одежды подпоясывался белым и всегда чистым полотенцем и носил медный свой крест. На труды монастырские летом выходил в лаптях, зимой – в бахилах, а идя в церковь на богослужение, надевал, по приличию, кожаные коты. На голове носил зимой и летом камилавку. Сверх того, когда следовало по монастырскому уставу, он надевал мантию и, приступая к принятию св. Тайн, облачался в епитрахиль и поручи и потом, не снимая их, принимал в келье богомольцев. Один богатый человек, посетив о. Серафима и видя его убожество, стал говорить ему: «Зачем ты такое рубище носишь на себе?» О. Серафим отвечивал: «Иоасаф царевич данную ему пустынником Варлаамом мантию счел свыше и дороже царской багряницы (Четь.-минейя ноября 19).

Против сна о. Серафим подвизался очень строго. Известно стало в последние годы, что он предавался ночному покою иногда в сенях, иногда в келье. Спал же он сидя на полу, спиной прислонившись к стене и вытянув ноги. В другой раз он преклонял голову на камень или на деревянный отрубок. Иногда же повергался на мешках, кирпичях и поленьях, бывших в его келье. Приближаясь же к минуте своего отшествия, он начал опочивать таким образом: становился на колени и спал ниц к полу на локтях, поддерживая руками голову.

Его иноческое самоотвержение, любовь и преданность к Господу и Божией Матери были столь велики, что когда один господин, Иван Яковлевич Каратаев, быв у него в 1831 году на благословении, спросил: «Не прикажет ли он сказать что-нибудь своему родному брату и другим родственникам в Курске?», куда Каратаев ехал, то старец, указывая на лики Спасителя и Божией Матери, с улыбкой сказал: «Вот мои родные, а для живых родных я уже живой мертвец». В другой раз заехали к о. Серафиму курские купцы после макарьевской ярмарки. Благословив их, старец спросил: «Хоро-

шо ли торговали?» Они рассказали ему о торговле. Окончив все беседы со старцем и принимая благословение в путь, купцы спросили: «Что прикажете, батюшка, сказать вашему братцу?» – «Скажите ему, – отвечал о. Серафим, – что я молю о нем Господа и Пречистую Его Матерь день и ночь». С тем они и пошли, а старец, возведши руки горе, в восторге повторил несколько раз: «Нет лучше монашеского жития, нет лучше монашеского жития!»

Время, которое о. Серафиму оставалось от сна и занятий с приходящими, он проводил в молитве. Совершая молитвенное правило со всей точностью и усердием за спасение своей души, он был в то же время великим молитвенником и ходатаем пред Богом за всех живых и усопших православных христиан. Для сего при чтении Псалтири на каждой главе он неопустительно произносил от всего сердца следующие молитвы:

1. *За живых.* «Спаси, Господи, и помилуй всех православных христиан и на всяком месте владычества твоего православно живущих: подай им, Господи, душевный мир и телесное здравие и прости им всякое согрешение, вольное же и невольное, и их святыми молитвами и меня, окаянного, помилуй».

2. *За усопших.* «Упокой, Господи, души усопших рабов Твоих: праотцов, отцов и братьев наших, здесь лежащих и повсюду православных христиан преставившихся: подай им, Господи, царствие и причастие Твоей бесконечной и блаженной жизни и прости им, Господи, всякое согрешение, вольное же и невольное.

В молитве за усопших и живых особенное значение имели восковые свечи, горевшие в его келье пред святыней. Это объяснил в ноябре 1831 года сам старец о. Серафим в беседе с Н.А. Мотовиловым. «Я, – рассказывал Николай Александрович, – видел у батюшки о. Серафима много лампад, в особенности многие кучи восковых свеч, и больших, и малых, на разных круглых подносах, на которых от таявшего много лет и капавшего

со свеч воска образовались как бы восковые холмики, подумал про себя: «Для чего это батюшка о. Серафим возжигает такое множество свеч и лампад, производя в келье своей нестерпимый жар от теплоты огненной?». А он, как бы заставляя мои помыслы умолкнуть, сказал мне:

«Вы хотите знать, ваше боголюбие, для чего я зажигаю так много лампад и свеч пред святыми иконами Божиими? Это вот для чего. Я имею, как и вам известно, многих особо усердствующих ко мне и благотворящих мельничным сиротам моим. Они приносят мне елей и свечи и просят помолиться за них. Вот когда я читаю правило свое, то и поминаю их скачала единожды. А так как, по множеству имен, я не смогу повторять их на каждом месте правила, где следует, тогда и времени мне не достало бы на совершение моего правила, то я и ставлю все эти свечи за них в жертву Богу, за каждого по одной свече, за иных – за несколько человек одну большую свечу, за иных же постоянно теплю лампады и, где следует на правиле помянуть их, говорю: «Господи, помяни всех тех людей, рабов Твоих, за их же души возжег Тебе я, убогий, сии свечи и кандилы (т.е. лампады). А что это не моя, убогого Серафима человеческая выдумка, или так, простое мое усердие, ни на чем божественном не обоснованное, тоя приведу вам в подкрепление слова Божественного Писания. В Библии говорится, что Моисей слышал глас Господа, глаголавшего к нему: Моисей, Моисей! Скажи брату твоему Аарону, да возжигает предо Мною кандилы во дни и в ночи: ибо это угодная Мне и благоприятная жертва». Так вот, ваше боголюбие, почему св. Церковь Божия приняла в обычай возжигать в св. храмах и в домах верных христиан кандилы, или лампады, пред святыми иконами Господа, Божией Матери, св. ангелов и св. человек, Богу благоугодивших».

Молясь о живых, в особенности о требовавших у него молитвенной помощи, о. Серафим поминал всегда

усопших и память о них творил в келейных молитвах своих по уставу Православной Церкви. 25 мая 1832 года пришла к нему одна особа, после свиданий записавшая свои разговоры с ним. Говоря о многом, старец вспомнил о Дивеевской общине, похвалил сестер за их жизнь и труды и потом, отдохнув, помянул за упокой новопреставленную девицу Елену. Это известная уже нам Елена Васильевна Манторова, начальница Серафимо-Дивеевской общины. В этот день были сорочины после смерти ее.

В другой раз сам о. Серафим рассказывал следующее обстоятельство. «Умерли две монахини, бывшие обе игуменьями. Господь открыл мне, как души их были ведены по воздушным мытарствам, что на мытарствах они были истязуемы и потом осуждены. Трое суток молился я, убогий, прося о них Божию Матерь. Господь, по своей благодати, молитвами Богородицы, помиловал их: они прошли все воздушные мытарства и получили от милосердия Божия прощение».

Однажды замечено было, что во время молитвы старец о. Серафим стоял на воздухе. Случай этот рассказан княгиней Е. С. Ш.

Приехал к ней из Петербурга больной племянник ее г-н Я. Она, не медля долго, повезла его в Саров к о. Серафиму. Молодой человек был объят таким недугом и слабостью, что не ходил сам, и его на кровати внесли в монастырскую ограду. О. Серафим в это время стоял у дверей своей монастырской кельи, как бы ожидая встретить расслабленного. Тотчас он просил внести больного в свою келью и, обратившись к нему, сказал: «Ты, радость моя, молись, и я буду за тебя молиться, только смотри, лежи, как лежишь, и в другую сторону не оборачивайся». Больной долго лежал, повинаясь словам старца. Но терпение его ослабело, любопытство подстрекало его взглянуть, что делает старец. Оглянувшись же, он увидел о. Серафима *стоящим на воздухе* в молитвенном положении и от неожиданности и необы-

чайности видения вскрикнул. О. Серафим по совершении молитвы, подошедши к нему, сказал: «Вот, ты теперь будешь всем толковать, что Серафим – святой, молится на воздухе... Господь тебя помилует... А ты смотри, огради себя молчанием и не поведай того никому до дня преставления моего, иначе болезнь твоя опять вернется». Г-н Я. Действительно встал с постели и, хотя опираясь на других, но уже сам, на своих ногах, вышел из кельи. В монастырской гостинице его осаждали вопросами: «Как и что делал и что говорил о. Серафим?» Но, к удивлению всех, он не сказал ни одного слова. Молодой человек, совершенно исцелившись, опять был в Петербурге и снова через несколько времени воротился в имение княгини Ш. Тут он сведал, что старец Серафим опочил от трудов своих, и тогда рассказал о его молении на воздухе. Один случай такой молитвы нечаянно был усмотрен, но, конечно, старец не один раз благодатью Божией был воздвигаем на воздух во время своих продолжительных молитвенных подвигов.

Можно сказать без преувеличения, что вся Россия в то время знала и чтит о. Серафима, по крайней мере, слух о великом подвижнике ходил повсюду.

Известные подвижники, одновременно с ним жившие, по духу знавшие старца Серафима, глубоко уважая его нравственное достоинство, другим делали отзывы о нем самые возвышенные, ибо все смотрели на него, *яко на град, верху горы стоящий*. Священники и архиереи Православной Церкви, проводившие жизнь духовную и святую, имели глубокое уважение к Саровскому подвижнику, как и всегда в чистом сосуде совести хранят это уважение к добрым и святым душам. Некоторые из епископов писали письма к о. Серафиму, спрашивая его советов, хотя ни одного из них не нашлось после смерти старца. Антоний, архиепископ Воронежский, часто присылал ему даже подарки, особенно св. иконы, при получении которых о. Серафим, ука-

зывая на лики святых, часто говаривал: «Вот какие особы показывают нам путь к вечности!» На словах, может быть, даже и письменно, о. Серафим отвечал на запросы архипастырей. Некоторые же письма их оставлял и без ответа. К Антонию, архиепископу воронежскому, писал особенную любовь и уважение, никогда его не выдав, и когда заходила речь о сем архипастыре, он называл его великим архиереем Божиим. Еще ничего не было слышно об угоднике Божиим Митрофане: не было еще никаких ни открытий, ни явлений, а о. Серафим в нескольких словах, собственноручно написанных, поздравлял преосвящ. Антония с открытием св. мощей угодника Божия Митрофана. Антоний показывал некоторым эту записку, которая, как полагают, и доселе сохраняется между его бумагами. По духу знал о. Серафим и многих современных священников, сиявших благочестием и святостью жизни, глубоко уважал таковых и посетителей своих посылал к ним для назидания и руководства. Из числа таких известен о. Алексей Гневашев, священник села Басурман Симбирской губернии Курмышского уезда, умерший 85 лет от роду, 21 апреля 1848 года. О. Серафим считал его высоким подвижником и часто говаривал о нем так: «Сей человек по молитвам своим за души христианские подобен свече, возженной пред престолом Божиим. Вот труженик, который, не имея обетов монашеских, стоит выше многих подвижников. Он, как звезда, горит на христианском горизонте».

В жизни затворника Задонского Богородицкого монастыря Георгия, изданной Григоровым, помещено одно обстоятельство, случившееся с о. Георгием и им рассказанное послушнику П. А., из записок которого извлечено.

«Однажды, – говорит П. А., – пришедши к о. Георгию в келью, увидел я на стене незнакомый мне портрет и спросил: «Чей это?» – «Разве ты не знаешь? – отвечал о. Георгий. – Это Саровской пустыни покойный о. Серафим! Богоугодная жизнь его всем была известна», – и

потому разговор продолжался о нем. Между прочим, о. Георгий, подумав несколько, сказал: «Знаешь ли, что со мною он сделал? Видно, сказать тебе. Долгое время мучился я помышлением: перейти отсюда куда-нибудь в другой монастырь, поединеннее, а то здесь письма и посетители меня много развлекают; отказывать иногда совестно, а иногда и нужно бывает отвечать: пишут дело. Около двух лет боролся я в нерешимости с этим помышлением, никому этого не говоря, между тем сильно этим смущался, перебирая в памяти моей все места, куда бы удобнее удалиться. Однажды входит ко мне келейный, извещая, что странник из Саровской пустыни от отца Серафима принес мне поклон и благословение и сверх того имеет надобность сказать лично несколько слов по его поручению. Я благословил ему войти, и он начал так: *Отец Серафим приказал тебе сказать: стыдно-де, столько лет сидевши в затворе, побеждаться такими вражескими помыслами, чтобы оставить свое место. Никуда не ходи. Пресвятая Богородица велит тебе здесь оставаться.* Сказав сие, странник поклонился и вышел, а я стоял как вкопанный, дивясь чудесному откровению тайных моих помышлений, и притом такому человеку, который не только меня не знал, но еще никогда и не видывал, и даже никогда мы друг к другу не писали. Однако, скоро опомнившись, просил я келейного воротить ко мне странника, надеясь узнать от него что-нибудь более; но его уже не могли отыскать ни в монастыре, ни за монастырем. С тех пор дух мой успокоился, и я перестал помышлять о переходе в другое место».

Из духовных отношений старца Серафима к другим современным подвижникам, из совместных действий их, направляемых к одной цели, чрезвычайно замечателен следующий случай. Одна томская мещанка, Мария Иконникова, странствовалав очень много по святым местам, зашла в г. Ачинск к старцу Даниилу принять благословение на будущие странст-

вия. Он встретил ее, не допустив до своей кельи и, бросив на нее самый гневный вид, начал говорить громким голосом:

«Что ты, пустая странница, пришла ко мне? Я давно тебя ожидал. Вот будешь меня помнить. Зачем ты бродишь по свету да обманываешь Бога и людей? Тебе дают деньги на свечи и на молебны, а ты тратишь их на свои прихоти: много станций ехала на подводах, нанимала, тратя деньги, Богу данные; а в таком-то месте ты пила вино и столько-то его купила; а в таком-то месте пустое празднословила. Теперь уже поздно тебе ходить по свету. Ступай и живи в Томске. Питайся от своего рукоделия: чулки вяжи. А когда устареешь, тогда для пропитания собирай милостыню. Да слушай же, больше не ходи по России».

Говоря эту поучительную речь, старец грозил страннице палкой и, по окончании слов своих, пошел в келью. Странница же, поклонившись ему, без слова отправилась в Томск, поселилась дома, стала заниматься рукоделием и решила впредь не странствовать.

Только по прошествии полугода родственники и знакомые, идя в Киев, упросили Марию Иконникову, как человека хожалого, быть для них вожатым. Сначала не соглашаясь, она потом пошла с ними и на дороге, бывши в Сарове, зашла к о. Серафиму принять на дорогу благословение. Старец всех спутников ее принял ласково, благословил, дал сухариков, а их вожатой, Марии Иконниковой, ни слова не сказал, не благословил и даже от себя прогнал. Через неделю томские путешественники начали собираться в путь, и Мария Иконникова, решившись испросить у о. Серафима благословение в путь, подошла к дверям его кельи и со слезами кричала: «Батюшка Серафим! Благослови меня в путь: товарищи мои хотят идти», а о. Серафим, выйдя из кельи, сурово взглянул на нее и громко закричал:

«Зачем ты пошла по России? Ведь тебе брат Даниил не велел больше ходить по России. Теперь же ступай назад, домой!»

«Батюшка! Благослови меня сходить в последний раз, – сказала странница, – больше уж ходить не буду».

«Я тебе сказал: ступай назад, а впредь идти тебе нет благословения!» – громко закричал опять старец.

«Батюшка, – сказала странница, – как же я пойду назад одна? Такой дальний путь, а денег-то у меня ни копейки нет».

«Ступай, ступай обратно! – настаивал на своем о. Серафим. – И без денег довезут на лошадях до самого Томска».

После сего старец благословил ее, дал один сухарик и затворил за собой двери. Станница простилась со своими спутниками и воротилась домой. В Нижнем Новгороде нашлись ей спутники, томские купцы, которые и довели ее до самого Томска. Так далеко видят по духу и слышат друг друга рабы Божии!

Зная и уважая св. людей, действуя ко благу ближних, согласно с ними и в духе и цели веры Христовой, батюшка о. Серафим не упускал из виду и согрешающих братий. В келье его, как уже сказано прежде, всегда горело многое множество свеч пред святыней. Посетители, приходя к старцу, приносили для сего свечи, масло и иногда полагали деньги на покупку их, которые о. Серафим не всегда-то принимал. Насчет этого множества свеч о. Серафим говорил следующее: «Если кто имеет веру ко мне, убогому Серафиму, то у меня за сего человека горит свеча пред св. иконой. И если свечка падала, это было для меня знамением, что человек тот впал в смертный грех. Тогда я преклоняю свои колени за него пред благоутробием Божиим». Так говорил о. Серафим проживавшему в г. Арзамасе крестьянину Василию Петровичу Вавилову, работавшему в Дивееве и у о. Серафима пользовавшемуся особенным

его вниманием и доверием. Вот и предстояло таким образом другому любимцу о. Серафима, г-ну Воротилову, случай впасть в смертный грех. О. Серафим, видя то, начал молиться, преклоняя колени, да спасет Господь душу его от погибельного греха. Господь милосерд: спас его. Поэтому, при свидании, старец заметил Воротилову, что в такое-то время и в таком-то месте мы, по милосердию Божьему избавлены от ада за молитвы убогого Серафима.

За год и десять месяцев до своей кончины о. Серафим сподобился посещения Богоматери.

Посещение сие было ранним утром в день Благовещения, 25 марта 1831 года. «Батюшка, – сказывала старица Дивеевской общины Е., – за два дня приказал мне придти к себе к этому дню. Когда я пришла, батюшка объявил: «Нам будет видение Божией Матери» – и, наклонив меня ниц, прикрыл своей мантией и читал надо мной по книге. Потом, подняв меня, сказал: «Ну, теперь держись за меня и ничего не убойся». В это время сделался шум, подобно шуму от большого ветра. Когда оный утих, послышалось пение, подобное церковному. Потом дверь в келью сама собой отворилась, сделалось светло – белее дня, и благоухание наполнило келью, похожее, но лучше, росного ладана. Батюшка стоял на коленях, воздев руки к небу. Я испугалась. Батюшка встал и сказал: «Не убойся, чадо: это не беда, а посылается нам от Бога милость. Вот Преславная Пречистая наша Пресвятая Богородица грядет к нам!» Впереди шли два Ангела, держа – один в правой, а другой в левой руке – по ветви, усаженной только что расцветшими цветами. Волосы их подобились золотисто-желтому льну и лежали распущенные на плечах. Они стали впереди. За ними шли: св. Иоанн Предтеча и св. Иоанн Богослов. Одежда на них была белая, блестящая от чистоты. За ними шла Богоматерь, а за нею двенадцать дев. Царица Небесная имела на себе мантию, подобно той, как пишет-

ся на образе скорбящей Божией Матери, блестящую, но какого цвета - сказать не могу, несказанной красоты, застегнутую под шеей большой круглой пряжкой, застежкой, убранный крестами, разнообразно изукрашенными, но чем -- не знаю, а помню только, что она сияла необыкновенным светом. Платье, сверх коего была мантия, было зеленое, перепоясанное высоко поясом. Сверх мантии была как бы *епитрахиль*, а на руках *поручи*, которые, равно как и епитрахиль, убраны были крестами. Ростом она казалась выше всех дев. На голове Ее был возвышенная корона, крестами разнообразно украшенная, прекрасная, чудная, сиявшая таким светом, что нельзя было смотреть глазами, равно как на пряжку, застежку и самое лицо Царицы Небесной. Власы ее были распущены по плечам и были длиннее и прекраснее ангельских. Девы шли за нею попарно, в венцах, в одеждах разного цвета, были разного роста, разных лиц и разного цвета волос, лежащих также по плечам: все великой красоты, но одни других были лучше и стали кругом всех нас. Царица Небесная была в середине. Келья сделалась просторная, и верх весь исполнился огней, как бы горящих свеч. Светлее было полдней; свет было особый, не похож на дневной свет, было светлее и белее солнечного света. Я испугалась и упала. Царица Небесная подошла ко мне и, коснувшись правой рукой, изволила сказать: «Встань, девица, и не убойся нас. Такие же девы, как ты, пришли сюда со мной». Я не почувствовала, как встала. Царица Небесная изволила повторить: «Не убойся. Мы пришли посетить вас». О. Серафим стоял уже не на коленях, а на ногах пред Пресвятой Богородицей, и Она говорила с ним столько милостиво, как бы с родным человеком. Объятая великой радостью, спросила я о. Серафима, где мы. Я думала, что я уже не живая; потом, когда спросила его: «Кто это?», то Пречистая Богородица приказала мне подойти к девам и самой спросить их.

Они стояли постепенно по сторонам, как шли: в первых местах стояли великомученицы *Варвара* и *Екатерина*, во вторых св. первомученица *Фекла* и св. великомученица *Марина*, в третьих св. великомученица и царица *Ирина* и преподобная *Евпраксия*, в четвертых св. великомученицы *Пелагия* и *Дорофея* в пятых преподобная *Макрина* и мученица *Иустина*, в шестых св. великомученица *Иулиания* и мученица *Анисия*. Я подходила к каждой из них, каждая сказала мне свое имя и подвиги мученичества и жизни Христа ради, сходно с тем, как написано о них в Четьи-минеях; все говорили: «Не так Бог даровал нам эту славу, а за страдание, за поношение. И ты пострадаешь». Пресвятая Богородица много говорила о. Серафиму такого, что участница в видении не могла слышать; а вот что слышала: «Не оставь дев моих (Дивеевских)». О. Серафим отвечал: «О, Владычица! Я собираю их, но сам собою не могу их управить». На это Царица Небесная отвечала: «Я тебе, любимче мой, во всем помогу. Возложи на них послушание: если исправят, то будут с тобою и близ Меня; а если потеряют мудрость, то лишатся участи сих ближних дев моих; ни места, ни венца такого не будет. Кто обидит их, тот поражен будет от Меня; кто послужит им ради Господа, тот помяновен будет пред Богом». Потом, обратясь ко мне, сказала мне: «Вот, посмотри на сих дев Моих и на венцы их: иные из них оставили земное царство и богатство, возжелав царства вечного и небесного, возлюбили нищету самоизвольную, возлюбили Единого Господа, и за то, видишь, какой славы и почести сподобились. Как было прежде, так и ныне. Только прежние мученицы страдали явно, а нынешние – тайно, сердечными скорбями, и мзда им будет такая же». Видение кончилось тем, что Пресвятая Богородица сказала о. Серафиму: «Скоро, любимче мой, будешь с нами» – и благословила его. Простились с ним и все святые: св. Иоанн Предтеча и Иоанн Богослов благословили

его, а девы целовались с ним рука в руку. Мне сказано было: «Это видение тебе дано ради молитв о. Серафима, Марка, Назария и Пахомия». И потом в одно мгновение стало все невидимо. Видение продолжалось не один час. Батюшка, обратясь после этого ко мне, сказал: «Вот, матушка, какой благодати сподобил Господь нас, убогих. Мне, таким образом, уже 12-й раз было явление от Бога. И тебя Господь сподобил. Вот какой радости достигли! Есть нам по чем веру и надежду иметь ко Господу. Побеждай врага диавола и противу его будь во всем мудрая: Господь тебе во всем поможет. Призывай себе на помощь Господа и Матерь Божию, святых и меня, убогого, поминай. Помни и говори в молитве: Господи, как мне умереть будет? Как мне, Господи, на Страшный Суд прийти? Как мне, Господи, ответ дать за мои дела? Царица Небесная, помоги мне!»

Х.

ПРИГОТОВЛЕНИЕ К СМЕРТИ, КОНЧИНА И ПОГРЕБЕНИЕ

Изнеможение сил старца Серафима. — Изменение порядка жизни. — Усердие к старцу народа. — Замечательные случаи из отношений о. Серафима к ближним в это время. — Его предсказания о своей смерти. — Две беседы с сестрами Дивеевской общины. — Исцеление и разговор с инокиней Платонидой. — Посещение о. Серафима подвижником Тимоном и наставления, данные ему Саровским старцем. — Огорчения и взгляд на них о. Серафима. — Его приготовление к смерти. — Замечательное свидание с преосвящ. Арсением за четыре месяца до смерти и разные предсказания о ней. — Заключительное слово о. Серафима. — Последний день жизни. — Описание кончины

старца. – Его погребение. – Памятник на могиле. – Стихотворение по случаю его кончины. – Откровение воронежскому епископу Антонию о его смерти. – Смерть брата о. Серафима. – Собрание сведений о жизни о. Серафима. – Разбор вещей, оставшихся после его смерти. – Память о нем живет и убажается повсюду до настоящего времени.

За год до смерти о. Серафим почувствовал крайнее изнеможение сил душевных, наипаче же телесных. Ему было теперь около 72-х лет. Обыкновенный порядок жизни его, заведенный с окончания затвора, неминуемо подвергся теперь изменению. Старец стал реже ходить в пустынную келью. В монастыре также тяготился постоянно принимать посетителей. Народ, свыкшийся с мыслью беспрепятственно видеть о. Серафима во всякое время, скорбел, что теперь он начал уклоняться от взоров. Однако же усердие к нему заставляло многих немалое время проживать в монастырской гостинице, чтобы взыскать необременительный для глубокого старца случай увидеть его и выслушать из уст его желаемое слово назидания или утешения.

Старец о. Серафим, как и в прежние годы, продолжал, хотя изредка, наставлять людей, больным давал молитвами своими исцеления и предвозвещал будущие события. К этому году относятся следующие замечательные случаи из отношений его к посетителям.

Рясофорный монах нижегородского Печерского монастыря Василий рассказывает следующее обстоятельство о свидании своем с Саровским подвижником.

«В 1825 году отец мой, Владимирской губернии, Муромского уезда, села Зяблицкого погоста крестьянин графини Юлии Самойловой, отправился с двумя малолетними своими детьми – мною, 6-летним Василием, и братом моим Кириллом – в Саровскую пустынь помолиться и принять благословение от о. Серафима.

Мы прибыли туда накануне праздника Воздвижения Честного и Животворящего Креста Господня и на другой день, после ранней обедни, отправились к о. Серафиму. Богоугодный старец, благословляя нас, сказал обо мне отцу моему, что я не буду его кормильцем, и попросил его купить для меня Евангелие; а о брате моем сказал, что он будет жить при родителях и помогать им. С тех пор отец мой и мать моя часто напоминали мне об этом предсказании.

На 14-м году возраста я пожелал сам удостовериться в словах прозорливого старца и с этой целью испросил у своих родителей позволение побывать в Саровской пустыни у о. Серафима; это было в 1832 году. Когда я пришел к старцу и хотел спросить его о будущей своей жизни, он сам, предупреждая слова мои, сказал мне: «Радость моя, тебе следует поступить в монастырь». Когда же я отвечал ему, что человек господский, он сказал: «Гряди: Божия Матерь тебе поможет, и графиня, помещица твоя, через ходатайство великих людей, отпустит тебя на волю».

С этим утешительным предсказанием и с благословением о. Серафима я отправился домой.

Достигнув 17-летнего возраста, я получил, наконец, от своих родителей согласие на поступление в монашество и, будучи еще человеком господским, поступил Саровскую пустынь. По прошествии двух лет игумен Саровский, о. Нифонт благословил меня как оказавшегося, по искусе, способным к монастырским послушаниям, хлопотать об увольнении из крепостного состояния. Это побудило меня отправиться в С.-Петербург, и здесь промысел Божий указал мне обратиться с просьбой об исходатайствовании столь желаемого мною увольнения к настоятелю Сергиевской пустыни, о. архимандриту Игнатию. Добрый настоятель тотчас же согласился на мою просьбу и вскоре действительнохлопотал мне это увольнение. По представлении его

о. Нифонту я был принят в Саровской пустыни послушником, а оттуда перешел в нижегородский Печерский монастырь, где и доныне нахожусь под покровом Царицы Небесной. Таким образом исполнилось в точности предсказание о. Серафима.

Родные сестры, из дворян, девицы Екатерина и Анна Васильевны Ладыженские*, находящиеся в числе сестер Дивеевской обители, повествовали следующее:

«В 1832 году родной брат наш О. В-ч Ладыженский, находящийся ныне председателем военной комиссии в Оренбурге, был послан в Китай для сопровождения духовной миссии. Так как дорога эта лежала через Нижний Новгород, где мы имели родную бабушку игуменью в Крестовоздвиженском Девичьем монастыре, то, желая как посетить престарелую свою бабушку, чтимую всеми знающими ее и даже отцом Серафимом, так равно и повидаться с нами, сестрами своими, жившими тогда в Пензе, еще в мире, брат наш вызвал нас в Нижний Новгород.

Сам он прибыл туда на страстной неделе Великого поста, в самую распутицу, и по необходимости должен был дожидаться здесь лучшего пути, тем более что от дурной дороги занемог. В последнюю Турецкую кампанию он был ранен в левую руку, и теперь боль в руке возобновилась и заставила его лечиться и брать ванны.

Мы же, четыре сестры, имя счастье знать и питая горячую веру к молитвам преподобного о. Серафима, воспользовались этой невольной остановкой и начали убеждать его съездить с нами в Саровскую обитель, чтобы удостоиться видеть и получить благословение о. Серафима на такой долгий и опасный путь.

После многих усилий он наконец склонился на нашу просьбу, но не по вере в святость жизни и прозорливость о. Серафима, которого хотя и уважал, но далеко не разде-

---

* Екатерина Васильевна Ладыженская была 15 лет настоятельницей Дивеевской общины, и ныне живет там на покое.

лял к нему наших чувств, а единственно для успокоения нашего, по любви к нам, так как мы твердили ему беспрестанно, что только тогда будем спокойны на его счет, когда он посетит с благоговением чтимого нами старца.

Накануне отъезда мы имели с братом большой разговор и спор о св. иконах. Мы называли многие иконы чудотворными, а брат опровергал нас, говоря, что различать иконы и называть некоторые из них чудотворными есть дело суеверия и что все иконы одинаковы.

Поехали же мы в Саров с таким расчетом, чтобы пробыть там воскресный или какой-нибудь другой праздничный день; нам хотелось, чтобы брат увидел о. Серафима первый раз в церкви, когда он будет приобщаться св. Тайн.

По приезде мы все отправились к ранней обедне, за которой обыкновенно приобщался о. Серафим; и когда она кончилась, брат наш вошел в алтарь, чтобы принять там благословение о. Серафима и передать ему несколько слов от бабушки нашей игуменьи и от преосвященного Афанасия, который управлял тогда Нижегородской епархией, а впоследствии был переведен в Тобольск, где и скончался; мы же возвратились в занимаемую нами гостиную келью.

Вскоре возвратился и наш брат, и мы заметили в нем большое изменение. Первым словом его было сознание, что о. Серафим сотворил над ним чудо. Именно, он говорил: «Пока я передавал о. Серафиму то, что поручили мне передать бабушка и преосвященный, он взял меня за больную мою руку и так крепко сжал, что я только от стыда не вскрикнул; но теперь не ощущаю в руке решительно никакой боли».

После трапезы мы все пошли в лес, к пустыни о. Серафима; увидав его издали, сидящего против своего источника, предложили брату идти к нему одному, а сами остались вдали смотреть на них. Брат пошел и принят был о. Серафимом очень милостиво, потому что он

благословил его и, посадив подле себя, разговаривал с ним с полчаса времени. Наконец о. Серафим, подняв свою голову, сделал нам знак рукой, чтобы мы приблизились. Пока мы подходили, он уже встал со своего места, и мы нашли его с заступом в руках, копавшего свои грядки. Он был в белом балахончике и повязан тряпичкой, а плечи его были покрыты кожей. Мы получили его благословение, и когда брат подошел к нему также, он сказал ему: «Подожди, батюшка, я сейчас выйду к тебе». С этим словом он пошел в пустынную свою келью и тотчас же вынес оттуда половину просфоры и, подавая ее брату, сказал ему с любовью: «На тебе, от моей души». И потом прибавил как бы с грустью: «Мы с тобой более не увидимся». Тронутый брат отвечал ему: «Нет, батюшка, я еще завтра приду к вам, благословите». Но о. Серафим повторил: «Мы с тобою более не увидимся». Брат возразил еще: «Батюшка, я и на возвратном пути заеду к вам», – но отец Серафим в третий раз повторил: «Нет, мы с тобой больше не увидимся».

Простившись с о. Серафимом, мы отправились в монастырь; сестры шли вперед, а я, грешная Екатерина, с братом немного позади их. Замечая в брате большую перемену, я спросила его о причине, и он отвечал мне так: «Теперь я совершенно убежден в святости и прозорливости этого дивного мужа. Все, что вы ни говорили о нем, – истинно, и вы ничего не преувеличили». Прежде же он обыкновенно отзывался о нем так: «Я верю, что он хорошей жизни, но вы слишком все преувеличиваете».

Я попросила брата рассказать мне все подробнее, и он рассказал следующее: «Когда я подошел к нему под благословение и объяснил, что отправляюсь в Китай и потому нарочно заехал в Саров, чтобы принять от него благословение и попросить его святых молитв на такой дальний путь, тогда о. Серафим благословил меня и, посадив подле себя, сказал: «Что, батюшка, мое грешное благословение? Проси помощи у Царицы Небесной;

вот, в теплом соборе у нас икона Живоносного Источника: отслужи ей молебен, ведь она чудотворная, она тебе поможет». И потом с улыбкой продолжал: «Читал ли ты, батюшка, житие Иоанникия Великого? Я советую прочесть. Это был военный, весьма добрый и хороший человек, и сначала не то, чтобы он не был христианин; он веровал в Господа, но в иконах-то заблуждал так же, как и ты». И при этих словах он показал на меня рукой. Я был весьма поражен этими словами.

Отец же Серафим продолжал после того милостиво беседовать со мной и давать мне наставления, особенно чтобы я сам был милосерд, если хочу, чтобы Господь Бог был ко мне милосерд. В заключение он предсказал, что я исполню возложенное на меня поручение и возвращусь благополучно».

Из пустыни мы прошли прямо в теплый собор, потому что брат мой, воспламененный верой и любовью к о. Серафиму, пожелал немедленно исполнить его совет и отслужить молебен Царице Небесной. После молебна он выпросил у знакомого нам иеромонаха Анастасия Четию-минею, отыскал там житие Иоанникия Великого и нашел, что, действительно, Иоанникий был военный, добрый и сострадательный; что он веровал в Господа, но заблуждал насчет икон, и, наконец, что он нашел старца затворника, подобного о. Серафиму, который вывел его из заблуждения. Таким образом, брат наш выехал из Сарова с полной верой и любовью к о. Серафиму. Он бросил все свои лекарства, потому что уже не нуждался в них более: он чувствовал себя исцеленным и душой, и телом и с дороги писал нам, что никогда не чувствовал себя столь здоровым.

Исполнив в точности, по благодати Божией и за молитвы праведника, поручение, данное ему Августейшим Монархом, он возвратился в отечество и хотел на возвратном пути еще раз посетить о. Серафима; но мы уведомили его, что уже не стало дивного угодника Бо-

жая. И таким образом исполнилось его пророчество, которое он говорил брату при прощании: «Мы с тобою больше не увидимся».

Считаем не лишним поместить здесь еще одно обстоятельство, случившееся с братом нашим и доказывающее благодатный дар прозорливости в отце Серафиме.

Уезжая из Сарова, брат наш поручил вышеупомянутому иеромонаху Анастасию доставить о. Серафиму от его усердия одну неважную вещь. Отец Серафим, приняв ее, изволил сказать о брате, что «он опять здесь будет, но не один; я, говорил он, приказал ему не оставлять жены». «Отец Анастасий передал это известие мне, – говорит Екатерина Васильевна, – когда я приехала в Саров через несколько месяцев после отъезда брата; и я нисколько не сомневалась в истине слов праведника, хотя брат и ничего не говорил нам о намерении своем вступить в брак. Возвратившись домой, я написала о слышанном брату, и он отвечал нам так: «Дивный Серафим не ошибся и в этом случае: он проник в тайну души моей; я избрал себе по сердцу и положил твердое намерение жениться на избранной мною».

Екатерина Васильевна рассказывает еще следующий случай об о. Серафиме. «В один из приездов наших в Саровскую обитель сестра моя пожертвовала на образ Успения Божией Матери свои бриллиантовые серьги, и чтобы скрыть это дело, она вручила их в моем присутствии знакомому нам иеромонаху Дамаскину с просьбой передать их настоятелю и никому не сказывать ничего. Это происходило у крыльца кельи о. Серафима. Едва мы вошли вслед за тем к старцу в сени, как он встретил сестру мою, сделавшую пожертвование, с самым радостным видом и с сими словами: «Божия Мать вознаградит тебя за твою жертву и здесь, и в будущем». Мы остались после наших родителей совершенными по всему сиротами и утешались только тем, что старец, между прочими спасительными наставлениями,

всегда говаривал нам, «что он утешит нас, что он будет за нас молиться». И действительно, мы считаем себя теперь вполне утешенными, потому что Господь Бог и Царица Небесная за молитвы о. Серафима сподобила нас, двух сестер, Екатерину и Анну, поступить в число сестер Дивеевской общины и принести хоть малейшую лепту нашего усердия в пользу этой св. обители».

Особенно замечательна по содержанию своему беседа старца Серафима с г. Богд-вым. В день Рождества Христова 1832 года он удостоился видеть о. Серафима в Саровской пустыне. «Я, – говорил г. Б., – пришел в больничную церковь к ранней обедне еще до начатия службы и увидел, что о. Серафим сидел на правом клиросе, на полу. Я подошел к нему тотчас под благословение, и он, благословив меня, поспешно ушел в алтарь, отвечая на мою просьбу побеседовать с ним: «После, после». По окончании же обедни, когда Я снова подошел к нему, он приветствовал меня словами: «Молитвами Пресвятой Богородицы все благо будет!» Тут я осмелился попросить его о назначении мне времени для выслушания от него спасительных советов. Старец на это отвечал мне так: «Два дня праздника. Времени не надо назначать. Св. апостол Иаков, брат Божий, поучает нас: «Если угодно будет Господу и живы будем, то сделаем ту или другое». (это из Иак. 4:15) Я поднес к нему дочь свою Веру, и он, благословив нас, дал нам обоим сухарей.

Наконец, приготовив заблаговременно вопросы, которые хотел я предложить старцу, я пришел к нему в келью. Он встретил меня в сенях, принял принесенные мной, по поручению других, свечи и масло и благословил беседовать с собой.

Я спросил его: продолжать ли мне мою службу или жить в деревне? О. Серафим отвечал: «Ты еще молод, служи». – «Но служба моя нехороша, – возразил я. – «Это от твоей воли, -- отвечал старец. – Добро делай;

путь Господень все равно! Враг с тобой везде будет. Кто приобщается – везде спасен будет; а кто не приобщается – не думаю. Где господин, там и слуга будет. Смирять себя, мир сохраняй, ни за что не злобься».

Я спросил еще: благополучно ли кончится мое дело? Старец отвечал: «Надобно полюбовно разделить с родными, у кого есть что разделить. Было у двух родных братьев два озера; у одного все множилось, а у другого нет. Тот и хотел завладеть войной. Одному нивы надобно 12 сажень, а другому более. Не пожелай».

После того я спросил: учить ли детей языкам и прочим наукам? И он отвечал: «Что же худого знать что-нибудь?» Я же, грешный, подумал, рассуждая по мирскому, что нужно, впрочем, ему самому быть ученым, чтобы отвечать на это, и тотчас же услышал от прозорливого старца обличение: «Где мне, младенцу, отвечать на это против твоего разума? Спроси кого поумней».

Вечером, когда я пришел к нему, первым его словом было: «Беседу лучше оставить. За каждое праздное слово воздадим Богу ответ». Но я умолил его продолжать спасительную беседу и предложил ему следующий вопрос: скрывание дел, предпринятых во имя Господне в случаях, когда знаешь, что получишь за них скорее осмеяние, нежели похвалу, не похоже ли на отвержение Петра; и что делать при противоречиях? Старец на это отвечал мне так: «Св. Апостол Павел в послании к Тимофею говорит: пей вино вместо воды; а вслед за сим следует: не упивайся вином. На это надо разум. Не воструби; а где нужно, не премолчи».

Я спросил еще: что прикажет он мне читать? И получил ответ: «Евангелие по 4 зачала в день, каждого Евангелиста по зачалу, и еще жизнь Иова. Хотя жена и говорила ему: лучше умереть; а он все терпел и спасся. Да не забывай дары посылать обиравшим тебя».

На вопросы мои: должно ли лечиться в болезнях и как вообще проводить жизнь, он отвечал: «Болезнь

очищает грехи. Однако же воля твоя. Иди средним путем; выше сил не берись — упадешь, и враг посмеется тебе; аще юн сын, удержишь. Однажды диавол предложил праведнику прыгнуть в яму, тот было согласился. но Григорий Богослов удержал его. Вот что делай: укоряют — не укоряй; гонят — терпи; хулят — хвали; осуждай сам себя, так Бог не осудит, покоряй свою волю Господней; никогда не льсти; познавай в себе добро и зло: блажен человек, который знает это. Люби ближнего твоего: ближний твой — плоть твоя. Если по плоти поживешь, то и душу, и плоть погубишь; а если по Божьему, то обоих спасешь. Эти подвиги больше, чем в Киев идти или и далее, кого Бог позовет». Последние слова о. Серафима относились к желанию моему отправиться на богомолье в Киев и далее, если благословит. Впрочем, я не открыл ему еще этого желания, и о. Серафим узнал о нем единственно по дару прозрения, которое имел он по благодати Божией.

После этого я спросил старца: обязан ли человек, для поддержания своего звания, вовлекаться в издержки, превышающие его достатки и не составляющие у людей необходимости? Он отвечал: "Кто как может; но лучше, чем Бог послал. Хлеба и воды довольно для человека. Так было и до потопа».

Еще спросил я: должно ли угождение людям простиаться и на те случаи, которые не согласны с волею Божией, напр. праздно проводить время и т.п.? На это о. Серафим возразил: «За эту любовь многие погибли: если кто не творит добра, тот и согрешает. Надобно любить всех, а больше всего — Бога».

Я попросил его помолиться обо мне; он отвечал: «За всех молюсь всякий день. Устрой мир душевный, чтобы никого не огорчать и ни на кого не огорчаться: тогда Бог даст слезы раскаяния. — И опять подтвердил: — Укоряют — не укоряй и т.д.»

На вопрос мой: как сохранить нравственность людей, мне подчиненных, и не противны ли Богу закон-

ные, по-видимому, наказания, он отвечал: «Милостями, облегчением трудов, а не ранами. Напой, накорми, будь справедлив. Господь терпит; Бог знает, может быть, и еще протерпит долго. Ты так делай: если Бог прощает, и ты прощай. Сохрани мир душевный, чтобы в семействе у вас ни за что не было ссоры; тогда благо будет. Исаак, Авраамов сын, не злобился, когда у него колодцы засыпали, и отходил; а потом его же стали просить к себе, когда Господь Бог благословил его сто-кратным плодом ячменя».

Спрашивал я также о. Серафима насчет опасности нынешних советов и можно ли верить учению других. Он отвечал: «Это вам необновленным» – и улыбнулся. «Довольно одного ангела-хранителя, от св. купели нам данного. Если ярость в ком есть – не слушай; если девство кто хранит – Дух Божий таких принимает. Однако же сам разум имей, и Евангелие читай».

Я попросил о. Серафима растолковать мне сон: я видел кого-то, кто приказывал мне выстроить церковь. О. Серафим сказал мне: «Это твое собственное желание, и если Бог избрал тебя на это и потребует нужда, то с Богом! В терпении нашем стяжите души ваши, то и будете Богу подобны, а иначе я не думаю, чтобы кто спасся».

Я спросил старца: нужно ли молиться Богу об избавлении от опасных случаев? Старец отвечал: «В Евангелии сказано: молясь, не говорите лишнего, ибо знает Отец ваш, в чем вы имеет нужду, прежде вашего прошения у него. Молитесь же так: Отче наш и проч. Тут благодать Господня; а что приняла и облобызала св. Церковь, все для сердца христианина должно быть любезно. Не забывай праздничных дней: будь воздержан, ходи в церковь, разве немощи когда; молись за всех: много этим добра сделаешь; давай свечи, вино и елей в церковь: милостыня много тебе блага делает».

Когда я спросил о посте и браке, старец сказал:

«Царство Божие не брашно и питье, но правда, мир и радость о Духе Святом. Только не надобно ничего суетного желать, а все Божие хорошо: и девство славно, и посты нужны для побеждения врагов телесных и душевных. И брак благословлен Богом: и благословил их Бог, говоря: растите и множьтесь. Только враг смущает все».

На вопрос мой о духе мнительности и о хульных помыслах он отвечал: «Неверного ничем не уверишь. Это от себя. Псалтири купи: там есть все. Три рубля стоит».

Я спросил его: можно ли есть скоромное по постам, если кому постная пища вредна и врачи приказывают есть скоромное? Старец отвечал: «Хлеб и вода никому не вредны. Как же люди по 100 лет жили? Не хлебом единым будет жив человек, но всяким словом исходящим из уст Божиих. А что Церковь положила на семи Вселенских соборах, то исполняй. Горе тому, кто слово одно прибавит к сему или убавит. Что врачи говорят о праведных, которые исцеляли от гниющих ран одним прикосновением, и про жезл Моисея, которым Бог из камня извел воду? Какая польза человеку, если весь мир приобретет, душу же свою потеряет? Господь призывает нас: приидите ко Мне все труждающиеся и обремененные, и Аз упокою вы, иго бо мое благо и бремя Мое легко есть. Да мы сами не хотим».

Чем, спросил я, истребить гордость и приобрести смирение? Он отвечал: «Молчанием. Бог сказал Исаии: на кого воззрю, только на кроткого и молчаливого и трепещущего словес Моих». Касательно духовной гордости он прибавил еще: «Проси Бога, чтобы Он продлил твои лета. Этого без труда не сделаешь. Молчанием же большие грехи побеждаются». Во все время нашей беседы о. Серафим был чрезвычайно весел. Он стоял, опершись на дубовый гроб, приготовленный им для самого себя, и держал в руках зажженную восковую свечу. Начиная отвечать, часто приветствовал меня

словами «ваше боголюбие!» О дочери моей сказал: «У нее путь трудный: выйдет за такого мужа, что и Бога знать не будет».

Прощаясь со мной, он благодарил меня за посещение его убожества, как сам он выразился. Благословляя же, хотел даже поцеловать мою руку, кланялся мне до земли и, наделая сухарями, приказывал разделить их с моими подчиненными и наконец, отпуская, сказал: «Гряди с Богом! Эти сухари свежие, только что из печки».

К большому прославлению чудного дара прозорливости в благодатном старце о. Серафиме нужно объяснить, что я не имел возможности расспрашивать его так подробно и помнить все его ответы. Притом же он говорил чрезвычайно поспешно. Для этого все свои вопросы я предварительно написал для памяти на бумаге. И едва успевал я прочитывать их пред старцем, как тотчас же и получал от него на них ответы».

Прозорливостью своей о. Серафим весьма много содействовал к счастью и благоустройству семейной жизни ближних. Пришел к нему в пустынь один приезжий офицер принять благословение на вступление в брак. О. Серафим сказал, что его невеста здесь, в Сарове в гостинице. Через несколько времени пришла девица к о. Серафиму и также поведала ему свое желание выйти в замужество и виды, открывающиеся по сему предмету в будущем. Старец сказал: «Нет! Твой жених здесь, в Сарове». Оба приходившие никогда не знали друг друга и не видались. Простой случай, указанный Провидением, свел их между собою; молодые люди познакомились, с участием родных решили судьбу свою, вместе пришли к о. Серафиму, и старец благословил их к венцу. Вступив в брак, эти лица жили очень счастливо.

Это не был простой случай, а дело Божие, совершившееся через старца. Дела Божии всегда созидаются с удивительной простотой: это их особенность. Невнимание к советам старца сопровождалось в подобных

случаях точным исполнением последствий, им предвозвещаемых. Так, один рязанский помещик, бывши в Сарове, просил молитв и благословения о. Серафима на вступление в брак. Старец указывал ему невесту, Богом назначенную, в лице одной особы, жившей по имению в соседстве с просителем, называя ее по имени. Молодой человек отказывался исполнять советы его, отзываясь тем, что он имеет уже невесту из обитающих в том месте, где стоял его полк. О. Серафим сказал: «Тебе сия не принадлежит в радость, но в печаль и слезы». Молодой человек женился, однако же, по своему, но жена его, не пережив и года, умерла, и были мужу «печаль и слезы». Вдовец был опять у о. Серафима и, по вторичному его совету, взял ту, которую и прежде назначал старец. После брака жили они счастливо.

Членов семейств, живших врозь, о. Серафим соединял вместе в исполнение Писания: *что Бог соединил, человек да не разлучает*. Господа Т-вы, Пензенской губернии и из Таганрога, разошлись между собой по неприятностям и детей развели. Муж проживал в Пензе, а жена в Таганроге. К счастью обоих, г-н Т-в был в Сарове. О. Серафим только взглянул на него, стал обличать его и грозил ему, говоря: «Зачем ты не живешь с женой? Ступай к ней, ступай!» Речь старца привела заблудшего в сознание: он отправился из Сарова в Таганрог, взял свою жену, съездил с ней на богомолье в Киев, и стали они жить с тех пор вместе в деревне, близ Таганрога, благополучно и по закону Божию. «Я видала, – пишет боголюбивая Мария к затворнику Георгию, – письма их после известия о смерти старца: они исполнены горести, что умер отец их и благодетель».

Одна мать очень скорбела о своем сыне, которого совсем потеряла из виду. С растерзанным сердцем припала она к ногам о. Серафима и просила молитв его о том, кого считала она погибшим. Старец сказал в ответ матери, чтобы она пожила в Сарове в гостинице и по-

дождала своего сына. Она и ждала день, два, три, а наконец, недоумевая насчет ответа о. Серафима, пришла к нему принять благословение, имея в виду отправиться восвояси. Что же? В то время как она пошла в келью старца, у него был на благословении и сын ее. О. Серафим взял его за руку, подвел к матери и поздравил с возвращением к ней сына.

Кроме предсказаний другим, старец начал теперь предсказывать и о своей смерти.

Так, пришла раз к нему сестра Дивеевской общины Параскева Ивановна с другими сотрудницами из сестер же. Старец начал говорить им: «Я силами слабею; живите теперь одни: оставляю вас». Скорбная беседа о разлуке растрогала слушательниц; они заплакали и с тем расстались со старцем. Однако же они подумали, по поводу этой беседы, не о смерти его, а о том, что о. Серафим, по преклонности лет, хочет отложить попечение о них, чтобы удалиться в затвор.

В другой раз старца посетила одна Параскева Ивановна. Она была в лесу, в ближней пустыни. Благословив ее, о. Серафим сел на отрубок дерева, а сестра около него стала на колени. О. Серафим повел духовную беседу и пришел в необыкновенный восторг: встал на ноги, руки поднял горе, взоры – к небу. Благодатный свет озарил его душу от представления блаженства будущей жизни. Ибо старец беседовал в настоящий раз, собственно, о том, какая вечная радость ожидает человека на небе за недолговременные скорби временной жизни. «Какая радость! Какой восторг, – говорил он, – объемлют душу праведника, когда, по разлучении с телом, ее сретают ангелы и представляют пред лицо Божие!» Раскрывая эту мысль, старец несколько раз спрашивал сестру, понимает ли она его. Сестра же слушала не говоря ни слова. Она понимала беседу старца, но не видела, чтобы речь клонилась к его кончине. Тогда

о. Серафим стал говорить прежнее: «Я силами ослабеваю; живите теперь одни: оставляю вас». Сестра подумала, что он хочет опять укрыться в затворе, но о. Серафим на ее мысли отвечал: «Искал я вам матери (настоятельница), искал... и не мог найти. После меня никто вам не заменит меня. Оставляю вас Господу и Пречистой Его Матери». А сестра все еще не понимала, что старец говорил о своем успении, и подумала про себя, что хотя батюшка о. Серафим вручает их Господу и Божией Матери, но нельзя же обители оставаться и без человека – духовного руководителя ко спасению. Старец же отвечал: «Человека-то, матушка, днем с огнем не найдешь. Оставляю вас Господу и Пречистой Его Матери». Тут он прямее выразился о своей кончине. Тогда сестра, припав к ногам старца, так горько зарыдала, что не могла ни сама говорить, ни слышать слов его. О. Серафим начал читать на память Евангелие от Матфея, зачало 11: *вы есть свет мира*, и когда кончил, перешел к Евангелию от Иоанна, зачитал 14 главу: *Да не смущается сердце ваше*, прочел также 15 главу и кончил 55 зачалом 16 главы словами: *Истинно, истинно говорю вам: о чем ни попросите Отца во имя Мое, даст вам. Доныне вы ничего не просили во имя Мое; просите и получите, чтобы радость ваша была совершенна*. Здесь о. Серафим остановился и сказал: «Что же ты, матушка; все плачешь? По времени и у вас будет мать – праведница. После сих слов о. Серафим встал на ноги и сказал сестре: «Гряди, матушка, за мною». Сестра, вся в слезах, встала на ноги и последовала за ним.

Когда другие сестры Дивеевской обители посещали о. Серафима в его келье незадолго до его смерти, то он обыкновенно, указывая на икону Божией Матери Умиление, много раз говаривал им в утешение: «Поручаю и оставляю вас на попечение вот этой Царицы Небесной». Это рассказывают даже до сего дня старицы Дивеевской обители из современных о. Серафиму.

За пять месяцев до кончины была у о. Серафима Платонида, монахиня симбирского монастыря Нерукотворенного Спаса. Она ехала в Арзамас к известному в то время врачу посоветоваться насчет ревматических страданий головы, лица и уха в одной половине тела, но заехала наперед в Саров, чтобы от о. Серафима принять благословение на лечение. Пять суток прожила она в Сарове и хотя раза по четыре каждые сутки приходила к келье старца, но не могла видеть его. Старец, по изъясненным выше причинам, реже принимал посетителей. Наконец она была принята им в пустыни наедине. Поклонившись о. Серафиму в ноги, она просила благословения лечиться. Старец на слова ее отвечал: «Нет, не лечись, – и, показав рукой на небо, прибавил, – вот Кто (т.е. Бог) тебя исцелит». Затем он приказал ей умыться в источнике. Она же не умывалась во все продолжение своей болезни, около трех лет, справедливо опасаясь, чтобы от прикосновения к воде не получить большей простуды. Но по вере в слова праведного старца она, нимало не сомневаясь, умылась и от того не только облегчения не почувствовала, но напротив, почувствовала ужаснейшую боль. Потом старец приказал ей напиться этой воды, после чего сделались у нее мучительнейшие боли в лице и зубах. Наконец старец, приложив свою правую руку к больной ее щеке, сказал: «До успения Бог успокоит тебя; гряди с миром!» Платонида тотчас же почувствовала, как стала утихать боль ее: она совершенно прошла и с тех пор не возвращалась. При отпуске, благословляя ее крестом, висевшим у него на груди, о. Серафим сказал: «Не скорби, что долго не видела меня: я поминовение творил о скончавшейся монахине». Платонида, со своей стороны, спросила, может ли она надеяться еще когда-нибудь увидеть его. Старец, показывая рукой на небо, сказал: «Там увидимся: там лучше, лучше, лучше». Справедливо: больше она не видала его.

В этом же году посетил о. Серафима блаженный старец Тимон, живший, как известно, в Надевской пустыне и не выдавший своего духовного наставника и учителя более двадцати лет. В весеннее время пеший пришел он в Саровскую пустынь и, добравшись до кельи о. Серафима, ожидал сладостной минуты увидеть его. Но о. Серафим не допускал его до себя. На этот раз он принимал всех; беспрепятственно входили к нему мужи и жены; одному Тимону закрыт был вход, и он тщетно простоял у кельи до самого вечера. Наконец было благословлено и ему взойти в келью. «Я же, – говорил старец Тимон, – войдя пал ему в ноги и от радости много плакал, что через много лет сподобился видеть еще его в живых и сказа ему: «Отче святыи! За что вы на меня, грешного, прогневались и целый день меня до себя не допускали?» Он же меня посадил и начал говорить: «Нет, не так, отче Тимоне! Я тебя люблю; но это я сделал потому, что ты монах, да еще и пустынножитель, потому должен ты иметь терпение; да еще испытывал тебя, чему ты научился, живши столько лет в пустыни: не пустой ли ты из нее вышел? А прочие люди – мирские, да еще и больные: их надобно прежде полечить и отпустить: ибо *здравые врача не требуют, но болящие*, как Господь сказал. А с тобой надобно при свободном времени больше побеседовать». И так с ним всю ночь препроводили в беседе».

О. Серафим дал ему, между прочим, следующее наставление: "Сей, отец Тимон, сей, всюду сей данную тебе пшеницу. Сей на благой земле, сей и на песке, сей на камне, сей при пути, сей и в тернии: все где-нибудь да прозябнет и возрастет и плод принесет, хотя и нескоро. И данный тебе талант не скрывай в земле, да не истязан будешь от своего господина: но отдавай его торжникам: пусть куплю деют. Еще скажу тебе, отче Тимоне: не води дружбы и не имей союза, во-первых, с врагами Христовой Церкви, т.е. с еретиками и с раскольниками;

во-вторых, с теми, которые святых постов не соблюдают; в третьих, с женами: ибо они много нас, иноков, повреждают. А в своей новоустроенной (т.е. Надевской) обители положи и утверди устав совершенного общежития, по правилам и по уставу св. Отцов, чтобы никто не творил своей воли; винного питья и табаку отнюдь никому не позволяя; даже, сколько возможно, удержи-вай и от чая: чревоугодие – не монашеское дело». «Так меня наставив, – говорит старец Тимон, – о. Серафим благословил в путь. Я же возвратился в свою пустынь и живу в ней, благодаря Господа моего Иисуса Христа и Пречистую Его Матерь Владычицу Богородицу Деву Марию» (Путеш. Парфения. Ч. I, стр. 196-197).

Отцу Серафиму пришлось потерпеть в этом году неудовольствия, в которых он видел признаки своего приближения к исходу из настоящей жизни. Одна беглая девушка, чтобы глубже скрыть свое бродяжничество, остригла свои волосы в кружок, надела на себя послуш-ническое платье и так бродяжничала по миру. Поли-цейское начальство, предупредоменное о ее побеге, ра-зыскивало и наконец открыло ее. При допросе она по-казала, будто бы о. Серафим благословил ее так оде-ваться. Но о. Серафим никогда не благословлял и по дару прозорливости, конечно, не мог благословить ей скрывать, быть может, свои злодеяния. Между тем свет-ское начальство, следуя своим порядком, писало к о. игумену Нифонту разыскать и о сем. Оказалось, что беглая оболгала безвинно старца Божия, надеясь, что из снисхождения к распоряжению о. Серафима ей про-стят укрывательство под одеждой послушника. Тае не менее, обстоятельство это огорчило старца, и он на этот раз целые сутки не выходил из кельи, проводя вре-мя в молитве. Другие доблестные подвижники Сарова, напр. о. Иларион и Никодим горько сожалели об огорчении, которое испытал о. Серафим в настоящем обстоятельстве.

Работавший в Сарове крестьянин Лихачевский Е. В. раз, подходя к пустыни о. Серафима, увидел издали, что с ним сидит и беседует неизвестная ему молодая, лет шестнадцати, девица, очень хорошо одетая. Как неопытный в духовной жизни, он подумал: «О чем это батюшка так беседует с нею. Какие еще наставления идут к ее возрасту?» Только что подошел он со своими мыслями поближе, старец, указывая на признаки своей глубокой стрости, сказал: «Я ко всему мертв, а ты что это думаешь?» Тогда крестьянин упал ему в ноги и покался в своей вине. Отец же Серафим, милостиво благословив его, отпустил ему вину его и сказал: «Успокойся и больше не повторяй».

Приходилось старцу испытывать в этом году и другие огорчения безвинно и несправедливо, И он насчет всех их сказал однажды следующие слова: «Все сии обстоятельства означают то, то я скоро не буду жить здесь, что близок конец моей жизни».

Предчувствуя свою кончину, усматривая в самых обстоятельствах ее приближение, о. Серафим в это время приготовлялся и к исходу. Он реже выходил теперь в пустынь, менее принимал и в келье приходящих, чтобы беспрепятственнее заниматься окончательным приготовлением себя к вечности. В это время его нередко видели в сениях: старец сидел на своем гробе и предавался размышлениям о конце жизни, о загробной участи человека и своей собственной. Размышления сии нередко сопровождались горьким плачем, а начинались и оканчивались они продолжительными молитвами.

За полгода до смерти о. Серафим, прощаясь со многими, с решительностью говорил: «Мы не увидимся более с вами». Некоторые просили благословения приехать в Великий пост поговорить в Сарове и еще раз насладиться лицезрением и беседой его. «Тогда двери мои закроются, – отвечал на это старец, – вы меня не увидите». Стало очень заметно, что жизнь о. Серафима уга-

сает: только дух его по-прежнему, и еще более прежнего, бодрствовал. «Жизнь моя сокращается, – говорил он некоторым между братией, – духом я как бы сейчас родился, а телом по всему мертв».

За четыре месяца до смерти, а именно в августе 1832 года, высокопреосвященный Арсений, нынешний митрополит Киевский, бывши епископом Тамбовским и обзревая в первый раз епархию, посетил и Саровскую обитель. Старец Серафим, несмотря на то, что был тогда в пустыни, почел долгом прийти в монастырь единственно для того, чтобы вместе с братией встретить своего нового архипастыря. По окончании встречи он снова возвратился в пустынь. Преосвященный Арсений, осмотрев внимательно и подробно все церкви, братские кельи и хозяйственные постройки внутри монастыря, пожелал видеть и все принадлежащие к монастырю заведения и здания, вне оного находящиеся. В сопровождении Саровского казначея иеромонаха Исаии и ключаря тамбовского собора (что ныне кафедральный, там протоиерей) Никифора Телятинского он посетил пустыни Серафимову и Дорофееву. О. Серафим занимался укладыванием камней при берегу небольшого ручейка, протекавшего подле его пустынной кельи. Но как скоро он увидел приближение архипастыря к месту своему, тотчас же оставил занятия и, повергшись к стопам его, испрашивал себе и получил от него благословение.

– Что это такое ты делаешь? – благосклонно и с участием спросил его преосвященный Арсений.

– А вот, святой владыко, – отвечал старец, – камешками берег выкладываю, чтобы вода-то не обмывала берега и не портила его.

– Доброе дело, старец Божий, – сказал преосвященный. – Ну, покажи же ты мне теперь свою пустыньку среди пустыни.

– Хорошо, батюшка, – отвечал он и с радушием повел преосвященного в келью.

По описанию лиц, бывших при сем случае, келья не имела в себе ничего особенного: это обыкновенная деревянная изба с небольшими сенцами. Мебель ее состояла вся из простого липового некрашеного стола и двух таких же стульев. В переднем углу стояли св. иконы с возженной перед ними лампадой. Еще лежали две богослужебные книги. По входе в келью о. Серафим поднес преосвященному в подарок четки, пук восковых свеч, обернутых холстиной, бутылку деревянного масла и шерстяные чулки. Преосвященный с отеческим радушием принял подарок. Потом он спросил о. Серафима:

– Где же у тебя в этой пустыньке еще другая пустынька, другое, еще более уединенное место?

Сам же, зная по рассказам, где находится это место, и, не дожидаясь ответа о. Серафима, пошел по направлению к печке. А о. Серафим, останавливая его, говорил простосердечно:

– Не ходи, батюшка, замараешься.

Но преосвященный, отворив дверь, закрывающую пустое пространство между стеной кельи и печкой, увидел там небольшое помещение, столь тесное, что едва один человек может войти туда и оставаться там в стоящем или коленопреклоненном положении, но присесть или облокотиться никак нельзя. И здесь, как в первой келье, в углу между стеной и дверным косяком стоял небольшой образок с горящей лампадой. Очевидно, старец по временам уединялся туда на бдение и молитву. Отсюда преосвященный отправился в Дорофееву пустынь, имея в намерении на возвратном пути опять зайти к о. Серафиму. Старец, оставаясь с ключарем о. Никифором Телятинским, ожидал его здесь, проводя время в беседе. Между разговорами он, указывая на владыку, сказал о. ключарю:

«Много, много будет ему трудов, но Бог ему поможет».

Когда преосвященный опять воротился, то о. Серафим, взяв его за руку, благоговейно обратился к нему с вопросом:

– Вот, батюшка, богомольцы приходят ко мне, убогому Серафиму, и просят меня дать им что-нибудь в благословение; и я даю им сухариков черного или белого хлеба и по ложке красного церковного вина: можно ли мне это делать?

На это преосвященный отвечал:

– Можно, можно, но только в раздельном виде, так, что кому даешь сухариков, тому не давай уже красного вина. А то простолюдины, как слышал я, думают, по простоте своей, и между другими разглашают, будто ты причащаешь их св. Тайн. А и того лучше, – прибавил далее преосвященный, – вина вовсе не давать, давать же только сухарики.

– Хорошо, батюшка, – отозвался на это старец, – я так и буду поступать.

После замечено было, что о. Серафим так, действительно, и поступал до конца своей жизни.

После этого разговора преосвященный простился с о. Серафимом. Со стороны блаженного старца прощание это совершилось не совсем обыкновенным образом. Приняв от владыки последнее благословение, он поклонился в ноги и, несмотря на то, что преосвященный поднимал его и просил встать на ноги, старец Серафим, оставаясь на коленях, продолжал ему кланяться до тех пор, пока преосвященный совсем не скрылся из виду.

В следующую за сим ночь о. Серафим, как бы в доказательство своего послушания, сам принес небольшой сосуд церковного вина к келье, в которой останавливался преосвященный Арсений, и, отдавая приношение келейнику его, сказал:

«Отдай это батюшке от Серафима грешного».

По соображении сих обстоятельств с последствиями оказалось, что все это было предвестием близкой кон-

чины старца Серафима и относилось к его просьбе о поминовении, которую он высказал преосвященному и словесно. Преосвященный Арсений, со своей стороны, в точности исполнил желание о. Серафима: из его подарка – свечи, масло и вино, сохранившиеся в целости, – были употреблены при служении преосвященным заупокойной литургии о вечном покое блаженного старца Серафима. А четки, чулки и холстину преосвященный оставил у себя.

В том же году 13 сентября, за три с половиной месяца до кончины о. Серафима, была у него Екатерина Егоровна Извольская с четырехлетней своей дочерью Анной, у которой так болели глаза, что близкие опасались, не сделалась бы она в дороге совсем слепой. Мать привела ее к батюшке Серафиму. Он подал ей в руки бутылку воды, которой приказал окропить глаза дочери, и сказал, что «молитвами Пресвятой Богородицы Живоносного источника она исцелится». И действительно, наутро она встала со здоровыми глазами. О. Серафим приказал им остаться в Сарове, отстоять 14 числа раннюю обедню, позднюю и отобедать. Но как она последнего приказания не исполнила и выехала тотчас после поздней литургии, то за ослушание блуждала в дороге целый день.

После сих обстоятельств, еще за несколько месяцев до кончины, о. Серафим поручил послать некоторым особам письма, призывая их к себе в обитель, а тем из близких, которые не могли быть у него, поручил после смерти своей сказать, что нужно и полезно было для их души, прибавляя объяснение поручений: «Сами-то они меня не увидят».

Пришел к нему один из братий Саровской обители; старец, сделав ему наставление, сказал: «Дунь на свечку». Брат дунул – свечка погасла. Старец сказал: «Вот так и меня не увидят». Своему келейному о. Павлу старец также говорил, что *скоро будет кончина*, а Павел, по простоте

своей, недоумевал, о своей ли кончине говорил старец или о кончине века. Перед новым же 1833 годом о. Серафим сам отмерил себе могилу сбоку алтаря Успенского собора, на том самом месте, которое, по выходе из затвора, отметил, положив на нем камень.

Незадолго до кончины о. Серафима, видя его истинно подвижническую жизнь, один брат, в назидание самому себе, спросил его: «Почему мы, батюшка, не имеем такой строго жизни, какую вели древние подвижники благочестия?» – «Потому, – отвечал старец, что не имеем к тому решимости. Если бы решимость имели, то и жили бы так, как отцы, древле просиявшие подвигами и благочестием: потому что благодать и помощь Божия к верным и всем сердцем ищущим Господа ныне та же, какая была и прежде: ибо, по слову Божию, *Иисус Христос вчера и сегодня и во веки Тот же* (Евр. 13, 8). Эта глубокая и святая истина, которую о. Серафим уразумел из опыта собственной жизни, была, так сказать, *заключительным* словом его уст и печатью его подвигов.

За неделю до своей кончины, в праздник Рождества Христова в 1832 году, о. Серафим, по обычаю, пришел к литургии, которую совершал о. игумен Нифонт. Он причастился св. Христовых Тайн и после литургии беседовал с о. игуменом. Между прочим, он просил игумена о многих, особенно младших из братий; не забыл упомянуть и на этот случай, в последний уже раз, о том, чтобы его, когда умрет, положили в его гроб. Распростясь с игуменом и братией, старец возвратился в свою келью и одному из монахов, именно Иакову, ныне иеромонаху Толшевского монастыря, вручил финифтяный образ Преп. Сергия – посещение его Матерью Божией, с такими словами: «Сей образ наденьте на меня, когда я умру, и с ним положите меня в могилу: сей образ, – продолжал он, – прислан мне честным о. архимандритом Антонием, наместником св. Лавры, от мо-

щей Преп. Сергия». К о. Антонию старец Серафим, как и прежде мы видели, питал особую любовь.

1-го января 1833 года, в день воскресный, о. Серафим пришел в последний раз в больничную церковь во имя св. Зосимы и Савватия, ко всем иконам поставил сам свечи и приложился, чего прежде не замечали за ним; потом причастился, по обычаю, св. Христовых Тайн. По окончании же литургии он простился со всеми здесь молившимися братьями, всех благословил, поцеловал и, утешая, говорил: «Спасайтесь, не унывайте, бодрствуйте: нынешний день нам венцы готовятся». Простившись же со всеми, он приложился ко Кресту и образу Божией Матери; затем, обошедши кругом св. престол, сделал обычное поклонение и вышел из храма северными дверями, как бы знаменуя этим, что человек одними вратами – путем рождения – входит в мир сей, а другими, т.е. вратами смерти, исходит из него. В сие время все заметили в нем крайнее изнеможение сил телесных, но духом старец был бодр, спокоен и весел.

После литургии у него была сестра Дивеевской общины, Ирина Васильевна. Старец прислал с ней Параскеве Ивановне 200 руб. ассигн. денег, поручая последней купить в ближней деревне хлеба на эти деньги, ибо в то время весь запас вышел и сестры находились в большой нужде.

В тот же день, после литургии, был у о. Серафима Высокогорской арзамасской пустыни иеромонах Феоктист. О. Серафим, окончив беседу с ним, сказал в заключение: «Ты уже отслужи здесь». Но Феоктист, поспешая домой, отказался служить в Сарове. Тогда о. Серафим сказал ему: «Ну, так ты в Дивееве отслужишь». О. Феоктист, разумеется, и этого не понял и, получив от старца благословение, отправился тот же день из Сарова.

Нужно заметить, что рядом с кельей старца Серафима стояла келья монаха о. Павла. Они отделялись одна от другой глухой стеной, возле которой была печь.

Входы в ту и в другую келью были особые. Издавна в Саровской обители принято за правило, чтобы иноки жили каждый особо, по одному. Как учеников о. Серафим не имел у себя, так и келейника у него не было, а по соседству обязанности келейного исправлял иногда брат Павел. Старец отличал его доверием и говаривал: «Брат Павел за простоту своего сердца без труда войдет в Царствие Божие: он никогда никого не судит и не завидует никому, а только знает собственные грехи и свое ничтожество».

Старец Серафим имел обыкновение, при выходе из монастыря в пустынь, оставлять в своей келье горящими зажженные с утра пред образами свечи. Брат Павел, пользуясь его расположением, иногда говаривал старцу, что от зажженных свеч может произойти пожар; но о. Серафим всегда отвечал на это: «Пока я жив, пожара не будет; а когда я умру, кончина моя откроется пожаром». Так и случилось.

В первый день 1833 года брат Павел заметил, что о. Серафим в течение сего дня три раза выходил на то место, которое было им указано для его погребения, и, оставаясь там довольно долгое время, смотрел на землю. Вечером же о. Павел слышал, как старец пел в своей келье пасхальные песни: *Воскресение Христово видевши... Светися, светися, новый Иерусалиме... О, Пасха велия ...* и некоторые другие духовные победные песни.

Второго числа января, часу в шестом утра, брат Павел, выйдя из своей кельи к ранней литургии, почувствовал в сенях близ кельи о. Серафима запах дыма. Сотворив обычную молитву, он постучался в двери о. Серафима, но дверь изнутри была заперта крючком, и ответа на молитву не последовало. Он вышел на крыльцо и, заметив в темноте проходивших в церковь иноков, сказа им: «Отцы и братия! Слышан сильный дымный запах. Не горит ли что около нас? Старец, верно, ушел

в пустынь». Тут один из проходивших, послушник Аникита, бросившись к келье о. Серафима и почувствовав, что она заперта, усиленным порывом сорвал ее с внутреннего крючка. Многие христиане по усердию приносили к о. Серафиму разные холщовые вещи. Эти вещи, вместе с книгами, лежали на этот раз на скамье в беспорядке, близ двери. Они-то и тлели, вероятно, от свечного нагара или от упавшей свечи, подсвечник от коей тут же стоял. Огня не было, а тлели только вещи и некоторые книги. На дворе было темно, чуть брезжилось; в келье о. Серафима света не было, самого старца также не видно было и не слышно. Думали, что он отдыхает от ночных подвигов, и в этих мыслях пришедшие толпились у кельи. В сенях произошло небольшое замешательство. Некоторые из братьев бросились за снегом и горами его погасили тлевшие вещи.

Ранняя литургия, между тем, безостановочно совершалась своим порядком в больничной церкви. Пели: *достойно есть...* В это время неожиданно прибежал в церковь мальчик, один из послушников, и тихонько оповестил некоторых о происшедшем. Братия поспешили в келью о. Серафима. Иноков собралось немало. Брат Павел и послушник Аникита, желая удостовериться, не отдыхает ли старец, в темноте начали ощупывать небольшое пространство его кельи и нашли его самого. Принесли зажженную свечку и увидели, что старец, в обычном своем белом балахончике стоял на обыкновенном месте молитвы пред малым аналоем на коленях, с открытой головой, с медным Распятием на шее. Его руки сложенные крестообразно, лежали на аналое, на книге, по которой он совершал свой молитвенный труд пред образом Божией Матери Умиления, а на руках лежала голова, ниц лицом.

Полагали, что он уснул; стали осторожно будить его – но ответа не было: старец окончил подвижническую жизнь свою... Глаза его были закрыты, лицо

оживлено богомыслием и молитвой. Тело старца было тепло, как будто бы дух его только еще сию минуту оставил храмину свою. Но его уже никто не мог теперь пробудить к жизни... Иноки с благословения настоятеля подняли на руках тело старца Серафима и положили в соседней келье иеромонаха Евстафия. Там омыли ему чело и колени, одели по монашескому чину, положили в известный нам дубовый гроб и тотчас же вынесли в соборный храм. После, когда утихло волнение и беспокойство, когда стали разбирать вещи в келье почившего, заметили, что и книга, над которой он почил непробудным сном, несколько обгорела.

Весть о кончине старца о. Серафима быстро разнеслась повсюду. Вся Саровская окрестность быстро стеклась в пустынь. Все скорбели и горько плакали о смерти старца; в особенности разлука с ним тяжка была для Дивеевских сестер, которые теряли в нем своего духовного вождя и попечителя. Их плач был тем безутешнее, что о. Серафим не нашел такого человека, которому бы, в замене себя, мог поручить их.

Дивеевская сестра Прасковья Ивановна, которой о. Серафим перед кончиной своей дал деньги купить хлеба, возвращаясь в Дивеево, на дороге услышала горестную весть и, не заезжая к себе, погнала лошадь в Саров.

Бывший накануне иеромонах Феокист, выехав в то же время из Сарова, ночевал в деревне Вертьянове, а на другой день утром отправился дальше. На пути, без видимой причины, завертка у его саней оборвалась, лошадь выпряглась, и он поставлен был в необходимость остановиться в Дивеевской общине. Там нашел всех сестер в глубокой скорби и слезах: они оплакивали кончину о. Серафима. Дивеевский священник был в отсутствии по должности благочинного. Сестры убедительно просили о. Феокиста отслужить панихиду об упо-

коении в блаженных обителях души старца Серафима. Желание их было исполнено и сбылись слова старца: «Ну, так ты в Дивееве отслужишь».

Тело о. Серафима положено во гроб, по завещанию его, с финифтяным изображением преп. Сергия, полученным из Троицко-Сергиевской лавры. Могила блаженному старцу уготовлялась на том самом месте, которое давно было намечено им самим, и его тело в продолжение восьми суток стояло открытым в Успенском соборе. Саровская пустынь до дня погребения наполнена была тысячами народа, собравшегося из окрестных стран и губерний. Каждый наперерыв теснился облобызать великого старца. Все единодушно оплакивали потерю его и молились об упокоении души его, как он при жизни своей молился о здравии и спасении всех. В день погребения за литургией народа так много было в соборе, что местные свечи около гроба тухли от жара.

Погребение о. Серафима совершено было о. игуменом Нифонтом. Тело его предано земле по правую сторону соборного алтаря, подле могилы Марка-завторника. Впоследствии усердием нижегородского купца Я. Сырева над могилой его воздвигнут чугунный памятник в виде гробницы, на котором написано: «Жил во славу Божию 73 года, 5 месяцев и 12-ть дней».

Не было сказано при гробе о. Серафима речей: воспоминание о его жизни и делах, изустные рассказы о них при гробе замечательного подвижника были самым лучшим назиданием, заменявшим всякое другое слово. Но какой-то, неизвестной нам, стихотворец, в грустном одушевлении смертью старца, тогда же в форме элегической песни воспел его жизнь, подвиги и кончину. Мы приведем текст стихов его, замечательных по форме, но здесь уместных по случаю своего происхождения.

САРОВСКОМУ ПУСТЫННИКУ О. СЕРАФИМУ

Он был и именем и духом *Серафим*,
В пустынной тишине весь Богу посвященный:
Ему всегда служил, и Бог всегда был с ним,
Внимая всем его молениям вдохновенным.
И что за чудный дар в его душе витал!
Каких небесных тайн он не был созерцатель?
Как много дивного избанным он вещал,
Завета вечного земным истолкователь!
Куда бы светлый взор он только ни вперял –
Везде туманное пред ним разоблачалось,
Преступник скрытый вдруг себя пред ним являл –
Судьба грядущего всецело рисовалась.
В часы мольбы к нему с лазурной высоты
Небесные друзья невидимо слетали
И, чуждые земной житейской суеты,
Его беседою о небе услаждали.
Он сам, казалось, жил, чтоб только погостить:
В делах его являлось что-то неземное.
Напрасно клевета хотела омрачить...
В нем жизнь была чиста, как небо голубое.
Земного мира гость, святой и незабвенный,
Одной любовью ко всем равно горел:
Богач, бедняк, счастливец и уничиженный –
Равно один привет у старца всяк имел.
Несчастные ж к нему стекались толпой:
Он был для сердца их отрадный утешитель.
Советом мудрым он – безмездною цельбой,
Всех к Богу приводил, святой руководитель.
От подвигов устав, преклоншись на колени,
С молитвой на устах, быв смертным, умер он.
Но что же смерть его? – вид смертной только сени,
Или, как говорят, спокойный, тихий сон...
Теперь ликует он в семье святых родной,
Сияньем Божеским достойно озаренный;

А мы могилу тихую кропим слезой
И имя будем чтить во век благословенным.

Незадолго до смерти своей о. Серафим исцелил одного помещика, страдавшего ногами и ходившего на костылях. После же исцеления он поручил ему поехать в Киев и поблагодарить там за свое исцеление Божию Матерь. Помещик, с радости, предался утехам жизни, не исполнив слов старца. Тогда болезнь опять возвратилась к нему. Снова больной обратился к старцу, покрытый стыдом. О. Серафим велел ему ехать в Воронеж к Святителю и чудотворцу Митрофану. Там помещик немалое время жил у тогдашнего епископа Антония, молился о своем здоровье, но не получал чудесного исцеления. Наконец Святитель Митрофан явился во сне епископу Антонию, показал ему образ Св. Троицы и предстоящего пред нею старца Серафима и сказал: «Скорее отпусти больного в Саров: его может исцелить один сей Серафим». Тотчас после сего видения епископ Антоний отправил больного в Саров и с ним послал пять больших свеч о. Серафиму, приказывая, в случае смерти старца, поставить эти свечи за упокой его души. Больной очень спешил в Саров. От Тамбова, оставив своих лошадей, он ехал на почтовых; но поспел в Саров только на другой день после погребения о. Серафима. Поставив свечи за упокой его души, он очень плакал о смерти старца, от которого чаял исцеления, и скорбь свою рассказывал в монастыре всей братии.

Через непродолжительное время после смерти о. Серафима один офицер, г-н Карат-в, отправлявшийся в Курскую губернию в свой полк, заехал в Саров, чтобы по всегдашнему обыкновению своему принять благословение о. Серафима. Молодой человек очень скорбел, что не застал в живых блаженного старца. «Известие о кончине его, — говорил он, — возмутило всю мою душу; я принял его как наказание за мои грехи; но, от-

служив панихиду на его могиле, я почувствовал вдруг такое спокойствие души, что, казалось, будто через самого старца получил прощение во грехах и услышал обещание его молиться за меня у престола Божия». Игумен Нифонт поручил г-ну К-ву в Курске заехать к родным о. Серафима, передать им от него просфору и благословение и рассказать о кончине блаженного их сродника. По приезде в Курск г-н К-в тотчас же отправился к родным о. Серафима и нашел Алексея, брата его, уже умершим: он только что скончался. За несколько дней до сего времени этот брат был совершенно здоров, только подвергался сильной тоске, не ведая еще о кончине брата и не сознавая причин своей грусти. Скорбное состояние духа расположило его искать себе утешения в молитве: ежедневно ходил он в церковь, наконец поговел, исповедался и причастился Св. Тайн. В это время из Сарова получено было письмо о кончине о. Серафима и его портрет. Тогда брат стал окончательно готовиться к смерти; над ним совершено было таинство св. елеосвящения, после которого он и скончался. Мы заносим это обстоятельство в жизнеописание о. Серафима потому, что, говорят, он, быв раз в Курске, предсказал брату о его кончине в таких дошедших до нас выражениях: «Знай, что, когда я умру, и твоя кончина вскоре за тем последует».

Скоро после погребения родилась сама собою мысль о сохранении памяти о достоблаженном старце Серафиме. Стали собирать и хранить его портреты, которые прежде были написаны. Известно, что о. Серафим неохотно соглашался на то, чтобы писали с него портреты. Так, мать Дивеевской сестры Анастасии, имея большую приверженность к о. Серафиму, просила раз у него благословения списать с него портрет. О. Серафим отвечал на это: «Кто я, убогий, чтобы писать с меня вид мой? Изображают лики Божии и святых, а мы – люди, и люди-то грешные». То же самое повторял

он в ответ при подобном случае Саровскому инок, прибавив в пояснение: «Мы всегда и во всех случаях должны стараться отсекаать вины тщеславия в самом начале». Но мать сестры Анастасии стала умолять его с настойчивостью не отказать ей. Тогда только, из уважения к ее усердию, он уступил ее желанию и сказал: «Это в вашей воле, пусть будет по вашему усердию». Благодаря таким убеждениям были собраны и донныне находятся в Саровской обители в квартире настоятеля два верные изображения старца Серафима. Одно написано в то время, когда старцу было около пятидесяти лет. О. Серафим представлен с открытой главой; лицо у него чистое, белое, глаза голубые, нос прямой, с небольшим возвышением, волосы светло-русые, густые, с проседью, усы и борода густые, с проседью, руки одна с другой соединены на груди. Старец стоит одетым в мантию. Этот портрет написан академии художником Дмитрием Евстафьевым для г-жи Анненковой и ею передан в Саровскую пустынь. Другой портрет, находящийся также в келье Саровского строителя, писан с натуры лет за пять до кончины старца. О. Серафим изображен в мантии, епитрахили и поручах, как он приступал к причастию Св. Тайн. По этому портрету видно, что лета и иноческие подвиги имели влияние на внешний вид старца. Здесь лицо представлено бледным, удрученным от трудов; волосы и на голове, и на бороде густые, но не длинные и все седые. Правая рука положена на епитрахили у груди. Этот портрет написан художником Серебряковым, который после был иноком Саровской обители и в ней опочил вечным сном. Точное изображение с первого портрета помещено в начале сей книги. Художники Саровской пустыни, кроме портретов, написали на полотне картину его смерти, снимок с которой при настоящем жизнеописании прилагается с немногими взятыми с действительности дополнениями в подробностях.

В Саровский монастырь являлись после смерти о. Серафима многие лица, свидетельствовавшие, кому какое благодеяние оказал славный подвижник, кто и какое получил от него исцеление. Записи о таких событиях доставляемы были собственноручные или, по крайней мере, засвидетельствованные их подписью.

Те лица, у которых были вещи о. Серафима, тщательно стали хранить их у себя, а другие старались что-нибудь приобрести из его вещей на память себе. По заведенному с давних пор в Саровской обители порядку все вещи после смерти брата поступают в так называемую *рухальню* (кладовая рухляди) и делаются общим достоянием обители. Всякий брат, в чем нуждается, то берет из рухальни и, износив одну вещь, переменяет ее на другую. Вещи о. Серафима, поступившие в то же хранилище, не остались там, но, по усиленным просьбам читателей старца, розданы были им старшими из братии: о. Нифонтом и о. Исаией. Так, и у инока Саровской пустыни Гавриила был портрет о. Серафима. Счастливый владетель так дорожил им, что не хотел никому показывать и если показывал самым близким особам, то никак не выпускал его из своих рук. Крест медный, который о. Серафим всегда носил на себе поверх одежды, по благословению преосвященного Иеремии, бывшего епископа Нижегородского, хранится в Дивееве, в церкви Преображения Господня на престоле.

Большой железный крест, который носил старец под одеждой на шее, находится в Саровской пустыни. Господа Тепловы, прослышав о смерти старца Серафима, прислали из Таганрога нарочного в Саров получить что-нибудь из его келии, и им посланы были два кувшина, в которых подвижник носил для себя воду; оба кувшина были наполнены водой из Серафимова источника. У одной из сестер Дивеевской общины, а именно Параскевы Ивановны, остался топорик, которым работал о. Серафим в пустыни. Сестра берегла его

еще при жизни старца как необыкновенную драгоценность, потом согласилась передать его своей начальнице для хранения в пустынной келье о. Серафима. Г-жа Мария Колычева, бывшая в близком духовном общении с другим затворником того времени, Георгием, с восторгом писала ему, что она после смерти о. Серафима получила из его кельи белый полотняный платок, лампаду и стаканчик; обе последние вещи в звездочках. Две ряски из оставшихся после смерти о. Серафима переданы были сестрам Дивеевской общины, из коих одну сестра носила на себе, а другую выпросила для себя г-жа Колычева. Волосы о. Серафима, два раза выпадавшие в виде войлока с головы его после двух болезненных его страданий, хранились у Дивеевской церковницы Ксении Васильевны и у Саровского старца о. Феодосия. Камни, на которые старец, для умерщвления искушений врага, восходил молиться в течение тысячи суток, перенесены в Дивеевскую общину. Тот из них, на котором он стаивал днем в своей келье, находится в прежнем своем виде в алтаре Преображенской церкви в Дивееве. От другого из этих камней, на котором о. Серафим молился ночью пред открытым небом, остался один обломок, потому что благочестивые посетители Сарова, осматривая места, на которых о. Серафим подвизался, постоянно отбивали от него части и увозили с собой. И этот остаток, имеющий около аршина в диаметре, вскоре после кончины старца также перевезен в Дивеево и положен в той же Преображенской церкви. Келья, в которой о. Серафим подвизался в дальней пустыни, также перенесена в Дивеевскую обитель. В ней совершается теперь неусыпное чтение Псалтири за упокой в Бозе почивших лиц Царского рода, пастырей церкви, о. Серафима, усопших сестер обители и других благодетельствовавших ей при своей жизни особо. А другая подвижническая келья о. Серафима, в Дивееве же, обращена в алтарь в храме Преображения Господ-

ня. Образ Царицы Небесной Умиления, написанный на полотне, натянутом на кипарисную доску, стоявший в монастырской келье о. Серафима, находится теперь в трапезе Дивеевской обители. Усердием Наталии Ивановны Богдановой на нем положена серебряная вызолоченная риза. Пред ним в определенный день недели поется акафист Спасителю и Божией Матери. Благодетельные посетители питают особое усердие к иконе сей и, по своей вере, получают от нее духовное утешение. Особенно известной сделалась одна вещь из оставшихся после о. Серафима. Незадолго перед кончиной своей он благословил начальницу Дивеевской обители Ксению Михайловну Кочеулову полумантией, которую сам носил. Когда сестра обители Елизавета Андреевна Татаринова отправлялась в Петербург за сбором подаяний, ей дана была в напутствие и мантия о. Серафима. Ныне она находится в руках гатчинской придворной церкви протоиерея о. Назария. Эта мантия в последнее время огласилась в Петербурге даром исцеления над дитятей, которому искусство первых в столице врачей отказывало в помощи. Из Евангелий, которые читал в келье о. Серафим, одно находится в Сарове, а другое – в Дивеевской обители. Последнее Евангелие, в кожаном переплете, есть то самое, которое о. Серафим носил всегда с собой в сумочке за плечами. Рассматривая его, мы увидели, что в этом переплете собраны были вместе: Псалтирь, Евангелие, книги Деяний и послания святых Апостолов. В Дивееве же хранится малая часть книг Четьи-минеи первой трети, тлевшая при пожаре, бывшем при кончине старца Серафима. У означенного выше старца о. Феодосия до сего времени хранятся сухарики, приготовленные старцем Серафимом для посетителей. Из этого перечня вещей, оставшихся после старца Серафима, видно, что большая часть из них уступлена Дивеевской общине, в которой он принимал так много участия.

Но честные останки о. Серафима навсегда будут составлять священную драгоценность Саровской пустыни. В нее старец вступил для спасения души своей; в ней окончил он и праведную жизнь свою. При жизни он никогда не думал выходить из нее, как говаривал, *даже мыслью своей*. И по смерти тело его должно навсегда остаться в Саровской пустыне, знамением его неразрывной духовной связи с сей обителью.

Затем после смерти о. Серафима, за исключением немногих нераспечатанных писем, ничего не осталось. Старец жил и умер, как выражено на его памятнике, «во славу Божию».

Имя его до сих пор ублажается по всей России. Не в одной Саровской пустыни или Дивеевской обители служат теперь панихиды о блаженном успении его, но и во многих других местах отечественной Церкви. Нам приходилось слышать поминовение его в Петербурге, Москве, Киеве, даже в уездных городах и селах отдаленных мест нашего отечества.

XI.

ЯВЛЕНИЯ БЛАГОДАТНОЙ ПОМОЩИ о. СЕРАФИМА ПОСЛЕ КОНЧИНЫ ЕГО

Исцеления от беснования В. К.; от горячки Н. К.; от беснования Ф.; от болезни глаз Ф. В.; избавление от разбойников К-ва. – Исцеления от болезни ног, от холеры, от беснования, от слепоты. – Наказанное неисполнение заповеди старца; рассказ Святогорца; исцеление от горячки; исцеление больного дитяти; облегчение головной боли; исцеление от

ушиба, от беснования; возвращение зрения; наказанное невнимание к портрету старца; помощь родильнице. — Общий взгляд на благодатные явления помощи от о. Серафима и пути Промысла в его жизни.

Праведник во веки живет, и праведный старец Серафим и после своего преставления продолжает сильным своим ходатайством пред престолом Божиим являть заступление свое тем, которые с верой и усердием призывают его на помощь. Многие, одержимые тяжкими болезнями, находившиеся в трудных обстоятельствах жизни, удрученные скорбями и искушениями, гласно свидетельствуют о себе, что они получали скорую помощь, когда испрашивали ходатайства старца Серафима пред Господом. Таких случаев очень много, но мы приведем здесь только некоторые из них.

Не прошло полугода после кончины старца Серафима, как одна сестра Дивеевской обители В. К. подверглась, неизвестно отчего, припадкам беснования. В этом состоянии, теряя рассудок, она билась о землю, в исступлении рвала на себе волосы, с неимоверной силой порывалась бежать прочь от людей без определенной цели. В одну ночь видит она себя в Дивеевской церкви во имя Рождества Христова; тут была сестра Д. Ф. и старец Серафим. Старец, взяв ее руку, вложил в свою, а под другую руку приказал взять сестре Д. Ф. и, введя больную в алтарь, обошел с ней кругом престола: она вдруг почувствовала себя легко и хорошо. Проснувшись, она сотворила крестное знамение, осмотрелась кругом, ощупывала свою остриженную голову, все ясно понимая, и встала сама совершенно здоровой. С тех пор уже не подвергалась прежним припадкам и доселе пользуется здоровьем.

В июне 1833 года г-жа Колычева писала к Георгию, затворнику Задонскому из Сарова: послушник Саров-

ский Феодор, уроженец города Козлова Тамбовской губернии, жив в мире, был подвержен беснованию и тяжело страдал. Испытав тщетно разные средства лечения, он явился к игумену Саровской пустыни о. Нифонту и со слезами просил принять его в обитель на жизнь покаянную, сознавая, что Господь за грехи попустил ему нести страшное искушение от диавола. Вняв убедительной просьбе, игумен принял его в обитель. С полным усердием новоначальный инок исполнял возложенные на него послушания, а немногие свободные часы отдыха употреблял на молитву, оставляя для сна самое краткое время. В один день, после слезной к Богу молитвы, едва предался он дремоте, в тонком сне узрел пред собой старца Серафима в той одежде, какую обыкновенно старец носил в последние годы. Явившийся советовал ему отслужить молебен Божией Матери и панихиду об убогом Серафиме и по исполнении сего обещал ему выздоровление. С несомненной верой в действенность молитвы почившего в Бозе о. Серафима молодой инок немедленно выполнил повеленное старцем. По окончании молебного пения Богородице совершена панихида. Когда диакон начал возглашать: *во блаженном успении вечный покой подай, Господи, усопшему рабу Твоему иеромонаху Серафиму*, Феодор пал на землю, и начался с ним припадок, во время которого, в ужасных конвульсиях, изо рта его показался дым, замеченный всеми тут находившимися. После сего он оставался около получаса в бесчувственном положении и с тех пор, за молитвы старца Серафима, навсегда освободился от беснования.

Два года спустя после кончины о. Серафима сестра Дивеевской обители Н. К. была больна горячкой и уже находилась при дверях гроба, так что, отчаявшись во всех способах врачевания, ее соборовали св. елеем. Во время болезни она совершенно потеряла владение рукой, и ее перекладывали на постели, подложив платок. Однажды видит она во сне о. Серафима.

Он говорит ей: «Что ты, матушка, не придешь ко мне на источник?»

Она отвечала: «Я больна: у меня рука отнялась».

«Которая?» – спрашивает старец.

«Правая».

Старец, взяв ее за больную руку, поднял, повторяя: «Приди ко мне на источник».

Проснувшись, она нашла свою руку исцеленной и могла действовать ею, как здоровой. Но, будучи слаба от бывшей горячки, не могла идти пешком в Саров: в тот же день ее повезли туда, облили водой из источника о. Серафима – и она получила полное выздоровление и обновление сил. (Рассказ самой сестры 1862 г., июля 20 дня).

Сестра Дивеевской обители Ф. В. сделалась больна глазами. Накануне нового, 1835 г. видит она сон, что находится в церкви Тихвинской Божией Матери. Отец Серафим выходит из царских врат в белой ризе, подает ей воздух и велит отереть им глаза, а сам стал позади нее. Она спросила его: «Ты ли это, батюшка?» Серафим отвечал: «Какая ты, радость моя, неверующая! Сама же просила меня, а не веришь, ведь я у вас обедню совершаю». После сего о. Серафим сделался невидим. С этого времени болезнь глаз прошла у сестры. (Рассказ самой исцелевшей.)

Ив. Яковл. Карат-в рассказывал о себе, что в 1833 г., возвращаясь в полк свой из домового отпуска, он, по молитвам старца Серафима, которого призвал в минуту опасности, был спасен от разбойников, напавших на него в дороге.

Ротмистр Африкан Васильевич Теплов, питавший особое уважение к о. Серафиму и им любимый, в 1834 г. приехал в Саров с семейством, в котором трехлетняя дочь болела ногами и почти не могла стоять. Отслужив панихиду на могиле почившего старца, понесли дитя к Серафимову источнику, твердо веруя, что Господь за молитвы старца помилует больную. Напоив дитя водой

из сего источника и омыв ноги, взяли этой воды в монастырь с намерением отслужить над ней молебен с водоосвящением. При входе в монастырь дитя вдруг попросилось долой с рук няньки, выражая стремление идти самой. Нянька, после долгого сопротивления, наконец решилась пустить и, взяв за руки, повела ребенка, но девочка выдернула свою руку и побежала вперед сама, как здоровая. Обрадованные чудом сродники исцелившейся поспешили на могилу о. Серафима и со слезами благодарили его за милостивое ходатайство о них.

В 1846 г. второй сын ротмистра А.В. Теплова вывихнул себе ногу и страдал от боли около 2-х лет. Между тем пришло время определения его на службу. Твердо уповая на предстательство и помощь о. Серафима, много являвшего благодеяний семейству его, А. В. Т. отправился в Саровскую пустынь. Отслужив панихиду по старце Серафиме, несмотря на холод (это было 21 декабря 1848 г.), он отправился на источник о. Серафима с двумя сыновьями, и больной вымыл водой на источнике свою ногу. Через несколько часов оба брата пошли опять на источник. Болящий из них облился водой с головы до ног и потом на коленях пред иконами, утвержденными на особом столбе в часовне у источника долго молился вместе с братом, прося Бога помиловать его за молитвы о. Серафима. Возвратясь домой, больной объявил, что не чувствует уже боли в ноге, и ныне, находясь в совершенном здоровье, служит в кавалерийском полку.

Манатейный монах Саровской пустыни о. Киприан писал в 1840 году: «По смерти о. Серафима досталась мне его шапочка из черной крашенины, которую он обыкновенно нашивал на голове своей. Издавна я подвержен был сильной и продолжительной головной болезни, от которой лежал по несколько дней в постели. С приобретением шапочки я стал надевать ее на себя при явлении болезни и мысленно просил молитв о. Се-

рафима об избавлении меня от страданий. С возложением на себя шапочки всякий раз боль проходила. Такое же действие в зубной болезни приводилось мне испытывать неоднократно от отломка того камня, на котором блаженный о. Серафим подвизался в пустыни, когда я сей обломок клал на больные зубы».

Нижегородской губернии, Ардатовского уезда села Большого-Череватова удельный крестьянин Г. Д. С. в 1848 г. на дороге в село Окиль почувствовал припадки холеры. По вере к старцу Серафиму поехал поспешно на источник о. Серафима: умылся, окатился и напился воды из источника – и от этого почувствовал такое облегчение, как будто никогда болен не был.

Однажды привели к источнику о. Серафима бесноватую женщину: несчастная драла себя за волосы, рвала свою одежду и ужасно кричала. На нее начали лить воду из источника, и она закричала: «Пустите, пустите, замучил меня монах!» Несмотря на то, на нее продолжали лить воду до тех пор, пока она пришла в спокойное состояние и забылась. Придя в себя через несколько времени, она стала совершенно здорова, оградила себя крестным знаменем, сама напилась воды из источника – и с того времени доныне прежние припадки не возвращались к ней.

Помещик Нижегородской губернии Д. А. А., благотворитель Дивеевской общины, об упокоении души которого ежедневно читается Псалтирь по правилам той обители, под старость лишился зрения, так что ничего не мог видеть. С этой потерей он лишился и другого наслаждения, которое чувствовал всегда при чтении книг Св. Писания и Отцов Церкви. Занятие это было единственным утешением его старости. Отягченный скорбью, он послал нарочного к двоюродной сестре своей, Е. А. Б., с уведомлением о своей печали и с просьбой навестить его. Сестра, услышав от посланного о несчастье брата, тотчас же послала ему воды из источника

о. Серафима, которую она всегда имела у себя в доме. Этот подарок очень утешил старца, и он немедленно приступил к исполнению переданного от сестры наставления, как поступать с этой водой. «Я приказал, – говорил он, – подать себе чистое полотенце, намочил его водой от источника Серафимова и потом приложил его к больным своим глазам с молитвой: *Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, молитвами угодника Твоего Серафима исцели меня.* Я повторил это три раза. И вот, когда через несколько минут я отнял в первый раз полотенце от глаз своих, я увидел все, что меня окружало, как бы в каком-то тумане или как бы сквозь самое частое сито. Во второй раз я начал уже различать предметы, и наконец, после третьего раза, я в состоянии был даже читать; болезнь моя совсем миновала. Изумленный этим внезапным и столь чудесным исцелением за молитвы угодника Божия Серафима, я поспешил прежде всего в Саровскую пустынь, чтобы отслужить здесь благодарственный молебен Господу Богу и Пречистой Его Матери и панихиду по о. Серафиму, а потом положил себе за правило ежегодно уделять часть своих доходов Дивеевской женской общине, зная, какое отеческое попечение имел о ней благодетельный старец Серафим.

Года за полтора до кончины о. Серафима Н. М. К., быв со своей женой в Сарове, в беседе со старцем получил от него одно приказание, вроде заповеди, для жизни супружеской. О. Серафим с ангельской улыбкой сказал: «Если вы этого не исполните, то ты и она скоро умрете». Пока жив был о. Серафим, с помощью Божией, они соблюдали заповедь старческую, но потом, мало-помалу стали позабывать ее и несколько раз преступили. После этого внезапно Н. М. К. сделался болен расслаблением всех членов и чем-то вроде сильной горячки, так что через две недели после того как слег в постель, он лишился голоса, губы его помертвели, и он был совершенно безнадежен. В тот самый день, когда

уже смерть готова была взять свою жертву, утром приходит к нему пользовавший его лекарь Д. А. В. и рассказывает окружавшим больного свой сон; ему представилось, что он шел к К., и вдруг попался ему навстречу седой старичок, в лаптях и в рубище, который остановил его и сказал: «Ты идешь лечить его? Ты его не вылечишь, и он должен умереть; но ты скажи ему, чтобы он дал пред Богом какой-нибудь обет, — и тогда он останется в живых». Больной слышал этот рассказ лекаря и по уходе его стал размышлять о слышанном. Тотчас понял он, что этот старичок был не кто иной, как отец Серафим, хотя уже скончавшийся, и что настоящая болезнь была следствием нарушения его заповеди. Тогда К. начал горько раскаиваться в своем поступке и дал обет Богу, что если останется в живых, то возьмет под свой покров одну из своих родственниц, сироту девицу Надежду. Только что он сделал в душе своей этот обет, как почувствовал мгновенно облегчение болезни: через несколько минут сел сам собой на постели и потом начал звать жену обыкновенным голосом здорового человека и вместе с ней изливал пред Господом радостные слезы о дивном, благодатном исцелении, дарованном ему отцом Серафимом. На другой же день больной стал ходить по комнатам и вскоре совершенно выздоровел.

Известный и всеми уважаемый под именем *Святогорца* русский подвижник Афона иеромонах *Серафим*, в схиме Сергей, в своих келсейных записках передает следующее обстоятельство. «В 1849 г., при моем отъезде из Вятки, я сильно заболел. Болезнь моя была убийственной: я не думал, что останусь жив, потому что враг сильно восставал на меня. Никакие средства обыкновенные не могли меня восставить и возвратить мне силу и здоровье. Я отчаялся. Только в первый вечер 1850 г. вдруг как будто кто-то тихо говорит мне: «Завтра день кончины о. Серафима, Саровского старца, отслужи по нем

заупокойную литургию и панихиду, – и он тебя исцелит». Это меня сильно утешило. А надобно сказать, что хотя я лично и не знал о. Серафима, но в 1838 г., бывши в Сарове, посещал его пустыньку и с той поры возымел к нему веру и любовь. Эта сердечная привязанность и вера еще более утвердились во мне, когда в 1839 году мне снилось, что я служу молебен о. Серафиму, от всей души и громко воспевая: «Преподобие отче Серафиме моли Бога о нас!» Только по шестой песне мне нужно было читать Евангелие, и меня затрудняла мысль, какое же читать Евангелие – преподобного, такое ли или другое какое? Вдруг кто-то говорит мне: читай от Матфея 36-е зачало. При этих словах таинственного голоса я пробудился. С той поры и поныне я искренне верую, что о. Серафим великий угодник Божий. Но обращусь к начатому. По тайному внушению, убеждавшему меня к поминовению о. Серафима, я попросил, сам будучи не в силах отслужить по нем литургию и панихиду, и лишь только это сделал, – болезнь моя миновала: я почувствовал чрезвычайное спокойствие, избавился от насилия неприяженного. И с той поры поныне благодатью Божией здоров. (Соч. и письм. Святогорца. С.-П.-Б. 1858, стр. 209).

Е. П. М. рассказывала такой случай со своей теткой. В 1854 г. она приехала в Дивеевскую обитель помолиться и после всенощной, вспотев, выпила два стакана воды, отчего открылась в ней сильная горячка. Три недели больная ни пила, ни ела и не спала; на четвертой неделе болезни сделался обморок. На выздоровление не было надежды; больная была напутствована таинствами к смерти. Но бывшая спутницей больной смоленская инокиня, ездившая для сбора подаяний на свою обитель, повергшись перед иконой Богоматери, молила о. Серафима испросить у Царицы Небесной продолжение жизни болящей.

Однажды утром она подходит к болящей и говорит: «Какой я видела сон о вас».

Больная с трепетом сказала: «Верно, о моей смерти?»

«Нет, вы будете живы и здоровы, о. Серафим мне сказал».

Больная, не поднимавшая доселе головы с подушки, встала и села, говоря: «Ну, рассказывай скорее!»

Та рассказала, что о. Серафим, успокаивая ее, сказал ей: «Будь спокойна, раба Божия Евдокия будет жива. Я молил Господа и Пречистую Его Матерь».

Потом видела во сне, что будто он взял больную, повел по канавке, обвел кругом собора и привел к образу Умиления Божией Матери, вложенному в стене собора.

Выслушав сей рассказ, больная почувствовала себя совершенно здоровой. На другой день, желая подышать свежим воздухом, велела кучеру везти себя куда-нибудь, не назначая пути. Он повез ее по канавке, потом обвез вокруг собора и к образу Божией Матери Умиления. Так исполнились слова старца Серафима, сказанные в сновидении смоленской инокине. (Это исцеление записано было рукой самой болящей под иконой, стоявшей на источнике.)

В 1856 г. единственный сын вице-губернатора Костромской губернии, дейст. стат. сов. А.А. Борзко, будучи восьми лет, начал страдать спазмами в желудке. Болезнь эта, сначала довольно легкая, скоро превратилась в сильную с припадками. Спустя несколько времени спазмы прекратились, заменяясь тоской, так что дитя, совершенно веселое и здоровое, вдруг делалось скучным. Тоска усиливалась постоянно, и припадок оканчивался слезами, а нередко и появлением пены изо рта. Наконец, явились спазмы в дыхательном горле. Припадки болезни обнаруживались в день раз по пяти, а ночью дитя спало спокойно, только в последний период болезни припадки стали появляться и ночью. Медицинские пособия мало приносили пользы, и родители опасались уже лишиться своего сына, и только упование на милость Божию сохраняло в них еще некоторую

надежду. В это время хорошо знакомая сему семейству рясофорная монахиня костромского женского монастыря С.Д. Дав-ва, нынешняя игуменья той обители, отправляясь посетить некоторые монастыри русские, подарила матери больного дитяти описание жизни и подвигов отца Серафима Саровского. Родители часто читали вместе эту книгу, дивясь подвигам старца и действиям благодати Божией, в нем открывшимся. Была половина сентября, а болезнь дитяти, начавшаяся в июле, все продолжалась. В одну ночь ребенок видит во сне Спасителя в красной одежде, окруженного ангелами, Который говорит ему: «Ты будешь здоров, если исполнишь то, что тебе приказано будет старцем, который к тебе придет». Когда это видение кончилось, явился старец и, назвав себя *Серафимом*, сказал дитяти: «Если желаешь быть здоровым, возьми воды из источника, находящегося в Саровском лесу и называемого Серафимовым источником, и три дня утром и вечером водой этой омой себе голову, грудь, руки и ноги и пей ее». Этот сон ребенок рассказал няне, которая передала его родителям, перед которыми и сам он повторил свой рассказ. Возблагодарив Бога за милость Его, родители недоумевали, как достать воды, и предались воле Божией, надеясь, что Господь укажет им способы к сему. Наутро больной ребенок рассказал другой сон. К нему явилась Божия Матерь, окруженная ангелами, и с любовью приказывала исполнить непременно то, что советовал о. Серафим. Это второе видение еще более удостоверило родителей в заступничестве отца Серафима и милосердии Божию к больному. Тогда как они рассуждали о том, как достать воды, приносят записку от С.Д. Дав-вой, которая извещала мать больного о своем возвращении из путешествия. Первой мыслью родителей было просить Д-ву научить их, как достать из Сарова воду из источника Серафима. В ответ на эту просьбу она прислала бутылку воды, почерпнутой в источнике

о. Серафима. Видя в сем особую милость Божию, возблагодарив Бога, начали употреблять воду по наставлению, данному во сне. Дитя, постепенно оправляясь, совершенно выздоровело. Тогда же родители, если не за себя, то за сына, дали обет непременно быть в Сарове и помолиться на гробе отца Серафима. Обстоятельства службы и семейные только в 1860 г. июля 14-го дали возможность г-ну Б-ко вместе с сыном исполнить свое обещание – быть в Сарове. И тогда он собственноручной запиской объявил настоятелю Саровской обители об исцелении своего сына, по предстательству блаженного старца Серафима.

Тамбовской губернии Шацкого уезда помещик полковник В.А. Пан-в страдал постоянно головной болью. В 1857 г. приехал он к 15 августа в Саров, в самый праздник Успения Пресвятой Богородицы. Отстояв в больничной церкви раннюю обедню, он пожелал до поздней сходить на источник отца Серафима. Но мысль, что жена будет дожидаться в гостинице с чаем, смущала его, и он уже направил шаги свои к гостинице, но вдруг, сам не зная как, очутился по дороге к источнику. Пришедши туда, он все боялся облить водой больную свою голову, чувствуя в ней шум и ломоту, а утро было холодное, сырое, и шел маленький дождь. Здесь невидимая рука Божия устроила его исцеление чудесным образом. Нечаянно ноги его поскользнулись на мокрой глине, и он упал у источника прямо головой под желоб: невольно облит он был весь целительной водой. Не боясь более простуды, больной, поднявшись на ноги, сам несколько раз еще обливал голову и не чувствовал ни малейшей боли.

Когда полковник П-в возвращался в монастырь, с ним встретился крестьянин, который поведал, в свою очередь, следующее о своем исцелении: «Вот меня сегодня исцелил батюшка Серафим! У меня болела рука, распухла, рделась и не поднималась, я и пришел в Са-

ров с этой болезнью. Сегодня помочил ее два раза водой из источника, и рука совершенно стала здорова». Пришедши в гостиницу, полковник рассказывал всем об этих двух исцелениях.

1858 года сестра общины Дивеевской Евдокия, в среду на пятой неделе Великого поста, вместе с другими сестрами набивала льдом огромный общий ледник, глубиной в три сажени. Нечаянно поскользнувшись с доски, положенной над срубом, она упала на самое дно ледника, где было несколько льду, набросанного острыми глыбами. Несчастная от сильного удара не испустила ни малейшего стога. Прочие сестры в это время были вне ледника, хлопотали около саней своих. Когда старшая заметила, что нет одной из них, спросила: «Где Евдокия?» Никто не знал, что сказать. Взошедши в ледник, они на дне его, в темноте, увидели ее в своей одежде. Ужас поразил всех; полагали, что она уже мертвая. Двое мужчин, с помощью сестер, с величайшим трудом вынули ее из ямы. Видя, что она жива еще, возблагодарили Господа, отнесли ее в самую ближайшую келью, побежали за духовником и, по благословению настоятельницы, послали в село Вертяново за лекарем. Спустя несколько часов страдальца пришла в чувство, исповедалась и приобщилась св. Тайн; жаловалась на смертельную боль в боку и в голове, на которой показалось много шишек. Приехавший лекарь сделал необходимое кровопускание, но сказал, что ушиб очень опасный. Весь бок разнесло опухолью; нельзя было узнать: нет ли перелома в ребрах, а прикосновение к ним повергало больную в продолжительный обморок.

Через четыре дня перевезли ее в больницу, но и там страдавшая вскрикивала и стонала, когда четверо едва могли взять ее, чтобы приподнять на подушки; лежала она все на одном правом боку. Спустя две недели после ушиба, в течение которых она почти не спала от боли, в полночь на великий четверток забылась она тонким

сном и видит, что батюшка Серафим, вошедши в келью, где лежала больная, сказал: «Я пришел навестить своих нищих; давно здесь не был» – и, говоря это, подошел к кровати больной. Она с горькими слезами говорит ему: «Батюшка, как у меня бок-то болит!» Старец, сложив три перста правой руки, крестил ее расшибленное место, говоря: «Прикладываю тебе пластырь и обязания». Повторив это три раза, он стал невидим. Евдокия открыла глаза – в келье была совершенная пустота и тишина. Она опять заснула скоро. Проснувшись в 5 часов утра, увидела себя лежащую на больном боку, не чувствуя никакой боли. Припомнив явление к ней батюшки Серафима, она говорила, что «я долго чувствовала, как будто пластырь лежит на ушибленном месте». В тот же день больная одна, без всякой помощи, встала с кровати, прошла несколько раз по келье и рассказывала всем о чудесном своем исцелении, исповедалась и приобщилась Св. Тайн, укрепляясь духом и телом за молитвы старца Серафима.

Рязанской губернии и уезда крестьянская молодая женщина Ольга И. получила припадки мучительной болезни, которая сопровождалась икотой, зевотой, омрачением зрения и иступлением. Она терзала себя, кричала, показывала неестественную силу и рвала в лохотья свою одежду. Страдания ее продолжались 8 лет. В 1858 году, с тремя странницами, она пошла в Саров и Дивеево; дорогой чувствовала иногда припадки, но могла еще идти. По мере приближения к Сарову припадки ее усиливались, а увидав его, она легла на дороге и решительно не хотела идти далее. С большим усилием привели страждущую в Саров. После молебна Царице Небесной и панихиды по отце Серафиме отправилась она со спутницами своими на его источник. Здесь припадок был необыкновенно сильный; она кричала: «Что ты меня душишь? Я силен, что ты меня вяжешь? Я выйду, выйду!» Ее ударяло несколько раз за-

мертво о землю, часа два она была слепой и немой. Наконец злой дух закричал: «Три вышло, один остался». Спустя сутки она приобщилась в Сарове Св. Тайн и отправилась в Дивеево. Не доходя же за полверсты до монастыря, она упала на землю. Несколько раз на дороге перевертывало ее, как колесо; с большим усилием довели больную к вечеру до гостиницы; всю ночь больная провела в беспокойстве и убежала бы, если бы ее не держали. Утром, не сказывая куда, повели ее в церковь Преображения Господня, где пустынька преподобного отца Серафима обращена в св. алтарь и хранится вся его одежда. Неестественная сила противилась силе нескольких человек, когда тащили ее в церковь. Злой дух кричал: «Выйду, выйду, буду молчать». С распростертыми руками, ногами и раздувшейся шеей и животом потащили ее к камню Серафимову. Положив на него больную, накрыли ее мантией, возложили на нее епитрахиль старца: больная сильно кричала и после того как на руки надели ей рукавички отца Серафима, она сделалась как бы мертвая. Мало-помалу шея, живот и все члены начали приходить в естественное положение; пробыв без чувств часа полтора, больная совершенно пришла в себя, молилась со слезами, благодарила Господа и угодника Его за свое исцеление, но была слаба, не могла говорить много, а все рассказываемое о ней спутницами подтверждала, подтверждала и то, что ей никогда не было так легко и покойно, как теперь. Настоятельница общины благословила ее на дорогу портретом отца Серафима и частичкой от его камня. На другой день, отстояв обедню, молебен и панихиду, она отправилась в Москву и доселе пребывает здоровой.

Города Пензы мещанская жена Евдокия Очкина рассказывала следующее: «В 1843 году ходила я в саду с трехлетней дочерью моей Елисаветой; не знаю, как, к бахроме моего платья пристал репей. При снятии его, вероятно, соринка отлетела и попала в глаза девочки.

Елизавета моя вдруг вскрикнула и, закрыв оба глаза, стала плакать, проливая потоки слез. Я призывала старушек осмотреть, что с нею; они искали сор языком, выворачивали глаз на кольцо, но дочь моя окончательно лишилась зрения. Прошел год; в Пензу приехал из Петербурга доктор: я носила к нему слепую, но ее глаз невозможно было и ему рассмотреть: никакие средства не помогли ему открыть сжатых и как бы сросшихся век. Доктор отказался от помощи. Еще год спустя ослепшая дочь моя сидела около меня на полу; я положила ей на колени игрушки: она ощупью перебирала их. Я плакала, глядя на нее, и говорила мысленно: «Отец Серафим! Помолись Господу, чтобы открылись глаза слепой моей дочери; я к тебе в Саров пойду пешком». В эту самую минуту она вспрыгнула на ноги и бегом побежала по комнате. С тех пор она стала видеть, как и прежде, но, прожив около двух лет, скончалась; я же, грешная, совсем забыла о данном мною обещании насчет путешествия в Саров и за это была вторично наказана. Другая дочь моя, Мария, будучи тоже трех лет, сильно заболел глазами; примочки и лекарства не помогали ей; тут-то я вспомнила, что обещалась идти в Саров. Не мешкая нимало, я отправилась в путь и в тот же самый день, как служила панихиду по батюшке Серафиме, малютка моя исцелилась. Только на одном глазу остался знак — не то чтобы бельмо, но маленькое пятнышко, которое, впрочем, не мешает ей видеть, как бы в память того, что мать забвением обещания прогневала человека Божия. В 1858 году она была в Дивееве со своей 15-летней дочерью Марией и все написанное рассказала сама.

В 1859 г. жена почтмейстера города Темникова, получив из Сарова портрет старца Серафима, писанный на осколке от камня, на котором старец стоял и молился, хотела послать его в подарок своему благодетелю в Тамбов. С этой мыслью, забывшись сном, она видит

старца Серафима, который, строго взглянув на нее, сказал: «Почему же ты не хочешь сама иметь мой портрет?» – и с этими словами ударил ее по плечу. Проснувшись от сего, она почувствовала трясение во всем теле; плечо, по которому сделан удар, и рука совершенно оцепенели, как бы разбитые параличом. Она немедленно отправилась в Саров, отслужили панихиду, с усердием помолилась на могиле о. Серафима и тут же получила совершенное исцеление от своей болезни.

Г-жа Ал-ва, будучи беременна, весьма боялась приближения времени родить, так как роды всегда были особенно тяжелы для нее и опасны. В это время зашел к ним на дом странник, у которого было описание жизни старца Серафима. Прочитав эту книгу, г-жа А. после молитвы к Господу Богу положила свое упование на блаженного старца Серафима и просила его помощи. После этого она чувствовала себя гораздо лучше: всякий страх прошел уже, было что-то радостное на душе. Наступило время родов. Без всякой помощи от людей, призывая на помощь только Богоматерь и старца Серафима, А-ва родила без прежних страданий сына, которого назвала *Серафимом*. (Собственноручное письмо г-жи Алт-вой к настоятелю Саровской обители.)

Приведенные нами события, случившиеся после кончины старца Серафима и, несомненно, относящиеся к его лицу, суть только немногие из многочисленных известных его благодеяний. Многие же из получивших благодатные дары по молитвам и заступлению старца Серафима не обнаруживают о том. А сверх сего, сколько бывает тайных скорбей духа, болезней душевных, язв греховных, которые и по уврачевании требуют еще покрова тайны! Не без причины столь многие стекаются на его могилу и творят поминовение о нем. Не без причины во всех пределах России молитвенно возглашают и с благоговением произносят имя его. Самые опыты благодатных действий старца Серафима, являе-

мые после его кончины, вот уже в течение трех с лишком десятилетий не служат ли очевидным доказательством сильной и действенной пред Господом молитвы его за прибегающих к его помощи?

Оканчивая наше изложение, остановимся благоговейной мыслью на особых путях промысла Божия в жизни отца Серафима.

Сын гражданина г. Курска с юных лет влечется тайным желанием оставить мир и служить исключительно Богу, подобно св. Феодосию Печерскому, также уроженцу курскому. Никому не знаемый, приходит он юношей в Саровскую обитель, оставив мать, брата, имущество и дом. Не принеши с собою в обитель ничего, кроме умения читать и писать, он начинает жизнь свою с первых степеней послушания и смиренно проходит их, привлекая к себе любовь и уважение начальства и братии за свое усердие и кротость. Между тем в глубине души его, ни для кого не заметно, под покровом глубокого смирения созревал внутренний его человек. Его не удовлетворял уже, для других сам по себе тяжкий, труд иноческой жизни: молитвы, пост, послушание, нестяжательность. В нем раскрывается жажда высших и высших подвигов. И вот он в безмолвном уединении проводит жизнь строго отшельническую, становится на подвиг, подобный столпническому, налагает на себя на долгое время обет молчания и, как бы в некоем гробе, заключается в затворе. А созрев в духовной жизни, по особенному внушению Божию, он отверзает двери кельи и двери уст своих – и сладкие струи духовно-назидательного учения изливаются в течение многих лет на бесчисленное множество народа, искавшего его наставлений. После продолжительных подвигов в различных добродетелях, усвоив дух любви – которая есть верх совершенства, – он является утешителем душевных скорбей, целителем недугов телесных, руководителем совести для многих. И вот безвестный и бедный прише-

лец в Саровскую обитель сделался, по благодати Божией и своему смирению, не только славой ее, но украшением и всей православной Церкви. Имя Серафима справедливо обносилось всюду как имя одного из великих древних подвижников. В лице его для нашего скудного добродетелями и маловерного века как будто воскрес древний подвижник пустынь фиваидских или пещер киевских. И знатные и простые, и богатые и нищие – все стекались к порогу его кельи, падали ниц пред согбенным старцем, одетым в бедный балахон, открывали тайны своей совести, поверяли свои скорби и нужды и принимали с искренней любовью и благодарностью каждое слово его, согретое благодатью. И долго, долго будут разноситься по всему пространству обширной России слова старца, сказанные в тесной келье! Долго, долго они, как плодотворное семя, будут приносить благие плоды добрых дел! Вместе с тем никогда не изгладится и память о нем, по слову Писания: *Праведник во веки живет.*

НАСТАВЛЕНИЯ СТАРЦА СЕРАФИМА

1. О БОГЕ

Бог есть огонь, согревающий и воспламеняющий сердца и утробы. Итак, если мы ощутим в сердцах своих хлад, который от диавола, ибо диавол хладен, то призовем Господа: Он, пришед, согреет наше сердце совершенной любовью не только к Нему, но и к ближним. И от лица теплоты убежит хлад доброненавистника.

Отцы написали, когда их спрашивали: ищи Господа, но не испытай, где Он живет.

Где Бог, там нет зла. Все, происходящее от Бога, мирно и полезно и приводит человека к самоосуждению и смирению.

Бог являет нам Свое человеколюбие не только в тех случаях, когда мы добро делаем, но и тогда, когда оскорбляем грехами и прогневаем Его. Как долготерпеливо сносит Он наши беззакония! И когда наказывает, как милостиво наказывает!

Не называй Бога правосудным, говорит преподобный Исаак, ибо в делах твоих не видно Его правосудия. Правда, Давид называл Его и правосудным, и правым; но Сын Его показал нам, что Бог более благ и милостив. Где Его правосудие? Мы были грешники, и Христос умер за нас (Исаак Сир. Сл. 90, л. 171 на обор.).

Поскольку человек совершенствуется здесь перед Богом, постольку ходит в след Его; в истинном же веке

Бог явит ему лицо Свое. Ибо праведные, входя здесь, на земле, в созерцание Его, видят образ Его, как в зеркале, а там удостоятся зреть явление истины.

Если ты не знаешь Бога, то невозможно, чтобы явилась в тебе и любовь к Нему. Ты не можешь любить Бога, если не увидишь Его. Видение же Бога бывает от познания Его: ибо созерцание не предшествует Богопознанию.

О делах Божиих не рассуждай по насыщению своего чрева: при наполненном чреве какое может быть ведение тайн Божиих?

2. О ВЕРЕ

Прежде всего должно веровать в Бога, *яко есть, и взывающим Его мздовоздаятель бывает* (Евр. 11, 6).

Вера, по учению преподобного Антиоха, есть начало нашего соединения с Богом: истинно верующий есть камень храма Божия, уготованный для здания Бога Отца, вознесенный на высоту силою Иисуса Христа, т.е. Крестом, помощью вервия, т.е. благодати Духа Святого.

Вера без дел мертва есть (Иак. 2, 26), а дела веры: любовь, мир, долготерпение, милость, смирение, несение креста и жизнь по духу. Лишь такая вера вмещается в правду. Истинная вера не может оставаться без дел; кто истинно верует, тот непременно творит и добрые дела.

3. О НАДЕЖДЕ

Все, имеющие твердую надежду на Бога, возводятся к Нему и просвещаются сиянием вечного света.

Если человек не имеет излишнего попечения о себе из любви к Богу и для дел добродетели, зная, что Бог печется о нем, то таковая надежда есть истинная и мудрая. А если человек все упование свое возлагает на свои дела, к Богу же обращается с молитвой лишь тогда, ко-

гда его постигают непредвиденные беды и он, не видя в собственных силах средств к отвращению их, начинает надеяться на помощь Божию, – то такая надежда суетна и ложна. Истинная надежда ищет единого Царства Божия и уверена, что все земное, потребное для жизни временной, несомненно дано будет.

Сердце не может иметь и мира, пока не приобретет такой надежды. Она-то вполне умиротворяет его и вносит радость в него. О сей-то надежде сказали святейшие уста Спасителя: *Приидите ко Мне, вси труждающиеся и обремененные, и Аз упокою вы* (Матф. 11, 28), т.е. надейся на Меня и утетишься от труда и страха.

В Евангелии св. Луки сказано о Симеоне: *и бе ему обещано Духом Святым не видети смерти, прежде даже не видит Христа Господня* (Лк. 2, 26). И Симеон праведный не умертвил надежды своей, но ждал вождь-ленного Спасителя миру и, с радостью приняв его в свои руки, сказал: Теперь Ты отпускаешь меня, Владыко, в Твое вождь-ленное царство: ибо я увидел надежду мою – Христа Господня.

4. О ЛЮБВИ К БОГУ

Стяжавший совершенную любовь к Богу существует в жизни так, как бы не существовал. Ибо считает себя чужим для видимого, с терпением ожидая невидимого. Он весь изменился в любовь к Богу и оставил все другие привязанности.

Кто себя любит, тот любить Бога не может. А кто не любит себя ради любви к Богу, тот любит Бога.

Истинно любящий Бога считает себя странником и пришельцем на земле сей; ибо в своем стремлении к Богу душой и умом созерцает только Его одного.

Душа, исполненная любви к Богу, и во время исхода своего из тела не убоится князя воздушного, но с ангелами возлетит, как бы от чужой страны, на родину.

5. О СТРАХЕ БОЖИЕМ

Человек, решившийся проходить путь внутреннего внимания, прежде всего должен иметь страх Божий, который есть начало премудрости.

Пусть будут в уме его всегда напечатлены сии пророческие слова: *работайте Господеву со страхом и радуйтесь Ему с трепетом* (Пс. 2, 11).

Он должен проходить путь свой с крайней осторожностью и благоговением ко всему священному, а не небрежно. В противном случае нужно опасаться, чтобы не отнеслось к нему сие страшное предопределение Божие: *проклят человек творяй дело Господне с небрежением* (Иерем. 48, 10).

Благоговейная осторожность здесь нужна потому, что сие море (т.е. сердце со своими помыслами и желаниями, которое должно очистить посредством внимания) велико и пространно: *тамо гады имже несть числа*, т.е. в нем гнездятся многие помыслы суетные, неправые и нечистые – порождения злых духов.

Бойся Бога, – говорит Премудрый, – *и заповеди Его храни* (Еккл. 12, 13). А соблюдая заповеди, ты будешь силен во всяком деле, и дело твое будет всегда хорошо. Ибо, боясь Бога, ты из любви к Нему все делать будешь хорошо. А диавола не бойся; кто боится Бога, тот одолеет диавола: для того диавол бессилен.

Два вида страха: если не хочешь делать зла, то бойся Господа и не делай, а если хочешь делать добро, то бойся Господа и делай. Но никто не может стяжать страха Божия, доколе не освободится от всех забот житейских. Когда ум будет беспопечителен, тогда движет его страх Божий и влечет к любви благодати Божией.

6. ОБ ОТРЕЧЕНИИ ОТ МИРА

Страх Божий приобретается тогда, когда человек, отрехшись от мира и всего, что в мире, соберет все свои

мысли и чувства и весь погрузится в созерцание Бога и в чувство обещанного святым блаженства.

Нельзя вполне отречься от мира и прийти в состояние духовного созерцания, оставаясь в мире. Ибо доколе страсти не утишатся, нельзя стяжать мира душевного. Но страсти не утишаются, доколе нас окружают предметы, возбуждающие страсти. Чтобы прийти в совершенное бесстрастие и достигнуть совершенного безмолвия души, нужно много подвизаться в духовном размышлении и молитве. Но как же возможно всецело и спокойно предаваться созерцанию Бога, поучаться по законам Его и всей душой возноситься к Нему в пламенной молитве, оставаясь среди непрестанного шума страстей, воюющих в мире? Мир во зле лежит.

Не освободясь от мира, душа не может любить Бога искренно. Ибо житейское, по словам преп. Антиоха, для нее есть как бы покрывало.

Если мы, говорит он же, живем в чужом граде и наш град далеко от града сего, и если мы знаем град наш, то для чего мы медлим в чужом граде и в нем уготовляем себе поля и зрелища? И как воспоем песнь Господу на земле чужой? Мир сей есть область иного, т.е. князя века сего (Сл. 15).

7. О БЕЗМОЛВИИ

Преподобный Варсонофий учит: доколе на море – корабль терпит беды и приражения ветров, а когда достигнет пристанища тихого и мирного, уже не боится бед и скорбей и приражений ветров, но остается в тиши. Так и ты, монах, доколе остаешься с людьми, ожидай скорбей и бед и приражений мысленных ветров; а когда в безмолвие вступишь, бояться тебе нечего (Варс. Отв. 8, 9).

Совершенное безмолвие есть крест, на котором должен человек распять себя со всеми страстями и похотями. Но подумай, Владыка наш Христос сколько напе-

ред претерпел поношений и оскорблений и потом уже восшел на крест. Так и нам нельзя прийти в совершенное безмолвие и надеяться святого совершенства, если не постраждем со Христом. Ибо, говорит апостол, *еще с Ним страждем, с Ним и прославимся*. Другого пути нет (Варс. Отв. 346).

Пришедший в безмолвие должен непрестанно помнить, за чем пришел, чтобы не уклонилось сердце его к чему-либо другому.

8. О ВНИМАНИИ САМОМУ СЕБЕ

Проходящий путь внимания не должен верить одному только сердцу своему, но сердечные свои действия и саму жизнь поверять с законом Божиим и с деятельной жизнью подвижников благочестия, такой же подвиг проходивших. Этим средством удобнее можно и от лукавого избавиться, и истину узреть яснее.

Ум внимательного человека есть как бы поставленный страж, или неусыпный хранитель внутреннего Иерусалима. Стоя на высоте духовного созерцания, он смотрит оком чистоты на обходящие и приражающиеся к душе его противные силы, по словам Псалмопевца: *и на враги моя воззре око мое* (Пс. 53, 9).

От ока его не скрыт диавол, *яко лев рыкающий, иский кого поглотити* (1 Петр. 5, 8), и те, которые напрягают лук свой, *состреляти во мраце правые сердцем* (Пс. 10, 2).

По учению св. Отцов, при каждом человеке находятся два ангела: один добрый, другой злой. Ангел добрый тих, кроток и безмолвен. Когда он войдет в сердце человека, то говорит с ним о правде, чистоте, честности, спокойствии, о всяком благом деле и о всякой добродетели. Когда почувствуешь это в сердце твоём, очевидно, в тебе находится ангел правды. А дух лукавый острожелчен, жесток и безумен. Когда он войдет в сердце твое, то узнавай это по делам его (Ант. Сл. 61).

Внимай себе, возлюбленный, говорит Исаак Сирин, и при непрестанном делании имей перед глазами и приключаются тебе скорби, и место пустыни, в которой живешь, и тонкость ума своего вместе с грубостью своего познания, и продолжительность безмолвия вместе со многими врачевствами, т.е. искушениями, какие наводятся на тебя то истинным Врачом ко здравью внутреннего человека, то иногда и бесами, и состоят иногда в болезнях и трудах телесных, иногда в ужасающих помышлениях души твоей и в страшных напоминаниях о том, что будет при конце; иногда прививаются и обязываются благодатная теплота и сладкие слезы, и духовная радость, и подобное. И теперь, во всех ли этих обстоятельствах совершенно видишь, что язва твоя начала подживать и закрываться, т.е. страсти стали ослабевать? Положи примету и непрестанно входи сам в себя, и смотри, какие страсти, по твоему замечанию, изнемогли пред тобой, какие истребились и совершенно оставили тебя, какие начали умолкать вследствие выздоравливания души твоей, а не удаления только того, что возбуждало их, и какие научился ты одолевать разумом своим, а не одним лишением себя причин страстей. И еще внимай, совершенно ли видишь, что в гниющей язве твоей начала нарастать живая плоть, т.е. мир душевный; и какие страсти преследуют тебя одна за другой последовательно и стремительно, и через какой промежуток времени; телесные ли или душевные это страсти или сложные и смешанные; и проходят ли в памяти только как слабые или сильно восстают на душу, – и как восстают – властительно или, как тать; как смотрит на них царь-ум, этот властитель чувств: вступает ли с ними в брань, когда выступают вперед и объявят войну, и доводит ли их до бессилия своей крепостью или и видя не видит их и вовсе не занимается ими; и какие остались из старых страстей, и какие вновь образовались; притом, возникают ли страсти в живых образах или в чувстве – без живых образов, и в памяти – без страстного движения, без размышления о них и

без раздражения. И по этому можно узнавать меру душевного здоровья (Ис. Сир. Сл. 45, лист 76 на обор.).

А потому таковой человек, следуя учению божественного Павла, *принимает вся орудия Божия, да возможет противитися в день лют* (Еф. 6, 13), и этим оружием, при содействии благодати Божией, отражает видимые приращения и побеждает невидимых ратников. Мы видим пример такового духовного бодрствования в Иове многострадальном, о коем св. Церковь воспевает так: *«Богатство видево добродетелей Иовлих, украсти козньствовавшие праведников враг, и растерзав столп телесе, сокровище не украде духа: обрете бо вооруженну непорочнаго душу* (Тропарь мая 6-го).

Проходящий путь сей не должен внимать посторонним слухам, от которых голова может быть наполнена праздными и суетными помыслами и воспоминаниями; но должен быть внимателен к себе.

Особенно на сем пути наблюдать должно, чтобы не обращаться на чужие дела, не мыслить и не говорить о них, по Псаломнику: *не возглаголют уста мои дел человеческих* (Пс. 16, 4); а молить Господа: *от тайных моих очисти мя, и от чуждых пощади раба Твоего* (Пс. 18, 13-14).

Чтобы сохранить внимание, надобно уединяться в себя, по глаголу Господню: *никогже на пути целуйте* (Лук. 10, 4), т.е. без нужды не говорить, разве бежит кто за тобой, чтобы услышать полезное.

Встречающихся старцев или братьев поклонами почитать должно, имея очи всегда заключенные.

9. О ПОПЕЧЕНИИ О ДУШЕ

Человек по телу подобен зажженной свече. Свеча должна сгореть, и человек должен умереть. Но душа его бессмертна; потому и попечение наше должно относиться более к душе, нежели к телу: *кая бо польза человеку, аще мир весь приобрящет, душу же свою отщетит? или что*

даст человек измену за душу свою? (Матф. 16, 26), за которую, как известно, ничто в мире не может быть выкупом? Если одна душа сама по себе драгоценнее всего мира и царства мирского, то несравненно дороже Царство Небесное. Душу же почитаем драгоценнее всего по той причине, как говорит Макарий Великий, что Бог ни с чем не благоволил сообщиться и соединиться Своим духовным естеством, ни с каким видимым созданием, но с одним человеком, которого возлюбил более всех тварей Своих (Макар. Велик. Сл. О свободе ума. Гл. 32).

Василий Великий, Григорий Богослов, Иоанн Златоуст, Кирилл Александрийский, Амвросий Медиоланский и прочие от юности до конца жизни были девственники; вся их жизнь была обращена на попечение о душе, а не о теле. Так и нам все старание должно иметь о душе, тело же подкреплять для того только, чтобы оно способствовало к подкреплению духа.

Если самовольно изнурим свое тело до того, что изнурится и дух, то таковое удручение будет безрассудное, хотя бы сие делалось для снискания добродетели.

Если же Господу Богу угодно будет, чтобы человек испытал на себе болезни, то Он же подаст ему и силу терпения.

Итак, пусть будут болезни не от нас самих, но от Бога.

10. ЧЕМ ДОЛЖНО СНАБДЕВАТЬ ДУШУ?

Если хочешь устроить дом души своей, – говорит преподобный Варсонофий, – то прежде приготовь вещество и все потребное, чтобы художнику оставалось прийти и устроить. Потребное для такового здания – твердая вера для устройства стен, деревянные окна, вводящие свет солнечный, который бы освещал дом, чтобы не было в нем ни малейшей темноты. Оконца деревянные – пять чувств, честным Крестом Христовым утвержденные, вводящие свет мысленного солнца правды и не

позволяющие оставаться в доме твоём ни малейшей темноте врага и доброненавистника твоего. Потом требуется покров, да ни *во дни солнца не ожжёт тебе, ниже луна ночью* (Пс. 120, 6). Покров скрепляется любовью к Богу, которая бы, покрывая дом, никогда не падала и не позволяла *заходить солнцу во гнев твоем*, дабы не увидеть его обличающим тебя в день судный и жгущим в огне геенском, и луну, свидетельствующую о ночном нашем унынии и лени. Наконец требуется дверь, вводящая в дом и хранящая живущего в нём. Разумей мысленную дверь – Сына Божия, Который говорит: *Аз есмь дверь*. Если так устроишь дом души своей и в нём не будет ничего неприличного и неугодного Богу; то Он приидет с благословенным Отцом и Духом Святым и обитель у тебя сотворит и научит тебя, что такое мир души, просветив сердце твое радостью неизреченною (Вар. Отв. 171).

Душу снабждать надобно словом Божиим: ибо слово Божие, как говорит Григорий Богослов, есть хлеб ангельский, им же питаются души, бога алчущие. Всего же более должно упражняться в чтении Нового Завета и Псалтири; Евангелие и послания апостолов должно читать *стоя* пред св. иконами, а псалмы читать *сидя*. От чтения Св. Писания бывает просвещение в разуме, который от того изменяется изменением Божественным.

Надобно так обучить себя, чтобы ум как бы плавал в законе Господнем, по руководству которого должно устраивать и жизнь свою.

Очень полезно заниматься чтением слова Божия в уединении и прочесть всю Библию разумно. За одно таковое упражнение, кроме других добрых дел, Господь не оставит человека Своей милостью, но исполнит его дара разума.

Когда же человек снабдит душу свою словом Божиим, тогда исполняется разумением того, что есть добро и что есть зло.

Чтение слова Божия должно быть производимо в уединении для того, чтобы весь ум читающего углублен был в истины Священного Писания и принимал от Бога в себя теплоту, которая в уединении производит слезы; от них человек согревается весь и исполняется духовных дарований, услаждающих ум и сердце паче всякого слова.

Телесный труд и упражнение в Божественных Писаниях, учит преподобный Исаак Сирин, охраняют чистоту; а труд подкрепляется надеждой и страхом. Надежду же и страх производят в уме удаление от людей и непрестанная молитва. Пока не примет Утешителя, человек имеет нужду в Божественных Писаниях, чтобы воспоминание о благах запечатлевалось в уме его и от непрестанного чтения обновлялось в нем стремление ко благу и охраняло душу его от тонких путей греха, — имеет нужду потому, что не приобрел еще силы Духа, которая удаляет заблуждение, берет в плен душеполезные припоминания и приближается той холодности, какая бывает при рассеянности ума. Ибо когда сила Духа низойдет на душевную силу, действующую в нем, тогда вместо закона Писаний укореняются в сердце заповеди Духа, и тогда он втайне бывает наставляем Духом и не имеет нужды в помощи чего-либо чувственного. А пока сердце учится через вещественное, вслед за учением идет заблуждение и забвение. А когда учение будет от Духа, тогда память соблюдается невредимою (Ис. Сир. Сл. 58).

Следует также снабждать душу и познаниями о Церкви, как она есть от начала и доселе сохраняется, и что терпела она в то или другое время, — знать же сие не для того, чтобы желать управлять людьми, но на случай могущих встретиться вопрошений, также — для убеждения и утешения своего духа.

Более же всего делать это должно собственно для себя, чтобы приобрести мир душевный, по учению Псаломника: *мир мног любящим закон Твой, Господи* (Пс. 118, 165).

11. О МИРЕ ДУШЕВНОМ

Мир душевный приобретается скорбями. Писание говорит: *проидохом сквозе огонь и воду, и извел еси ны в покой* (Пс. 65, 12). Желаящим угодить Богу путь лежит сквозь многие скорби. Как ублажать нам святых мучеников за страдания, которые претерпели они ради Бога, когда мы не можем стерпеть и огневицы?

Ничто так не содействует стяжанию внутреннего мира, как молчание и, сколько возможно, непрестанная беседа с собой и редкая – с другими.

Ничто же лучше есть во Христе мира, в нем же разрушается всякая брань воздушных и земных духов. Ибо несть наша брань к крови и плоти, но к началам, и ко властям, и к миродержителю тьмы века сего, к духовом злобы поднебесным (Еф. 6, 12).

Признак духовной жизни есть погружение человека внутрь себя и сокровенное делание в сердце своем.

Благодать Божия приосеняет такого человека, и он бывает сперва в мирном устроении, а путем сего переходит и в премирное: в мирном, то есть, с совестью благой; в премирном же, когда его ум созерцает в себе благодать Святого Духа, по слову Божию: *в мире место Его* (Пс. 75, 3).

Можно ли, видя солнце чувственными очами, не радоваться? Но сколько радостнее бывает, когда ум видит внутренним оком Солнце правды – Христа? Тогда воистину радуется он радостью ангельской. О сем-то и апостол сказал: *наше житие – на небесех* (Филип. 3, 20).

Кто в мирном устроении неуклонно ходит, тот, как бы ложкой, черпает духовные дары.

Святые отцы, имея мирное устроение и будучи осеяемы благодатью Божией, жили долго.

Когда человек придет в мирное устроение, тогда он может от себя и на других изливать свет просвещения разума. Прежде сего человеку надобно повторять сии слова Анны Пророчицы: *да не изыдет велеречие из уст*

ваших (1 Цар. 2, 3) и слова Господни: лицемере! Изми первое бревно из очесе твоего, и узриши изъяти сучец из очесе брата твоего (Матф. 7, 5).

Сей мир, как некое бесценное сокровище, оставил Господь наш Иисус Христос ученикам Своим пред смертью Своей, говоря: *мир оставляю вам, мир Мой даю вам (Иоан. 14, 27).* О нем также говорит и апостол: *и мир Божий, превосходяй всяк ум, да соблюдет сердца ваша и разумения ваша во Христе Иисусе (Филип. 4, 7); ь мир имейте и святыню со всеми ихже кроме никтоже узрит Господа (Евр. 12, 14).*

Итак, мы должны все свои мысли, желания и действия сосредотачивать к тому, чтобы получить мир Божий и с Церковью всегда взывать: *Господи, Боже наш, мир даждь нам (Ис.26, 12).*

12. О ХРАНЕНИИ МИРА ДУШЕВНОГО

Надо всеми мерами стараться, чтобы сохранить душевный мир и не возмущаться оскорблениями от других; для сего нужно всячески удерживаться от гнева и, посредством внимания, оберегать ум и сердце от непристойных колебаний.

Оскорбления от других должно переносить равнодушно и приобучаться к такому расположению духа, как бы они нас ни касались.

Такое упражнение может доставить нашему сердцу тишину и соделать его обителью Самого Бога.

Образ такого незлобия мы видим в жизни св. Григория Чудотворца, от которого некая жена блудница всенародно требовала мзды, якобы за грех, с нею соделанный; а он, нимало не разгневавшись на нее, кротко сказал некоему другу своему: *дай скоро ей цену, которую требует. Жена, только приняла неправедную мзду, подверглась нападению беса; Святитель же изгнал из нее и беса молитвой (Чет. мин. ноябр. 17).*

Если же невозможно, чтобы не возмутиться, то, по крайней мере, надобно удерживать язык по глаголу Псалмопевца: *смятохся и не глаголах* (Пс. 76, 5).

В сем случае мы можем взять в образец себе св. Спиридона Тримифунтского и препод. Ефрема Сирина. Первый (Чет. мин. декаб. 12) так перенес оскорбление: когда, по требованию греческого царя, входил он во дворец, то один из слуг, бывших в палате царской, сочтя его за нищего, смеялся над ним, не пускал в палату и даже ударил его в ланиту. Св. Спиридон, будучи незлобив, обратился к нему, по слову Господню, и другую (Матф. 5, 39). Преподобный Ефрем (Чет. мин. янв. 28), постясь в пустыне, раз лишен был пищи таким образом: ученик его, неся пищу, нечаянно разбил по дороге сосуд. Преподобный, увидев ученика печальным, сказал ему: «Не скорби, брат, если пища не захотела прийти к нам, то мы пойдем к ней». Итак, преподобный пошел, сел при разбитом сосуде и, собирая снедь, вкушал ее. Так-то он был безгневен.

А как побеждать гнев, сему можно поучиться из жития Паисия Великого (Чет. мин. июня 19), который просил Господа Иисуса Христа, явившегося ему, чтобы Он освободил его от гнева. И Спаситель сказал ему: *аще хочещи победити гнев и ярость купно, ничесоже возжелай, ни возненавидь кого, ни уничижи.*

Чтобы сохранить душевный мир, должно отгонять от себя уныние и стараться иметь дух радостный: по слову премудрого Сираха, *многи печаль уби, и несть пользы в ней* (Сир. 30, 25).

Для сохранения мира душевного также всячески должно избегать осуждения других. Снисхождением к брату и молчанием сохраняется мир душевный. Когда в таком устройении бывает человек, то получает божественные откровения.

Чтобы не впадать в осуждения ближних, должно внимать себе, ни от кого не принимать худых вестей и быть ко всему мертвым.

К сохранению душевного мира надобно чаще входить в себя и спрашивать: где я?

При сем должно наблюдать, чтобы телесные чувства, особенно зрение, служили внутреннему человеку и не развлекали душу чувственными предметами: ибо благодатные дарования получают только те, которые имеют внутреннее делание и бдят о душах своих.

13. О ПОДВИГАХ

Не должно предпринимать подвигов сверх меры, а стараться, чтобы друг – плоть наша – был верен и способен к творению добродетелей.

Надобно идти средним путем, *не уклоняясь ни на десно, ни на шуе* (Прит. 4, 27): духу давать духовное, а телу телесное, потребное для поддержания временной жизни. Не должно также и общественной жизни отказывать в том, чего она законно требует от нас, по словам Писания: *воздадите кесарево кесареви, а Божия Богови* (Мф. 22, 21).

Должно снисходить и душе своей в ее немощах и несовершенствах и терпеть свои недостатки, как терпим недостатки ближних, но не облениться и непрестанно побуждать себя к лучшему.

Употребил ли ты много пищи или сделал другое что, сродное слабости человеческой, не возмущайся, не прибавляй вреда ко вреду; но мужественно подвигнув себя к исправлению, старайся сохранить мир душевный, по слову апостола: *блажен, не осуждаяй себе, о немже искушается* (Рим. 14, 22). Тот же смысл заключают в себе и слова Спасителя: *аще не обратитесь и не будете, яко дети, не увидите в Царство Небесное* (Матф. 18, 3).

Тело, изможденное трудом или болезнями, должно подкреплять умеренным сном, пищей и питьем, не наблюдая даже и времени. Иисус Христос, тотчас по воскресении дочери Иаировой от смерти, *повелел дать ей ясти* (Лук. 8, 55).

Всякий успех в чем-либо мы должны относить ко Господу и говорить с пророком: *не нам, Господи, не нам, но имени Твоему даждь славу* (Пс. 113, 9).

Лет до тридцати пяти, то есть до половины земной жизни, велик подвиг бывает человеку в сохранении себя, и многие в эти лета не могут устоять в добродетели, но совращаются с правого пути к собственным пожеланиям, как о сем св. Василий Великий свидетельствует (Бесед. На начал. Притч. Стр. 305): многие много собрали в юности, но посередине жизни, восставшими на них искушениями от духов лукавствия, не стерпели волнения и всего того лишились.

Чтобы не испытать такого превращения, надобно поставить себя как бы на мериле испытания и внимательно наблюдать всю жизнь за собою, по учению св. Исаака Сирина: как на мериле приличествует взвесить каждому жительство свое (Сл. 40).

14. О СВЕТЕ ХРИСТОВОМ

Дабы принять и ощутить в сердце своем свет Христов, надобно, сколько можно, отвлечь себя от видимых предметов. Предочистив душу покаянием и добрыми делами, при искренней вере в Распятого, закрыв телесные очи, должно погрузить ум внутрь сердца и вопиать, непрестанно призывая имя Господа нашего Иисуса Христа. Тогда, по мере усердия и горячности духа к возлюбленному (Лук. 3, 22), человек в призываемом имени находит услаждение, которое возбуждает желание искать высшего просвещения.

Когда ум с таким упражнением долго пребудет, укоснит в сердце, тогда воссияет свет Христов, освещающая храмину души божественным сиянием, как говорит от лица Бога св. пророк Малахия: *и воссияет боящимся имене Моего солнце правды* (Малах. 4, 2). Сей свет есть также и жизнь, по Евангельскому сло-

ву: *в Том живот бе, и живот бе свет человеком* (Иоан. 1, 4).

Когда человек созерцает внутренне свет вечный, тогда ум его бывает чист и не имеет в себе никаких чувственных представлений; но, весь будучи углублен в созерцание не-созданной доброты, забывает все чувственное, не хочет созерцать и себя, но желает скрыться в сердце земли, только бы не лишиться сего истинного блага – Бога.

15. О СЛЕЗАХ

Все святые и мира отрeksiеся иноки всю жизнь свою плакали, в чаянии вечного утешения, по уверению Спасителя мира: *блаженны плачуице, яко тии утешатся* (Матф. 5, 4).

Так и мы должны плакать об оставлении грехов своих. К сему да убедят нас слова порфироносного пророка: *ходящие хождаху и плакахуся, метаяще семена своя: грядуще же придут радостию, вземлющи рукояти своя* (Пс. 125, 6); и слова Исаака Сирина: омочи ланиты твои плачем очей твоих, да почиет на тебе Святый Дух и омоет тебя от скверны злобы твоей. Умилистави Господа твоего слезами, да придет к тебе (Сл. 68. Об отречении от мира).

Когда мы плачем в молитве, и к слезам примешивается смех, то это – от диавольской хитрости. Трудно постигнуть тайные и тонкие действия врага нашего.

У кого текут слезы умиления, у того сердце озаряется лучами Солнца правды – Христа Бога.

16. О ПОКАЯНИИ

Желающему спастись всегда должно иметь сердце, расположенное к покаянию и сокрушенное: *жертва Богу дух сокрушен, сердце сокрушенно и смиренно Бог не уничижит* (Пс. 50, 19).

В таком сокрушении духа человек с легкостью может безбедно проходить хитрые козни диавола, коего все силы направлены к тому, чтобы возмутить дух человека и в возмущении посеять свои плевелы, по слову Евангельскому: *Господи, не доброе ли семя сеял еси на селе твоем? Откуда убо плевелы? Он жерече: враг человек сие сотвори* (Матф. 13, 27-28).

Когда же человек старается иметь сердце смиренное и мысль сохранить в мире, тогда все козни вражии бывают бездейственны; ибо где мир помыслов, там почиает Сам Бог: *в мире*, сказано, *место Его* (Пс. 75, 3).

Начало покаяния зарождается от страха Божия и внимания к себе, как говорит св. мученик Вонифатий (Чет. мин. дек. 19): страх Божий есть отец внимания; а внимание – мать внутреннего покоя. Страх Господень пробуждает спящую совесть, которая делает то, что душа, как в некоей воде чистой и невозмущенной, видит свою некрасоту, и так рождаются начатки и разрастаются корни покаяния.

Мы всю жизнь грехопадениями своими оскорбляем величество Божие; а потому и должны всегда со смирением просить у Господа оставления долгов наших.

Можно ли благодетельствованному человеку по падении восстать через покаяние?

Можно, по Псаломнику: *превратихся пасти и Господь прият мя* (Пс. 117, 13). Когда св. пророк Нафан обличал Давида в грехе его, то он, покайся, тут же получил прощение (2 Цар., 12, 13).

К сему примером служит один пустынный, который, пойдя за водой, при источнике впал в грех. Но, возвратившись в келью, он осознал свое согрешение и вновь начал проводить жизнь подвижническую, как прежде. Враг смущал его, представляя ему тяжесть греха, отрицая возможность прощения и стараясь отвлечь его от подвижнической жизни. Но воин Христов устоял на своем пути. О сем случае Бог открыл некоему бла-

женному отцу и велел брата, впадшего в грех, ублажить за таковую победу над диаволом.

Когда мы искренне каемся в грехах наших и обращаемся ко Господу нашему Иисусу Христу всем сердцем нашим, Он радуется нам, учреждает праздник и созывает на него любезные Ему Силы, показывая им драхму, которую Он обрел паки, т.е. царский образ Свой и подобие. Возложив на рамена заблудшую овцу, Он приводит ее к Отцу Своему. В жилище всех веселящихся Бог водворяет и душу покаявшегося вместе с теми, которые не отбегали от Него.

Итак, не вознерадим обращаться к благоутробному Владыке нашему скоро и не предадимся беспечности и отчаянию, ради тяжких и бесчисленных грехов наших. Отчаяние есть совершеннейшая радость диаволу. Оно есть грех ко смерти, как гласит Писание (1 Иоан. 5, 16. Ант. Сл. 77). «Аще не предашься унынию и нерадению, – говорит Варсонофий, – то имеешь почудитися и прославити Бога, так как Он пременяет тебя от еже небыти во еже быти (т.е. из грешника в праведника, отв. 114).

Покаяние во грехе, между прочим, состоит в том, чтобы не делать его опять.

Как всякой болезни есть врачевание, так и всякому греху есть покаяние.

И так несомненно приступай к покаянию, и оно будет ходатайствовать за тебя пред Богом. Непрестанно твори сию молитву преп. Антиоха: *Дерзая, Владыко, на бездну благоутробия Твоего, приношу Тебе от скверных уст и нечистых устен молитву сию: помяни, яко призвася на мне имя святое Твое, и искупил мя еси ценою крови Твоея, яко запечатлел мя еси обручением Св. Духа Твоего и возвел мя еси от глубины беззаконий моих, да не похитит мя враг. Иисусе Христе, заступи мя и буди ми помощник крепкий в брани, яко раб есмь похоти и воюем от нея. Но Ты, Господи, не остави мя на земли повержена во осуждение дел моих: свободи мя, Владыко, лукавого раб-*

ства миродержителя и усвой мя в заповедях Твоих. Путь живота моего, Христе мой, и свет очей моих -- лице Твое. Боже, Владыко и Господи, возношения очей моих не даждь ми, и похоть злую отстави от мене; заступи мя рукою Твоею святою. Пожелания и похотствования да не обьют меня, и душе безстудной не предаждь мене. Просвети во мне свет лица Твоего, Господи, да не обьмет мене тьма, и ходящие в ней да не похитят мя. Не предаждь, Господи, зверем невидимым душу, исповедающуюся Тебе. Не попусти, Господи, уязвиться рабу Твоему от псов чуждых. Приятелище Святаго Духа Твоего быти мя сподоби и дом Христа Твоего, Отче Святей созиди мя. Путеводителю заблуждших, путеводствуй мя, да не уклонюсь шуйя. Лице Твое, Господи, видети. возделех. Боже, светом лица Твоего путеводи мя. Источник слез даруй ми, рабу Твоему, и росу Святаго Твоего Духа даждь созданию Твоему, да не иссохну, яко смоковница, юже Ты проклял: и да будут слезы питием моим, и молитва моя -- пищею. Обрати, Господи, плач мой в радость мне и прими в вечные Твои скинии. Да постигнет мя милость Твоя, Господи, и щедроты Твои да обьемлют мя, и отпусти все грехи моя. Ты бо еси Бог истинный, отпуцай беззакония. И не попусти, Господи, посрамиться делу рук Твоих по множеству беззаконий моих, но воззови мя, Владыко, единородным Твоим Сыном, Спасителем нашим. И воздвигни мя лежащаго, яко Левия мытаря, и оживотвори мя, грехми умерщвленнаго, яко сына вдовицы. Ты бо един еси воскресение мертвых. И Тебе слава подобает во веки. Аминь. (Ант. Сл. 77)

17. О ПОСТЕ

Пост состоит не в том только, чтобы есть редко, но в том, чтобы есть мало; и не в том, чтобы есть однажды, но в том, чтобы не есть много. Неразумен тот постник, который дожидается определенного часа, а в час трапезы весь предается ненасытному вкушению и телом, и умом.

В рассуждении пищи должно наблюдать и то, чтобы не разбирать между снедами вкусными и невкусными. Это дело свойственно животным, в разумном человеке недостойно похвал. Отказываемся же мы от приятной пищи для того, чтобы усмирить воюющие члены плоти и дать свободу действиям духа.

Истинный пост состоит не в одном изнурении плоти, но и в том, чтобы ту часть хлеба, которую ты сам хотел бы съесть, отдать алчущему. *Блаженны алчущие, яко тии насытятся* (Матф.5, 6).

Подвигоположник и Спаситель наш Господь Иисус Христос, перед выступлением на подвиг искупления рода человеческого, укрепил Себя продолжительным постом. И все подвижники, начиная работать Господу, вооружали себя постом и не иначе вступали на путь крестный, как в подвиге поста. Самые успехи в подвижничестве измеряли они успехами в посте.

К строгому посту святые люди приступали не вдруг, делаясь постепенно и мало-помалу способными довольствоваться самой скудной пищей. Преподобный Дорофей, приучая ученика своего Дионисия к посту, постепенно отнимал от стола его по малой части, так что от четырех фунтов меры его ежедневной пищи низвел до восьми лотов хлеба.

При всем том святые постники, к удивлению других, не знали расслабления, но всегда были бодрь, сильны и готовы к делу. Болезни между ними были редки, и жизнь их текла чрезвычайно продолжительно.

В той мере, как плоть постящегося становится тонкой и легкой, духовная жизнь приходит в совершенство и открывает себя чудесными явлениями. Тогда дух совершает свои действия как бы в бестелесном теле. Внешние чувства словно закрываются, и ум, отрешась от земли, возносится к небу и всецело погружается в созерцание мира духовного.

Однако же не всякий сможет наложить на себя строгое правило воздержания во всем или лишить себя всего, что может служить к облегчению немощей. *Могий же вместити, да вместит* (Матф. 19, 12).

Пищи употреблять должно каждый день столько, чтобы тело, укрепясь, было другом и помощником душе в совершении добродетели; иначе может быть и то, что при изнеможении тела и душа ослабеет. По пятницам и средам, особенно же в четыре поста, пищу, по примеру отцов, употребляй один раз в день, и ангел Господень прилепится к тебе.

18. О ХРАНЕНИИ СЕРДЦА

Мы непрестанно должны хранить сердце свое от нечистой помыслов и впечатлений, по слову Приточника: *всяким хранением блюди сердце твое: от сих бо исходища живота* (4, 23).

От бдительного хранения сердца рождается в нем чистота, для которой доступно видение Господа, по уверению вечной Истины: *блаженны чистые сердцем, яко тии Бога узрят* (Матф. 5, 8).

Что есть лучшего в сердце, того мы без надобности не должны обнаруживать; ибо тогда только собранное остается в безопасности от видимых и невидимых врагов, когда оно, как сокровище, хранится во внутренности сердца. Не всем открывай тайны сердца твоего.

19. О МНОГОСЛОВИИ

Одного многословия с теми, которые противных с нами нравов, довольно расстроить внутренность внимательного человека.

Но всего жалостнее то, что от сего может погаснуть тот огонь, который Господь наш Иисус Христос при-

шел воврещи (принести) на землю сердец человеческих: ибо ничто так не остужает огонь, от Св. Духа вдыхаемый в сердце инока к освящению души, как сообращение и многословие, и собеседование, кроме как с детьми тайн Божиих к возвращению разума Его и приближению (Ис. Сир. Сл. 8).

Особенно же должно хранить себя от обращения с женским полом: ибо, как восковая свеча, хотя и незажженная, но поставленная между зажженными, таеет, так и сердце инока от собеседования с женским полом неприметно расслабевает, – о сем и св. Исидор Пелусиот говорит так: аще (глаголющу Писанию) кия беседы злые тлят обычаи благи: то беседа с женами, аще и добра будет, обаче сильна есть растлити внутреннего человека тайно помыслы скверными, и чисту сущу телу, пребудет душа осквернена: что бо твердее есть камене; что же воды мягчае; обаче всегдашнее прилежание и естество побеждает: аще убо естество, едва подвижимое, подвизается, и от тоя вещи, юже имать ни во чтоже, страждет и умалается; то како воля человеческая, яже есть удобь колеблема, от обыкновения долгого не будет побеждена и превращена (Исидор Пелус. письм. 284, и Чет. мин. В жит. его, февр. 4 дня)?

А потому для сохранения внутреннего человека надобно удерживать язык от многословия: *муж бо мудр безмолвие водит* (Притч. 11, 12); и *иже хранит своя уста, соблюдает свою душу* (Притч. 13, 3); и помнить слова Иова: *завет положил очима моима, да не помышляю на девицу* (Иов 31, 1), и слова Господа Иисуса Христа: *всяк, иже воззрит на жену, ко еже вожделети ея, уже любодействова с нею в сердце своем* (Матф. 5, 28).

Не выслушав прежде другого, отвечать не должно: *иже бо отвецает слово прежде слышания, безумие ему есть и поношение* (Притч. 18, 13).

20. О РАСПОЗНАНИИ ДЕЙСТВИЙ СЕРДЕЧНЫХ

Когда человек примет что-либо Божественное, то радуется в сердце; а когда диавольское, то входит в смущение.

Сердце христианское, приняв что-либо Божественное, не требует стороннего убеждения в том, что сие от Господа, но самым тем действием убеждается, что восприятие его есть небесное, ибо ощущает в себе плоды духовные: *любви, радость, мир, долготерпение, благость, милосердие, веру, кротость, воздержание* (Галат. 5, 22).

А диавол, хотя бы преобразился *и в ангела света* (2 Кор. 11, 14) или представлял мысли самые благовидные, сердце все будет чувствовать какую-то неясность, волнение в мыслях и смятение чувств. Объясняя сие, св. Макарий Египетский говорит: «Хотя бы (сатана) и светлые видения представлял, но благого действия подать отнюдь не сможет: через что и известный знак его дел бывает» (Сл. 4, гл. 13).

Итак, по разнообразным действиям сердечным человек может познать, что есть Божественное и что диавольское, как о сем пишет св. Григорий Синаит: «Ибо от воздействия сможешь познать – воссиявший свет в душе твоей Божий ли есть или сатанинский» (Доброт. ч. I, л. 96 на обор. О безмолвии).

21. О БОЛЕЗНЯХ

Тело есть раб души, а душа – царица; а потому часто милосердием Божиим бывает и то, когда тело изнуруется болезнями: от сего ослабевают страсти, и человек приходит в себя; да и самая болезнь телесная рождается иногда от страстей.

Отними грех, и болезней не будет; ибо они бывают в нас от греха, как сие утверждает св. Василий Великий:

«Откуда недуги? Откуда повреждения телесные? Господь создал тело, а не недуг; душу, а не грех. Что же больше всего полезно и нужно? Соединение с Богом и общение с Ним посредством любви. Теряя любовь сию, мы отпадаем от Него, а отпадая, подвергаемся различным и многообразным недугам» (О том, что Бог не есть причина зла, стр. 213).

Кто переносит болезнь с терпением и благодарением, тому вменяется она вместо подвига, или даже более.

Один старец, страдавший водяной болезнью, говорил братьям, которые приходили к нему с желанием лечить его: «Отцы, молитесь, чтобы не подвергся подобной болезни мой внутренний человек, а что касается до настоящей болезни, то я прошу Бога о том, чтобы Он не вдруг освободил меня от нее, ибо *поколику внешний наш человек тлеет, потоплику внутренний обновляется* (2 Кор. 4, 16).

22. О МИЛОСТЫНЕ

Должно быть милостивым к убогим и странным: о сем много пеклись великие светильники и Отцы Церкви.

В отношении к сей добродетели мы должны всеми мерами стараться исполнять следующую заповедь Божию: *будьте милосерди, якоже и Отец ваш милосерд есть* (Лук. 6, 36), также *милости хочу, а не жертвы* (Матф. 9, 13). Сим спасительным словам мудрые внимают, а неразумные не внимают; оттого и награда будет неодинакова, как сказано: *сеющие скудостью скудость и пожнут, сеющие о благословении, о благословении и пожнут* (2 Кор. 9, 6).

Пример Петра Хлебодара (Чет. мин. сент. 22), который за кусок хлеба, поданный нищему, получил отпущение всех его грехов, как это было показано ему в видении, – да подвигнет нас к тому, чтобы и мы были ми-

лостивы к ближним: ибо и малая милостыня много способствует к получению Царства Небесного.

Творить милостыню мы должны с душевным благорасположением, по учению св. Исаака Сирина: «Если даешь что требующему, да предварит даяние твое веселие лица твоего, и словами благими утешай скорбь его» (Сл. 89).

23. О ПОМЫСЛАХ И ПЛОТСКИХ ДВИЖЕНИЯХ

Мы должны стараться быть свободными от помыслов нечистых, особенно когда приносим молитву Богу. Ибо нет единения между смрадом и благовонием.

Для сего нужно отражать первое нападение греховных помыслов и движений и рассеивать их от земли сердца нашего. Пока дети вавилонские, т.е. движения и помыслы злые, еще младенцы, должно разбивать и сокрушать их о камень, который есть Христос; особенно нужно сокрушать следующие три страсти: чревоугодие, сребролюбие и тщеславие, которыми ухищрялся диавол искусить даже Самого Господа нашего Иисуса Христа, в конце подвигов Его в пустыне.

Диавол, как лев, скрываясь в ограде своей (Пс. 9, 30), тайно расставляет нам сети нечистых и нечестивых помыслов. Итак, немедленно, как только увидим, надобно расторгать их посредством благочестивого размышления и молитвы. Требуется подвиг и великая бдительность, чтобы во время псалмопения ум наш согласовался с сердцем и устами, дабы в молитве нашей к фимиаму не примешивалось зловоние. Ибо Господь гнушается сердца с нечистыми помыслами. Закон говорит: *не ори юнцем и ослятем* (Второз. 22, 10), т.е. с помыслом чистым и нечистым не приноси молитвы.

Будем подражать Давиду, который говорит: *Во утрия избивах вся грешныя земли, еже потребити от града Господня вся делающия беззакония* (Пс. 100, 8). За-

коном запрещено было нечистому входить в дом Господа. Дом сей – мы, и Иерусалим внутри нас. Грешные земли – кроющиеся в сердце нашем змиевидные помыслы. Будем и мы с ним взывать к Господу: *устрой душу мою от злодейства их* (Пс. 34, 17); *расточи языки, хотящие браней* (Пс. 67, 31), дабы и нам услышать: *в скорби призвал Мя еси, и избавил тя* (Пс. 80, 8).

Будем непрестанно, день и ночь, со слезами повергать себя пред лицом благодати Божией, да очистит Он сердца наши от всякого злого помышления, чтобы мы достойно могли проходить путь звания нашего и чистыми руками приносить Ему дары служения нашего. Если же мы не согласны с влагаемыми от диавола злыми помышлениями, то мы добро творим. Нечистый дух только на страстных имеет сильное влияние; а к очистившимся от страстей приражается лишь со стороны, или внешне. Человеку в молодых летах не можно не возмущаться от плотских помыслов. Но должно молиться Господу Богу, да потухнет искра порочных страстей при самом начале. Тогда не усилится пламень.

24. О ТЕРПЕНИИ И СМИРЕНИИ

Надобно всегда терпеть и все, что бы ни случилось, Бога ради, с благодарностью.

Наша жизнь – одна минута в сравнении с вечностью; и потому *недостойны*, по апостолу, *страсти нынешняго времени к хотящей славе явиться в нас* (Рим. 8, 18). В молчании переноси, когда оскорбляет тебя враг, и единому Господу открывай тогда свое сердце. Кто уничижает или отнимает твою честь, всеми мерами старайся простить ему, по слову Евангелия: *от взимающего твоя не истязуй* (Лук. 6, 30).

Когда люди поносят нас, то мы должны считать себя недостойными похвалы, представляя, что ежели бы мы были достойны, то все кланялись бы нам.

Мы всегда и пред всеми должны уничивать себя, следуя учению св. Исаака Сирина: «Уничижи себя, и узришь славу Божию в себе» (Слово 57).

Итак, возлюбим смирение, узрим славу Божию, ибо где смирение, там слава Божия изливается.

Где нет света, все мрачно: так и без смирения ничего нет в человеке, как только одна тьма.

Как воск не разогретый и не размягченный не может принять налагаемой на него печати, так и душа, не искушенная трудами и немощами, не может принять на себя печати добродетели Божией. Когда диавол оставил Господа, тогда приступили ангелы и служили Ему (Матф. 4, 11). Так, если во время искушений несколько отходят от нас ангелы Божии, то недалеко и скоро приступают и служат нам божественными помышлениями, умилением, услаждением, терпением. Душа, потрудившись, приобретает и прочие совершенства. Почему св. пр. Исаия говорит: *терпящие Господа изменят крепость, окрылатеют, аки орлы, потекут и не утрудятся, пойдут и не взалчут.* (Ис. 40, 31).

Так терпел и кротчайший Давид: ибо, когда Семей поносил его и метал в него камни, говоря: *«Изыди, муж беззаконный»*, – он не сердился; и когда Авесса, вознегодовав на сие, сказал ему: *«Почто проклинает пес умерший сей Господина моего царя?»* – Он запретил ему, говоря: *«Оставьте его, и тако да проклинает мя, ибо Господь увидит и воздаст мне благое»* (2 Цар. 16, 7-12). (Пс. 39, 2). Почему после и воспел: *«Терпя потерпех Господа, и внят ми, и услыша молитву мою»*.

Сосуды скудельничи искушает нещъ: и искушение человеческое в помышлениях его (Сир. 27, 5). *Но горе вам погубившим терпение! И что сотворите, егда посетит Господь?* (2, 14)

Как чадолюбивый отец, когда видит, что сын его живет беспорядочно, наказывает его; а когда увидит, что он малодушен и наказание сносит с трудом, тогда

утешает: так поступает со всеми и благой Господь и Отец наш, употребляя все для нашей пользы – как утешения, так и наказания, по Своему человеколюбию. И потому мы, находясь в скорбях, как дети благопокорливые, должны благодарить Бога. Ибо если станем благодарить Его только в благополучии, то подобны будем неблагодарным иудеям, которые, насытившись чудной трапезы в пустыне, говорили, что Христос воистину есть Пророк, хотели взять Его и сделать царем; а когда Он сказал им: *делайте не брашно гнблющее, но брашно, пребывающее в живот вечный*, тогда говорили ему: *кое убо Ты твориши знамение? Отцы наши ядоша манну в пустыне* (Иоан. 6, 31). Прямо на таких падает слово: *исповестся Тебе, егда благо сотвориши ему*, – и таковой даже до века не узрит света (Пс. 48, 19-20).

Посему апостол Иаков учит нас: *всяку радость имейте, братия мои, егда во искушения впадаете различна, ведяще, яко искушения вашея веры соделывает терпение; терпение же дело совершенно да имать, и прибавляет: блажен муж, иже претерпит искушение, зане искусен быв, примет венец жизни* (Иак. 1, 2-4, 12).

25. О ДОЛЖНОСТЯХ И ЛЮБВИ К БЛИЖНИМ

С ближними надобно обходиться ласково, не делая даже и видом оскорбления.

Когда мы отвращаемся от человека или оскорбляем его, тогда на сердце нашем как бы камень ложится.

Дух смущенного или унывающего человека надобно стараться ободрить словом любви. Брату грешащему, покрой его, как советует св. Исаак Сирин (Сл. 89): «прости ризу твою над согрешающим и покрой его».

Все мы требуем милости Божией, как Церковь поет: *аще не Господь бы был в нас, кто доволен, цел, сохранен быти от врага, купно и человекоубийцы?*

Мы в отношении к ближним должны быть как словом, так и мыслью чисты и ко всем равны; иначе жизнь нашу сделаем бесполезной.

Мы должны любить ближнего не менее, как самих себя, по заповеди Господней: *возлюбиши ближняго твоего, яко сам себе* (Лук. 10, 27). Но не так, чтобы любовь к ближним, выходя из границ умеренности, отвлекала нас от исполнения первой и главной заповеди, т.е. любви Божией, как о сем поучает Господь наш Иисус Христос: *иже любит отца или мать паче Мене, несть Мене достоин; и иже любит сына или дочь паче Мене, несть Мене достоин* (Матф. 10, 37).

О сем предмете весьма хорошо рассуждает св. Дмитрий Ростовский (част. 2. поуч. 2. лист 165): «Там видна неправдивая к Богу в христианском человеке любовь, где тварь с Творцом сравнивается; а там видна правдивая любовь, где один Создатель больше всех созданий любит и предпочитается».

26. О НЕОСУЖДЕНИИ БЛИЖНЕГО И О ПРОЩЕНИИ ОБИД

Не должно судить никого, хотя бы собственными очами видел кого согрешающим или коснеющим в преступлении заповедей Божиих, по слову Божию: *не судите, да не судимы будете* (Матф. 7, 1); *кто ты еси, судяй чуждему рабу? Своему Господеву стоит или падает; станет же: силен бо есть Бог поставити его* (Рим. 14, 4).

Гораздо лучше всегда приводить себе на память сии апостольские слова: *мняйся стояти, да блюдетя; да не падет* (1 Кор. 10, 12).

Ибо не известно, сколько времени мы можем пребывать в добродетели, как говорит пророк, опытом сие дознавший: *рех во обилии моем: не подвижуся вовек. Отвратил же еси лице Твое, и бых смущен* (Пс. 29, 7-8).

За обиду, какова бы она ни была, не должно отмщать, но, напротив, прощать обидчика от сердца, хотя бы оно и противилось сему, и склонять его убеждением слова Божия: *еще не отпускаете человеком согрешения их, ни Отец ваш Небесный отпустит вам согрешений ваших* (Матф. 6, 15); *молитесь за творящих вам напасть* (Матф. 5, 44).

Не должно питать в сердце злобы или ненависти к ближнему – враждующему, но должно любить его и, сколько можно, творить ему добро, следуя учению Господа нашего Иисуса Христа: *любите враги ваша, добро творите ненавидящим вас* (Матф. 5, 44).

Итак, если мы будем, сколько есть сил, стараться все сие исполнять, то можем надеяться, что в сердцах наших воссияет свет божественный, озаряющий нам путь к горнему Иерусалиму.

Поревнуем возлюбленным Божиим: поревнуем кротости Давида, о котором преблагой и любоблагой Господь сказал: *нашел Я мужа по сердцу Моему, который исполнит все хотения Мои*. Так Он говорит о Давиде незлопамятном и добром ко врагам своим. И мы не будем делать ничего в отмщение брату нашему, дабы, как говорит преп. Антиох, не было остановки во время молитвы. Закон велит заботиться об осле врага (Исх. 23, 5). Об Иове свидетельствовал Бог как о человеке незлобивом (Иов 2, 3); Иосиф не мстил братьям, которые замыслили на него зло; Авель в простоте и без подозрения пошел с братом своим Каином.

По свидетельству слова Божия, святые все жили в незлобии, Иеремия, беседуя с Богом (Иер. 18, 20), говорит о гнавшем его Израиле: *еда воздаются злая за благая? Помяни стоящего мя пред Тобою, еже глаголати за них благая* (Ант. сл. 52).

Бог заповедал нам вражду только против змия, т.е. против того, кто изначально обольстил человека и прогнал из рая, – против человекоубийцы-дьявола. Пове-

лено нам враждовать и против Маданитян, т.е. против нечистых духов блуда и студодения, которые сеют в сердце нечистые и скверные помыслы.

Предел добродетели и мудрости есть бесхитростное действие с разумом.

Отчего мы осуждаем братьев своих? Оттого, что не стараемся познать самих себя. Кто занят познанием самого себя, тому некогда замечать за другими. Осуждай себя и перестанешь осуждать других.

Осуждай дурное дело, а самого делающего не осуждай.

Самих себя должно нам считать грешнейшими всех и всякое дурное дело прощать ближнему, а ненавидеть только диавола, который прельстил его. Случается же, что, нам кажется, другой делает худо, а в самом деле, по благому намерению делающего, это хорошо. Притом дверь покаяния всем открыта, и неизвестно, кто прежде войдет в нее – ты ли, осуждающий, или осуждаемый тобой.

Если осуждаешь ближнего, учит пр. Антиох, то вместе с ним и ты осуждаешься в том же, в чем его осуждаешь. Судить или осуждать не нам надлежит, но единому Богу и Великому Судье, ведающему сердца наши и сокровенные страсти естества (Ант. сл. 49).

Итак, возлюбленные, не будем наблюдать за чужими грехами и осуждать других, чтобы не услышать: *сынове человеческия, зубы их оружия и стрелы, и язык их меч остр* (Пс. 56, 5).

Ибо когда Господь оставит человека самому себе, тогда диавол готов стереть его, как мельничный жернов зерно пшеничное.

27. ПРОТИВ ИЗЛИШНЕЙ ПОПЕЧИТЕЛЬНОСТИ

Излишнее попечение о вещах житейских свойственно человеку неверующему и малодушному. И горе нам, если мы, заботясь сами о себе, не утверждаемся надеж-

дой нашей в Боге, пекущемся о нас! Если видимых благ, которыми в настоящем веке пользуемся, не относим к Нему, то как можем ожидать от Него тех благ, которые обещаны в будущем? Не будем такими маловерными, а лучше будем *искать прежде Царствия Небесного, и сия вся приложатся* нам, по слову Спасителя (Матф. 6, 33).

Лучше для нас презирать то, что не наше, т.е. временное и преходящее. и желать нашего, т.е. нетления и бессмертия. Ибо когда будем нетленны и бессмертны, тогда удостоимся видимого богосозерцания, подобно апостолам при божественнейшем Преображении и приобщимся превыше-умного единения с Богом подобно небесным умам. *Ибо будем подобны ангелам и сынами Божиими, воскресения сынове сущи* (Лук. 20, 36).

Есть недуг, – говорит Екклесиаст, – его же видех под солнцем: богатство, хранимо от стяжателя в зло ему; и погибнет богатство оно в попечении лукавие: вси дние его во тьме, и плачи, и в ярости мнозе, и в недуге и в гневе. (Еккл. 5, 12, 16).

28. О ПЕЧАЛИ

Когда злой дух печали овладеет душой, тогда, наполнив ее горестями и неприятностями, не дает ей совершать молитву с должным усердием, мешает заниматься чтением писаний с надлежащим вниманием, лишает ее кротости и благодушия в обращении с братьями и рождает отвращение от всякого собеседования. Ибо душа, исполненная печали, делаясь как бы безумной и иступленной, не может спокойно ни принимать благого совета, ни кротко отвечать на предлагаемые вопросы. Она убегает людей, как бы виновников ее смущения, не понимая, что причина болезни внутри ее. Печаль есть червь сердца, грызущий рождающую его мать.

Печальный монах не движет ума к созерцанию и никогда не может совершать чистой молитвы.

Кто победил страсти, тот победил и печаль. А побежденный страстями не избежит оков печали. Как больной виден по цвету лица, так обладаемый страстью обличается от печали.

Кто любит мир, тому невозможно не печалиться. А презревший мир всегда весел.

Как огонь очищает золото, так печаль по Боге очищает греховное сердце (Ант. сл. 25).

29. ОБ ОТЧАЯНИИ

Отчаяние, по учению св. Иоанна Лествичника, рождается или от сознания множества грехов, отягчения совести и несносной печали, когда душа, множеством язв покрытая, от невыносимой их боли погружается в глубину отчаяния, или от гордости и надмения, когда кто почитает себя не заслуживающим того греха, в который впал. Первого рода отчаяние влечет человека во все пороки без разбора, а при отчаянии второго рода человек держится еще своего подвига, что, по словам Иоанна Лествичника, и не совместно разуму. Первое врачуетсЯ воздержанием и благой надеждой, а второе смирением и неосуждением ближнего (Лест. Лист. 102, степень 26).

Господь печется о нашем спасении. Но человекоубийца диавол старается привести человека в отчаяние.

Душа высокая и твердая не отчаивается при несчастьях, каковы бы они ни были. Иуда предатель был малодушен и не искусен в брани, и потому враг, видя его отчаяние, напал на него и обольстил его удавиться; но Петр – твердый камень, когда впал в грех, как искусный в брани, не отчаялся и не потерял духа, но пролил горькие слезы от горячего сердца, и враг, увидя их, как огнем палимый в глаза, далеко убежал от него с болезненным воплем.

Итак, братья, учит пр. Антиох, когда отчаяние будет нападать на нас, не покоримся ему, но, укрепляясь и

ограждаясь светом веры, с великим мужеством скажем лукавому духу: «Что нам и тебе, отчужденный от Бога, беглец с небес и раб лукавый? Ты не смеешь сделать нам ничего. Христос, Сын Божий, власть имеет и над нами, и над всем. Ему согрешили мы, Ему и оправдаемся. А ты, пагубный, удались от нас. Укрепляемые честным Его Крестом, мы попираем твою змеиную главу (Ант. с. 27). И с умилением будем молиться к Господу: *Владыко Господи небесе и земли, Царю веков! Благоволи отверсти мне дверь покаяния, ибо я в болезни сердца молю Тебя, истинного Бога, Отца Господа нашего Иисуса Христа, света миру, – призри многим Твои благоутробием и прими моление мое; не отврати его, но прости мне, впадшему во многие прегрешения. Приклони ухо Твое к молению моему и прости мне все злое, которое соделал я, побежденный моим произволением. Ибо ищу покоя, и не обретаю, потому что совесть моя не прощает меня. Жду мира, и нет во мне мира, по причине глубокого множества беззаконий моих. Услыши, Господи, сердце, вопиющее к Тебе, не посмотри на мои злые дела, но призри на болезнь души моей и поспеши у врачевать меня, жестоко уязвленного. Дай мне время покаяния ради благодати человеколюбия Твоего и избавь меня от бесчестных дел, и не возмешь мне по правде Твоей и не воздай мне достойное по делам моим, чтобы мне не погибнуть совершенно. Услыши, Господи, меня, в отчаянии находящегося. Ибо я, лишенный всякой готовности и всякой мысли ко исправлению себя, припадаю к щедротам Твоим: помилуй меня, поверженного на землю и осужденного за грехи мои. Воззови меня, Владыко, плененного и содержимого моими злыми деяниями и как бы цепями связанного. Ибо Ты Един ведаешь разрешать узников, врачевать раны, никому не известные, которые знаешь только Ты, ведающий сокровенное. И потому во всех моих злых болезнях призываю только Тебя, врача всех страждущих, дверь рыдающих вне, путь заблудившихся, свет помраченных,*

искупитель заключенных, всегда сокращающего десницу Свою и удерживающего гнев Свой, уготованный на грешников, но ради великого человеколюбия дающего время покаянию. Воссияй мне свет лица Твоего, Владыко, тяжко падшему, скорый в милости и медленный в наказании. И Твоим благоутробием простри мне руку и восставь меня из рова беззаконий моих. Ибо Ты Един Бог наш, не веселящийся о погибели грешников и не отвращающий лица Своего от молящегося к Тебе со слезами. Услыши, Господи, глас раба Твоего, вопиющего к Тебе, и яви свет Твой на мне, лишенном света, и даруй мне благодать, чтобы я, не имеющий никакой надежды, всегда надеялся на помощь и силу Твою. Обрати, Господи, плач мой в радость мне, расторгни вретнице и препояшиь меня веселием (Пс. 29, 12). И благоволи, да успокоюсь от вечерних дел моих, и да получу успокоение утреннее, как избранные Твои, Господи, от которых отбежала болезнь, печаль и воздыхание, и да отверзется мне дверь Царствия Твоего, дабы, вошедши с наслаждающимися светом лица Твоего, Господи, получить мне жизнь вечную во Христе Иисусе, Господе нашем. Аминь.

35. О ПРИЧИНАХ ПРИШЕСТВИЯ В МИР ИИСУСА ХРИСТА

Причины пришествия в мир Иисуса Христа, Сына Божия, суть:

Любовь Божия к роду человеческому: *также бо возлюби Бог мир, яко и Сына Своего единородного дал есть* (Иоан. 3, 16).

Восстановление в падшем человеке образа и подобия Божия, как о сем воспевают Св. Церковь (1-й канон на Рожд. Госп. песнь 1-я): *истлевши преступлением, по образу Божию бывшаго, всего тления суца, лучиши отпадаши Божественныя жизни, паки обновляет мудрый Содетель.*

Спасение душ человеческих: *не послал бо Бог Сына Своего в мир, да судит мирови, но спасется Им мир* (Иоан. 3, 17).

Итак, мы, следуя цели Искупителя нашего Господа Иисуса Христа, должны жизнь свою препровождать согласно Его Божественному учению, дабы чрез сие получить спасение душам нашим.

36. О ЖИЗНИ ДЕЯТЕЛЬНОЙ И УМОЗРИТЕЛЬНОЙ

Человек состоит из души и тела, а потому и путь жизни его должен состоять из действий телесных и душевных – из деяния и умосозерцания.

Путь деятельной жизни составляют: пост, воздержание, бдение, коленопреклонение, молитва и прочие телесные подвиги, составляющие тесный путь и прискорбный, который, по слову Божию, *вводит в живот вечный* (Матф. 7, 14).

Путь умосозерцательной жизни состоит в возвышении ума к Господу Богу, в сердечном внимании, умной молитве и созерцании через таковые упражнения вещей духовных.

Всякому, желающему проходить жизнь духовную, должно начинать от деятельной жизни, а потом уже приходить и в умосозерцательную: ибо без деятельной жизни в умосозерцательную прийти невозможно.

Деятельная жизнь служит к очищению нас от греховных страстей и возводит нас на степень деятельного совершенства; а тем самым пролагает нам путь к умосозерцательной жизни. Ибо одни только очистившиеся от страстей и совершенные к оной жизни приступить могут, как сие видеть можно из слов Священного Писания: *блаженны чистые сердцем, яко тии Бога узрят* (Матф. 5, 8), и из слов Св. Григория Богослова (в слове на Св. Пасху): к созерцанию могут безопасно приступить только совершеннейшие по своей опытности.

Так и Церковь, ублажая святителя Николая, воспе-
вает: молчаньми прежде и бореньми с помысли, дея-
нию Богомыслие приложил еси, Богомыслием же разум
совершен стяжал еси, имже дерзновенно с Богом и анге-
лы беседовал еси (Акаф. Св. Николаю. Конд. 10).

К умозрительной жизни приступать должно со
страхом и трепетом, с сокрушением сердца и смире-
нием, с многим испытанием Святых Писаний и, если
можно найти, под руководством какого-либо искус-
ного старца, а не с дерзостью и самочинием: дерзый
бо и презорливый, по словам Григория Синаита (О
прелести и о иных многих предлогах. Доброт. част. 1,
лист 951 и на обор.), паче достоинства своего взы-
скав, с кичением понуждается до того прежде времени
доспети. И паки: аще мечтает кто мнением высокая
достигнути. желание сатанино, а не истину стяжав, –
сего диавол своими мрежами удобь уловляет, яко
своего слугу.

Если же не можно найти наставника, могущего ру-
ководствовать к умосозерцательной жизни, то в таком
случае должно руководствоваться Священным Писани-
ем, ибо Сам Господь повелевает нам учиться от Свя-
щенного Писания, глаголя: *испытайте Писания, яко вы
мните в них иметь живот вечный* (Иоан. 5, 39).

Также должно тщательно прочитывать отеческие
писания и стараться, сколько можно, по силе испол-
нять то, чему научают оные, и таким образом, ма-
ло-помалу, от деятельной жизни восходить к совер-
шенству умосозерцательной.

Ибо, по словам Св. Григория Богослова (Слово на
Св. Пасху), самое лучшее дело, когда мы каждый сам
собою достигаем совершенства и приносим призываю-
щему нас Богу жертву живую, святую и всегда и во всем
освящаемую.

Не должно оставлять деятельную жизнь и тогда, ко-
гда бы в ней человек имел преуспеяние и пришел бы

уже в умосозерцательную; ибо она содействует умосозерцательной жизни и ее возвышает.

Проходя путь внутренней и умосозерцательной жизни, не должно ослабевать и оставлять одного потому, что люди, прилепившиеся к внешности и чувственности, поражают нас противностью своих мнений в самое чувство сердечное и всячески стараются отвлечь нас от прохождения внутреннего пути, поставляя нам на оном различные препятствия: ибо, по мнению Учителей Церковных (Блаж. Феодорита толков. на Песнь песней, лист 84 на обор.) умосозерцание вещей духовных предпочитается познанию вещей чувственных.

А потому никакими противностями в прохождении сего пути колебаться не должно, утверждаясь в сем случае на слове Божиим: *страха же их не убоимся ниже смутимся, яко с нами Бог. Господа Бога нашего освятим в сердечной памяти Его Божественного имени, и Той будет нам в страх* (Ис. 8, 12. 13).

КЕЛЕЙНОЕ ПРАВИЛО ОТЦА СЕРАФИМА

Прежде начатия Псалтири читай сие:

Боже, очисти мя грешнаго и помилуй мя. *Поклон.*

Создавый мя, Господи, помилуй мя. *Поклон.*

Без числа согреших, Господи, прости мя. *Поклон.*

Боже, милостив буди мне, грешному. *Поклон.*

Боже, прости моя беззакония и согрешения. *Поклон.*

Кресту Твоему покланяемся, Владыко, и святое воскресение Твое славим. *Поклон.*

Господи, аще словом или делом согреших во всей жизни моей, помилуй мя и прости ми, грешному, милости Твоя ради.

Достойно есть. Слава, и ныне. Господи помилуй. *Трижды. Благослови.*

Молитвами святых Отец наших, Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя, грешного. Слава Тебе, Боже наш, слава Тебе. *Трисвятое: По Отче наш:*

На Славах:

Слава, и ныне. Аллилуия, *трижды.* Господи помилуй *трижды.* Посем: Спаси Господи и помилуй всех православных христиан и на всяком месте владычества Твоего православно живущих: подаждь им, Господи, душевный мир и телесное здравие и прости им всякое согрешение, вольное же и невольное: и их святыми молитвами и меня, окаянного, помилуй.

Упокой, Господи, души усопших раб Твоих, праотцев, отцев и братьев наших, zde лежащих и повсюду православных христиан преставльшихся: подаждь им, Господи, царствие и причастие Твоея бесконечныя и блаженныя жизни, и прости им, Господи, всякое согрешение вольное же и невольное.

По окончании кафисмы читай:

ТРОПАРИ И КОНДАКИ

В беззакониях зачався аз блудный, не дерзаю взи-
рать на высоту небесную; но, дерзая на человеколюбие
Твое, зову: Боже, очисти мя, грешного, и помилуй мя.

Аще праведник едва спасается, где явлюся аз, греш-
ный? Тяготы и зноя дневнаго не понесох, но с наемниками
единодесятого часа сопричти мя, Боже, и спаси мя.

Объятия Отча отверсти ми потщися: блудно мое иж-
дих житие, на богатство неиждиваемое взираяй щедрот
Твоих, Спасе: ныне обнищавшее мое да не презриши
сердце; Тебе бо, Господи, во умилении зову: согреших
на небо и пред Тобою.

Достойно есть яко воистину *до конца*.

Согреших к Тебе, Спасе, яко блудный сын: приими
мя Отче кающегося, и помилуй мя, Боже.

Зову к Тебе, Христе Спасе, мытаревым гласом: очи-
сти мя, якоже онаго, и помилуй мя, Боже.

Милосердия сущи источник, милости сподоби нас,
Богородице; призри на люди согрешившия, яви яко
присно силу Твою: на Тя бо уповающе, радуйся, вопием
Ти, якоже иногда Гавриил, бесплотных Архистратиг.

Вся паче смысла, вся преславная Твоя, Богородице,
таинства! Чистоте запечатанной и девству храниму,
Мати позналася еси неложна, Бога рождши истиннаго:
Того моли спастися душам нашим.

Пречистому Твоему Образу покланяемся, благий, просяще прощения прегрешений наших, Христе Боже: волею бо благоволил еси плотию взыти на Крест, да избавиши, яже создал еси, от работы вражия. Тем благодарственно вопием Ти: радости исполнил еси вся, Спасе наш, пришедый спасти мир.

Спаси, Господи, люди твоя и благослови достояние Твое, победы благоверному Императору нашему Александру Николаевичу на сопротивныя даруя и Твое сохраняя Крестом Твоим жительство.

Небесных воинств Архистратизи, молим вас присно мы недостойнии, да вашими молитвами оградите нас кровом крил невещественныя вашей славы, сохраняющие ны припадающия прилежно и вопиющия: от бед избавите ны, яко чиноначальницы вышних Сил.

Боже Отец наших, творяй присно с нами по Твоей кротости, не отстави милости Твоя от нас: но молитвами их в мире управи живот наш.

Глубиною мудрости человеколюбно вся строяй и полезное всем подаваяй, едине Содетелю, упокой Господи души раб Твоих: на Тя бо упование возложиша, Творца и Зиждителя и Бога нашего.

Со святыми упокой, Христе, души раб Твоих, идеже несть болезнь, ни печаль, ни воздыхание, но жизнь бесконечная.

Упование христиан, пресвятая Дево, Егоже родила еси Бога паче ума же и слова, непрестанно моли с горними Силами, дати оставление грехов нам всем, и исправление жития, верою и любовью присно Тя чтущим.

Господи помилуй. *Сорок.* И молитву святого Ефрема.:

Господи и Владыко живота моего, дух праздности, уныния, любоначала и празднословия не даждь ми. *Поклон.* Дух же целомудрия, смиренномудрия, терпения и любви даруй ми, рабу Твоему. *Поклон.* Ей, Господи, Царю, даруй ми зрети моя прегрешения и не осуждати брата моего: яко благословен еси во

веки веков, аминь. *Поклон. Также малых дванадесять поклонов, глаголюще на кийждо поклон: Боже, очисти мя грешнаго и помилуй мя. И наки последи молитву всю: Господи и Владыко.*

ПО ОКОНЧАНИИ ТРЕХ КАФИСМ ГЛАГОЛИ:

Создавый мя Господи, помилуй мя.

Без числа согреших, Господи, прости мя.

Боже, милостив буди мне грешному.

Боже, прости моя беззакония и согрешения.

Кресту Твоему покланяемся Владыко, и святое Воскресение Твое славим.

Господи, аще словом, или делом, или помышлением согреших во всей жизни моей, помилуй мя и прости ми грешному, милости Твоя ради.

Достойно есть: Слава, и ныне. Господи помилуй, *трижды*. Благослови. Молитвами святых Отец наших.

Во имя Отца и Сына и Святаго Духа. Аминь. Слава Тебе Боже наш, слава Тебе: Царю Небесный: Трисвятое: *По* Отче наш: Господи помилуй, *дванадесать*. Приидите поклонимся, *трижды*. И Псалом пятидесятый; и: Верую во единого Бога Отца:

Упование мое Отец, прибежище мое Сын, покров мой Дух Святый: Троице Святая, слава Тебе.

Отче наш, *и проч.*

Богородице Дево радуйся, *и проч.*

Кресту Твоему, *и проч.*

Возбранный Воеводо и Господи, *и проч.*

Взбранной Воеводе победительная, *и проч.*

Преславная Приснодево, *и проч.*

Все упование мое, *и проч.*

Богородице Дево, не презри мене грешнаго, *и проч.*

Упование мое Отец, *и проч.*

Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешнаго, и прости моя беззакония и согрешения.

Всемилющая Владычице моя, Пресвятая Госпоже, Пречистая Дево, Богородице Марие, Мати Божия, спаси мя грешнаго.

Святии Архангели, Ангели, Херувими, Серафими и вся Силы небесныя, помилуйте мя и молитесь ко Господу Богу о мне грешном.

Святой Ангеле Господень, Хранителю мой Святой, помилуй мя и молися ко Господу Богу о мне грешном.

Вси святии, помилуйте мя и молитесь ко Господу Богу о мне грешном.

Богородице Дево радуйся, *и проч.*

Спаси Господи и помилуй отца нашего строителя иеромонаха (*имярек*), со всею о Христе братиею: подаждь им, Господи, душевный мир и телесное здравие, и прости им, Господи, всякое согрешение, вольное же или невольное, и их святыми молитвами и меня окаянного помилуй.

Спаси Господи и помилуй всех православных христиан на всяком месте владычества Твоего, и подаждь им, Господи, душевный мир и телесное здравие, и прости им, Господи, всякое согрешение вольное же и невольное, и их святыми молитвами меня окаянного помилуй.

Упокой Господи души усопших раб Твоих, праотец, отец и братьев наших, зде лежащих и повсюду православных христиан преставльшихся, и подаждь им, Господи, причастие Твоя бесконечныя и блаженныя жизни, и прости им, Господи, всякое согрешение, вольное же и невольное.

Слава, и ныне, Аллилуия, *трижды*. Слава. Спаси Господи и помилуй всех прав.

И ныне. Упокой Господи души усопших, *и проч. Посем* О Тебе радуется: Слава, и ныне. Господи помилуй. *Трижды*. Благослови. Молитвами Святых Отец наших:

Ослаби, остави, прости, Боже, прегрешения наша, вольная и невольная, яже в слове и деле, яже в ведении

и не в ведении, яже во дни и в нощи, яже в уме и в помышлении, вся нам прости, яко благ и человеколюбец.

Ненавидящих и обидящих мя прости, Господи, человеколюбче, *и проч.* Молит.

Богородице Дево радуйся, *и проч.*

Светися, светися, новый Иерусалиме, слава бо Господня на тебе возсия: ликуй ныне и веселися, Сионе: Ты же Чистая, красуйся, Богородице, о востании Рождества Твоего.

Воистину Богородицу Тя исповедуем спасенные Тобою, Дево чистая, с бесплотными лики Тя величающе.

Достойно есть, *и проч.*

Радуйся девственная похвало, радуйся Мати Пречистая, Юже вся тварь божественными песнями величает.

Предстательство христиан непостыдное, ходатайство ко Творцу непреложное, не презри грешных молений гласы, но предвари яко Благая на помощь нас, верно зовущих Ти: ускори на молитву и потщися на умоление, предстательствующи присно Богородице чтущих Тя.

Милосердия двери отверзи нам, *и проч.*

Нескверная, неблазная, нетленная, *и проч.*

Молитва на повеч.

Слава; и ныне. Господи помилуй. *Трижды.*

Благослови. Молитвами святых Отец наших, Господи Иисусе Христе Боже наш, помилуй нас. Аминь.

ОГЛАВЛЕНИЕ

I. ОТ РОЖДЕНИЯ ДО ВСТУПЛЕНИЯ В САРОВСКУЮ ПУСТЫНЬ

Место рождения старца Серафима. – Его родители. – Время рождения. – Отрочество и воспитание до семнадцатилетнего возраста. – Склонность к иночеству. – Решимость поступить в монастырь. – Прощание с матерью..... 8

II. ОТ ВСТУПЛЕНИЯ В ПУСТЫНЬ ДО ПОСТРИЖЕНИЯ В МОНАШЕСТВО

Намерение, с которым Прохор оставил родину. – Его путешествие в Киев. – Возвращение на родину и последнее пребывание в ней. – Приход в Саровскую пустынь. – Жизнь Прохора в звании послушника до пострижения в монашество..... 14

III. ОТ ПОСТРИГА ДО УДАЛЕНИЯ В ДАЛЬНЮЮ ПУСТЫНЬ

Время послушнического искуса Прохора. – Его возмужалость. – Описание наружного его вида. – Его душевные дары. – Посвящение всего себя Богу. – Вступление в монашество. – Ревностнейшее прохождение подвигов. – Посвящение во иеродиакона. – Служение в этом сане. – Любовь к нему настоятеля и старцев. – Его всегдашнее воздержание. – Видение в храме во время литургии в великий четверток. – Пустынные подвиги о. Серафима. – Посвящение во иеромонаха. – Служение в этом сане. – Духовная зрелость о. Серафима для высших монашеских подвигов 28

IV. УЕДИНЕНИЕ И ПОДВИГИ В ДАЛЬНЕЙ ПУСТЫНИ

Добровольное удаление о. Серафима в пустынь. – Причины и внешний повод к удалению. – Благословение настоятеля. – Описание пустыни. – Времяпровождения в ней и занятия 38

V. МОЛЧАЛЬНИЧЕСТВО. – ВОЗВРАЩЕНИЕ В ОБИТЕЛЬ И ЗАТВОР

Новый подвиг о. Серафима. – Молчаличество. – Его различные проявления. – Сущность молчаличества по понятиям самого старца. – Ответ на вопросы братии о сем. – Молчание, переход к затвору. – Обстоятельства затвора. – Саровский собор старцев. – Приход о. Серафима в обитель и затвор. – Убранство затворнической кельи. – Ношение большого креста. – Одежда и пища в затворе. – Молитвенные труды. – Чтение и толкование Св. Писания. – Причащение Св. Тайн. – Дубовый гроб в сенях. – Один из сокровенных подвигов старца. – Ослабление затвора. – Посещение старца епископом Ионою и тамбовским губернатором. – Хождение ко старцу братии и его наставления к ним. – Открытие дверей кельи для посторонних. – Описание приема, какой он делал посетителям. – Наставление и краткое, молитвенное правило его. – Обращение со знатными лицами. – Приход к старцу простых людей. – Замечательные случаи прозрения, исцелений и других деяний старца, относящихся к настоящему времени. – Окончание затвора 72

VI. БЛИЖНЯЯ ПУСТЫНЬ И ПРЕБЫВАНИЕ В НЕЙ о. СЕРАФИМА

О происхождении, рисунке и названии Саровского родника. – Келья о. Дорофея и смерть его. – Изнеможение о. Серафима и совет близких людей. – Сокровенный выход из кельи и значение этого случая. – Явление во сне Пресвятой Богородицы. – Благословение игумена. – Выход из затвора в лес. – Посещение прежней пустыни. – Телесные труды старца. – Временное убежище для него. – Устройство новой постоянной кельи. Название всей этой местности. – Переименование родника. – Времяпровождение о. Серафима. – Распоряжение тамбовского архиерея, чтобы он причащался в церкви Св. Тайн. – Увеличение его посетителей. Отзыв о. Нифонта о сем. – Характеристика о. Серафима за это время, написанная его современником. – Прибавление к ней. – Переход к следующей главе 93

VII. ОТНОШЕНИЕ СТАРЦА СЕРАФИМА К ДИВЕЕВСКОЙ ОБИТЕЛИ

Об основании Дивеевской общины. – Краткие сведения об основательнице ее и первоначальнице. – Труды ее и построение новой каменной церкви в Дивееве. – Основание Дивеевской общины. – Судьба ее и умножение членов после смерти первоначальницы. – Влияние Саровских старцев. – Посещение о. Серафима сестрами и священником Дивеевской общины. – Участие в ней старца Серафима. – Причины разделения общины. – Обстоятельства этого события. – Указание нового места для нее. – Устройство мельницы. – Переселение некоторых сестер и первоначальная жизнь их на новом месте. – Приобретение земли в собственность. – Малодушные некоторых сестер. – Число их при кончине старца. – Труды и подвиги сестер. – Новое молитвенное правило о. Серафима для них. – Построение и освящение новых церквей для общины. – Исправление сестрами пономарских обязанностей в церкви. – Правила, заповеданные о. Серафимом относительно служений в общинной церкви и занятий сестер. – Обстоятельства, доказавшие необходимость их исполнения. Об участии старца в будущем построении собора в общине. – Слитие двух общин в одну после смерти старца. – Взгляд о. Серафима на новоучрежденную общину..... 106

VIII. ВЛИЯНИЕ СТАРЦА СЕРАФИМА НА АРДАТОВСКУЮ ОБИТЕЛЬ И ЗЕЛЕНОГОРСКУЮ ОБЩИНУ

Поручение трех общин о. Серафиму. – О первом основании Ардаатовской общины. – Переселение общины на новое место и внутренний порядок. – Влияние саровских старцев. – Споры и избрание новой начальницы после смерти основательницы общины. – Голод в общине. – Обращение к о. Серафиму. – Неожиданное спасение. – Предостережение сестер общины от нового голода. – Нравственное влияние о. Серафима на них. – Назначение помощника себе в этом деле. – Забота о безопасности обители. – Определение будущего. – Общий взгляд на отношение о. Серафима к общине. – Последнее его распоряжение о ней. – Несколько слов об отношении его к обители Зеленогорской..... 131

IX. ПОСЛЕДНИЕ ГОДЫ ЖИЗНИ о. СЕРАФИМА

Ответы его соблазнявшимся. – Беседа с игуменом Нифонтом. – Дух обхождения с посетителями. – Посещения монашествующих. – Беседы с мирянами. – Ответы на вопросы: «Что ты всех учишь и зачем приходящих помазываешь елеем?» – Опыты прозорливости о. Серафима. – Польза от этого дара и объяснение, как он действовал в душе о. Серафима. – Исцеление больных. – Целительное свойство воды в Серафимовом источнике. – Случаи исцеления от употребления сей воды. – Врачевство и советы о. Серафима во время холеры 1831 года. – Помощь его скорбящим, страждущим душевными недугами и болезноватым. – Соединение с исцелениями предсказаний о будущем. – Предсказания, касающиеся всего общества, некоторых частных лиц и Саровской обители. – Одежда о. Серафима. – Подвиги его против сна. – Его самоотвержение и приверженность к иночеству. – Какое время он проводил в молитве. – Его постоянная молитва за живых и усопших. – Употребление свечей и лампад при молитве. – Стояние на воздухе во время молитвы. – Уважение к нему других подвижников. – Духовное общение старца с ними. – Разительный пример его общения 139

X. ПРИГОТОВЛЕНИЕ К СМЕРТИ, КОНЧИНА И ПОГРЕБЕНИЕ

Изнеможение сил старца Серафима. – Изменение порядка жизни. – Усердие к старцу народа. – Замечательные случаи из отношений о. Серафима к ближним в это время. – Его предсказания о своей смерти. – Две беседы с сестрами Дивеевской общины. – Исцеление и разговор с инокиней Платонидой. – Посещение о. Серафима подвижником Тимоном и наставления, данные ему Саровским старцем. – Огорчения и взгляд на них о. Серафима. – Его приготовление к смерти. – Замечательное свидание с преосвящ. Арсением за четыре месяца до смерти и разные предсказания о ней. – Заключительное слово о. Серафима. – Последний день жизни. – Описание кончины старца. – Его погребение. – Памятник на могиле. – Стихотворение по случаю его кончины. – Откровение Воронежскому епископу Антонию о его смерти. – Смерть брата о. Серафима. – Собрание сведений о жизни о. Серафима. – Разбор вещей, оставшихся после

его смерти. – Память о нем живет и ублажается повсюду до настоящего времени..... 213

ХІ. ЯВЛЕНИЕ БЛАГОДАТНОЙ ПОМОЩИ о. СЕРАФИМА ПОСЛЕ КОНЧИНЫ ЕГО

Исцеления от беснования В. К., от горячки Н. К., от беснования Ф., от болезни глаз Ф. В., избавление от разбойников К-ва. Исцеления от болезни ног, от холеры, от беснования, от слепоты. – Наказанное неисполнение заповеди старца; рассказ святогорца; исцеление от горячки; исцеление больного дитяти; облегчение головной боли; исцеление от ушиба, от беснования; возвращение зрения; наказанное невнимание к портрету старца; помощь родильнице. – Общий взгляд на благодатные явления помощи о. Серафима и пути промысла в его жизни..... 251

ПРИЛОЖЕНИЕ

НАСТАВЛЕНИЯ о. СЕРАФИМА 270

КЕЛЕЙНОЕ ПРАВИЛО о. СЕРАФИМА 309

Отпечатано по изданию 1863 г.

**Житие старца Серафима, Саровской пустыни иеромонаха,
пустынножителя и затворника. – М. ФОРУМ – 2003 г. – 320 с.**

ISBN 5-89747-043-X

Подписано в печать 23.04.2002 г. Формат 84х108/32.
Объем 10 п. л. Печать офсетная. Бумага газетная.

Тираж 10 000 экз. Заказ № 5380.

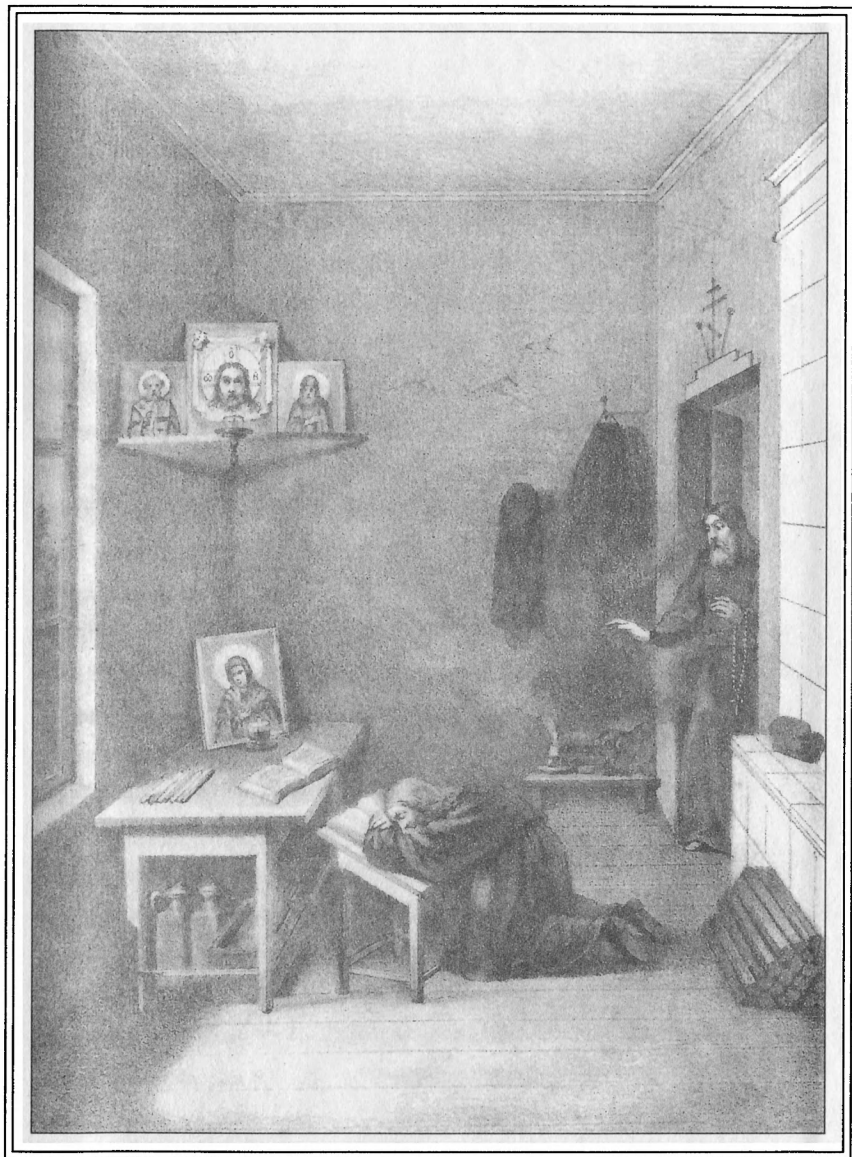
Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленных диапозитивов в Тульской типографии.
300600, г. Тула, пр. Ленина, 109 .

СТАРЕЦ ОТЕЦ СЕРАФИМ
В БЛИЖНЕЙ ПУСТЫНИ У СВОЕГО КОЛОДЦА

ЯВЛЕНИЕ БОЖИЕЙ МАТЕРИ
старцу Серафиму в день Благовещения

БЛАЖЕННАЯ КОНЧИНА СТАРЦА ОТЦА СЕРАФИМА

Это издание дает возможность познакомиться с первой подробной книгой о преподобном Серафиме Саровском, вышедшей в 1863 году — через 30 лет после его блаженной кончины и за 40 лет до причисления старца к лику святых. До 1863 года появилось лишь несколько кратких жизнеописаний Саровского подвижника.

В книгу входят наставления и келейное молитвенное правило преп. Серафима, а также иллюстрации, взятые из выпуска 1863 г.

